

Годъ 18-й.

№. LXVIII—LXIX.

# ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла  
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,  
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

---

1906, № 1 и 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

И

*Товарища Предсѣдателя Н. А. Гилука.*



МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1906.

GNI

ES6

113

Печатано съ разрѣшенія Совета Императорскаго Общества Любителей  
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

## СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Курскій лирникъ Т. И. Семеновъ. <i>М. Н. Сперанскаю</i> . . .	1
II. Изъ воспоминаній этнографа. <i>С. К. Кузнецова</i> . . .	29
III. Къ вопросу о „Золотой Бабѣ“. <i>Кн. Н. С. Трубецкаго</i> . . .	52
IV. Нѣкоторыя замѣчанія о порежиткахъ первобытной культуры въ русс. нар. сказкахъ. <i>Е. Н. Елеонской</i> . . .	63
V. Народныя вѣрованія въ церковной живописи. <i>Дм. Ив. Успенскаго</i> . . . . .	73
VI. Нѣсколько словъ о родильныхъ, крестинныхъ обрядахъ и объ уходѣ за дѣтьми въ Пудожскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи. <i>В. Н. Харузиной</i> . . . . .	88
VII. Смѣсь:	
1. Замѣтка объ одномъ очень рѣдкомъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсень. <i>Е. И. Якушкина</i> . . . . .	96
2. Одинъ изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ снотолкованій и пѣсень. <i>М. Н. Сперанскаю</i> . . . . .	98
3. Южно-великорусскія «страданія» <i>Д. К. Зеленина</i> . . .	101
4. Въ исторіи распространенія тайныхъ сектъ въ прикамскомъ краѣ. <i>Его-же</i> . . . . .	105
5. Азанъ-юрты. Зап.-сиб. легенда <i>П. А. Городцова</i> . . .	108
6. Чудь. Зап.-сиб. легенда. <i>Его-же</i> . . . . .	112
7. Семь сказокъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской обл. <i>А. А. Диваева</i> . . . . .	114
VIII. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Breusig Die Entstehung des Gottesgedankes u. der Heilbringer	
<i>В. Н. Х-ой</i> (128). — Vellay. Le culte et les fêtes d'Adonis	
<i>В. Н. Х-ной</i> . (132). — Da Costa et Besnard. Contes solognots. <i>Е. Н. Е-ой</i> (135). — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde (1906). <i>Е. Н. Е'-ой</i> . (15). — Archiv für das Studium	

d. n. Sprachen (1906). <i>Е. Н. Е—ой</i> . (136).—Гатцукъ. Сказки Кавказа. <i>А. С. Хазанова</i> . (137)—Виноградовъ. Нар. драма „Царь Максимилянъ“ <i>Д. К. Зеленина</i> (138)—Воронцова. Троицкіе иконописцы <i>Е. Н. Е—ой</i> (139)—Старина и новизна. Сборникъ. <i>Е. Н. Е—ой</i> (140).—Каталогъ Музея Поля. Указатель коллекцій Лихачева. Отчетъ музея Штейнгеля. <i>В. Н. Х—ой</i> (141).—Памятная книжка Вятской губ. (1906). <i>Д. К. Зеленина</i> (143).—Изданія комиссіи по осмотру нам. цер. старины Москвы. <i>Е. Н. Е—ой</i> (144).—Харузинъ. Этнографія. Харузинъ. Матеріалы для бібліографіи этн. литературы. <i>Вл. Б.</i> (145).	128
2. Обзоръ газетъ и журналовъ . . . . .	148
3. Новости этнографической литературы . . . . .	155

## IX. Хроника:

† П. М. Меморанскій. † М. С. Дриновъ.—† Антонъ Калина.—Одинъ изъ забытыхъ русс. изслѣдователей Востока.—Чествованіе проф. В. Б. Антоновича.—Пережитки кровавыхъ жертвоприношеній въ народной медицинѣ.—«Объѣтъ человечества».—О южно-русскомъ иконописномъ творествѣ.—По старо-русской этнографіи.—Къ изученію родства гуцуловъ съ русинами.—Южно-славянскій былевой эпосъ.—Населеніе сербскихъ странъ.—По сербо-лужицкой этнографіи.—Болгарская археологическая комиссія.—Движеніе вѣмцевъ на славянскій Востокъ.—Камчатская экспедиція.—Изученіе Сибири.—Вопросъ о вятчачъ.—Къ этнографіи Вятскаго края.—Изъ исторіи сношеній финновъ съ индоевропейцами.—Вопросъ о началахъ эллинизма.—Изъ исторіи развитія мима.—По татскому фольклору.—Данныя по исторіи Осетіи.—Эмнинскій этнографическій сборникъ (VI).—2-ой французскій до-историческій конгрессъ.—14-й археологическій съѣздъ.—По изученію Екатеринославскаго края.—Карта народностей Россіи.—Изданіе новѣйшихъ частушекъ.—Журналъ «Живая Старина».—«Этнографическій Вѣстникъ» (Прага).—7-й этнографическій концертъ . . . . .	162
---	-----

X. Объявленія объ изданіяхъ . . . . .	179*
---------------------------------------	------

XI. Приложеніе: Указатель къ Этнограф. Обзорѣнію кн. ЛII—LXVII, за 1902—1905 г. Сост. <i>Г. И. Куликовскій</i> .	
--	--



Тихонъ Ивановъ Семеновъ,  
Курской г., Рыльского у., д. Переступной, 26 лѣтъ. 1905.



## Бурскій лирникъ Т. И. Семеновъ.

Такъ же, какъ Григорій Артамоновъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться уже лѣтъ пять тому назадъ <sup>1)</sup>, и Тихонъ Ивановичъ Семеновъ—курянинъ, слѣпецъ, лирникъ, такъ же около 30 лѣтъ (ему теперь 26 лѣтъ, Артамонову 28); районъ говора его и отчасти жительствова и дѣятельности почти тотъ же—сѣверо-западной великорусской части Курской губерніи; нѣкоторая, довольно значительная, часть репертуара Семенова совпадаетъ съ репертуаромъ Артамонова. Все это даетъ право, знакомя читателя съ Тихономъ Семеновымъ, освѣщать этого лирника сравнительно съ извѣстнымъ уже намъ Григоріемъ Артамоновымъ.

Внѣшнія, бытовые данныя біографіи Тихона Семенова несложны и даютъ черты обычнаго житія-бытія слѣпца-лирника, хотя изрѣдка представляютъ и нѣкоторыя подробности, до сихъ поръ не отмѣчавшіяся или не подчеркнутыя собирателями. Тихонъ Ивановичъ Семеновъ осѣдлость имѣетъ въ дер. Переступинной (Петровской волости, Рыльского уѣзда), гдѣ и родился, гдѣ у него и усадьба; пахотной земли у него нѣтъ, огородъ съ усадьбой всего полторы десятины, на которыхъ сѣется то картофель, то капуста, то изрѣдка и хлѣбъ. Этого участка на прокормленіе не хватаетъ, почему значительнымъ подспорьемъ ему и женѣ (онъ недавно женился) служитъ его заработокъ пѣніемъ стиховъ и игрой. Но дома этотъ заработокъ плохъ; объясняетъ пѣвецъ это придирками полиціи, которыя теперь стали особенно тяжелы со введеніемъ новыхъ знаменитыхъ земскихъ стражниковъ <sup>2)</sup>,

<sup>1)</sup> См. „Этногр. Обзор.“, Л: „Духовные стихи изъ Курской губерніи“.

<sup>2)</sup> На это жалобы раздаются всюду: и въ Черняговской губ. (Вархоменко), и въ Курской (Артамоновъ) Ср. статью Е. Лиевой „Народная консерваторія“ въ „Рус. Вѣд.“ 1905 г. № 259, стр. 3—4. Семеновъ жалуется, что слѣпцовъ не только преслѣдуютъ, но и обираютъ стражники, отнимая нащенскіе гроши, какіе окажутся у „пойманнаго“ слѣпца.

запрещающихъ не только „сидѣть“ на площадяхъ, но и ходить по избамъ. Въ виду этого, по словамъ Семенова, въ Рыльскомъ уѣздѣ лирниковъ стало мало: они разбредаются по разнымъ окраинамъ Руси, гдѣ какъ будто бы свободнѣе; поэтому и Семеновъ уходитъ на югъ на заработокъ—въ Таганрогъ, Тифлисъ, Севастополь, Ростовъ, гдѣ, хоть и много полиціи, но она тамъ снисходительнѣе <sup>1)</sup>). Изъ его наблюденій во время странствій заслуживаетъ м. б. упоминанія, что старовѣры лиры (музыки) не любятъ, потому слѣпцовъ не принимаютъ <sup>2)</sup>). Какъ попалъ Тихонъ въ лирники—исторія, часто встрѣчающаяся: когда было ему лѣтъ 12, его мать вторично вышла замужъ, вотчимъ отдалъ его въ поводыри, тѣмъ болѣе, что у Тихона появилось бѣльмо; ходилъ онъ со слѣпцами лѣтъ 5, выучился словамъ, отчасти музыкѣ, и вотъ уже около 9 лѣтъ ходитъ самъ отдѣльно съ поводыремъ. Года полтора назадъ онъ ослѣпъ окончательно. Свѣдѣнія о своемъ заработкѣ и расходахъ онъ сообщилъ слѣдующія: поводырю платитъ онъ 10 рублей въ годъ, кромѣ того одѣваетъ его и кормитъ; цѣна, по его мнѣнію, высокая, но еще не очень: теперь родители отдають дѣтей въ поводыри очень не охотно, такъ что цѣна на поводыря доходитъ иногда до 15 и даже 20 рублей въ годъ. Заработокъ въ среднемъ въ ходовой день въ городахъ (на югѣ) до рубля, въ деревнѣ 20—30 коп., а кромѣ того нѣкоторое количество натурой („ложечка мучицы“—

1) Вѣроятно, осторожнѣе, благодаря присутствію въ этихъ городахъ массъ рабочихъ, главныхъ слушателей слѣпцовъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что въ той же дер. Переступиной есть еще слѣпецъ *Спасительскъ*; но онъ сидитъ дома, не ходитъ. Есть еще въ селѣ Капустичѣ (Костровской волости)—*Петръ Капустичій*, лѣтъ 40, также живущій дома (мнѣ застать его дома случайно не удалось). Знаетъ Семеновъ еще *Григорія Ольховскаго* (изъ дер. Ольховки въ 7 вер. отъ Переступиной), но тотъ ушелъ въ Екатеринославскую губ. Объ *Артамоновѣ* Семеновъ слыхалъ, будто ушелъ онъ съ товарищемъ (а этотъ товарищъ, какъ оказалось,—Глуховской слѣпецъ *Никия*. Егор. *Дудкинъ* изъ Марчихиной буды; о немъ см. у меня „Южно-русская пѣсня...“, № 29, реп. V, или „Этн. Об.“ LIII (Малинка) чуть ли не на Юзовскій заводъ. Ср. объ Артамоновѣ и его жалобахъ, переселеніи слѣпцовъ въ Сибирь и т. д.—„Этн. Об.“ L, 6 (отд. отд.).

2) По его же сообщенію, священники относятся къ слѣпцамъ хорошо тогда, когда эти поютъ свои пѣсни съ печатныхъ листковъ (даваемыхъ самими священниками или въ монастыряхъ).



около пригоршни—обычная подача). Артели своей—„гурта“, товарищества—рыльскіе слѣшпы не имѣютъ. Лира у Семенова—плохая, мѣстнаго издѣлія; владѣеть ею онъ увѣренно, поетъ довольно высокимъ, но не звучнымъ теноромъ, переходя иногда въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, (напр., объ Александрѣ II) къ довольно низкому, хриповатому баритону—въ общемъ голосъ у него не изъ выдающихся. Память и чутье ритма у Семенова, повидимому, слабѣе, нежели у Артамонова: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ онъ стихъ уже забылъ, передаетъ пѣвучимъ речитативомъ лишь содержаніе, почему у него часто не къ мѣсту вставляется „что“, какъ бы вводящее рѣчь; съ другой стороны, та же слабость чувства къ ритму видна въ томъ, что онъ концы словъ въ пѣніи проглатываетъ: „Бож(ій) чилавѣкъ“, „Деклетіаниц“ (е или о). Сюда же надо отнести и то, что иные стихи онъ отказывался пѣть (изъ 14 въ его репертуарѣ—четыре), такъ какъ знаетъ ихъ плохо—„неявственно“; такъ какъ пересказывать пѣсни ему не приходилось <sup>1)</sup>, пересказываетъ Семеновъ плохо, нетвердо сохраняя стихъ, его размѣръ, хотя содержаніе помнить отчетливо, почему и старается прежде всего рассказать своими словами суть <sup>2)</sup>. Подобно Артамонову, и Семеновъ часть своего репертуара разучилъ изъ „книжечекъ“—листочковъ, даваемыхъ въ монастыряхъ; музыку (она у него, сколько я могъ понять, не разнообразна) въ большинствѣ случаевъ, по его словамъ, пришлось ему подбирать самому.

Наконецъ, по говору своему Семеновъ, какъ и по мѣстности, долженъ быть отнесенъ къ южно-великоруссамъ съ сильнымъ, развитымъ „аканьемъ“ (въ пѣніи оно замѣтнѣе, разумѣется, чѣмъ въ разговорѣ); если въ его говорѣ найдемъ большинство чертъ „сильно аканющаго или яканющаго“ говора сѣверо-западныхъ уѣздовъ Курской губ. <sup>3)</sup>, то встрѣтимъ и кое-какія черты, или чуждыя, или до сихъ поръ не отмѣченныя исследователемъ. Эти отличія, возможно, найдутъ себѣ объясненіе въ профессіи Семенова: во-первыхъ, онъ поетъ произведенія, которыя по языку

<sup>1)</sup> А я просилъ его это дѣлать, чтобы провѣрить „пѣвчу“ записъ, посравнить говоръ въ пѣніи и сказываніи.

<sup>2)</sup> Ср. „Эт. Об.“ I, 7 (отд. отт.).

<sup>3)</sup> Говоры эти характеризованы М. Е. Халанскимъ: „Народные говоры Курской губ.“ (Спб. 1904), 5 и сл. (Сборн. Отд. рус. яз. и сл. А. Н. т. 76).

не чистонародныя, — духовные стихи, идущіе частью и изъ печатныхъ изданій съ литературной рѣчью и этимологическимъ правописаніемъ (а извѣстно, какъ люди малограмотные, изъ народа, тщательно вычитываютъ каждую букву; а учителями Семенова, читавшими ему „книжечки“, прежде всего были такіе люди); во-вторыхъ, Семеновъ, въ силу своихъ странствій, вращается не только и не столько среди своихъ земляковъ по говору, сколько среди пестраго, пришлого съ разныхъ концовъ Россіи рабочаго люда, со всевозможными особенностями говоровъ; возможно бессознательное воспринятіе чужихъ фонетическихъ, особенно мелкихъ особенностей (а о такихъ въ данномъ случаѣ и идетъ рѣчь).

Не анализируя подробно говора Семенова (на что я и не имѣлъ времени), я могъ отмѣтить слѣдующія особенности его, имѣя въ виду общую характеристику великорусскихъ говоровъ Курской губ., данную М. Е. Халанскимъ.

1) И у Семенова та же, что и въ упомянутыхъ говорахъ, замѣна *z* черезъ *z* преимущ. въ род. пад. прил. и мѣстоименій, но смѣна эта далеко не является обязательной и послѣдовательно проходящей: рядомъ съ: яво, невб, нивб, сваевб, свавб, ёво, добрава, божьява—находимъ: его, яго, ёго, в(=у) багатаго.

2) При общихъ условіяхъ перехода безударнаго *o* въ *a* (какъ въ литературномъ языкѣ)<sup>1)</sup>—обычное *аканье*—встрѣчаемъ и обратное: *o* вм. *a*, правда, въ ограниченномъ количествѣ случаевъ: плавоеть, пострадалъ, неровдѣльную, козну (но казнá), згодать, содила, потреяровъ, сказалси, породилси. Кое-гдѣ сохранилось *o* вм. *a* этимологически: стояли, тогда (при тагда), послушалъ, сонималъ (рядомъ: снималъ), богатай.

3) Слѣдующій моментъ *аканья*хъ говоровъ *a—e—и, ä (я)*, и обратно проходитъ и у Семенова рѣзко выраженнымъ, но не безъ отмѣнъ: чаще находимъ: чисá, (чеса, часа), повилѣлъ, тибѣ, сибѣ, минѣ, (объ минѣ, но: аба минѣ), поестъ, зилѣнай, шастомъ, таперъ, книгиня, сцилѣній; квите (я), нисли, ряшү, стрилá, но кое-гдѣ: теперь (€ среднее). Форма имени Егорія такова: Еоргій, Ягорій, Егоргій, Ягоргій и Яагоргій.

<sup>1)</sup> Въ записяхъ оно у меня не выдержано строго, отмѣчено въ случаяхъ лишь особенно отчетливо замѣченныхъ.

- 4) *é* обычно—*ë*; но: *пѣсъ*, *сѣстры*, *её* (не: *её* gen. sg).
- 5) *Ф*—*хв*: *Сохлѣи*, также *х*: *Янохрїй*.
- 6) У Семенова бросается въ глаза не только замѣна *а* черезъ *у* (чаще всего въ предлогѣ), но и обратное: *внѣсь-унѣсь*, *взнають* (узн.—), въ *багатаго*, *вбогому* *ввидала* при: *у море* (acc. sg.), *у поле*.
- 7) У него обращаетъ на себя вниманіе смѣна *и* черезъ *е*, какъ явленіе довольно частое: *преходить* (при—), *прещаетси*, *прешоль*, *пре послѣднїимъ* *конци*, *кончену*, *мелостыну*, *ва Ремѣ*, *потрєарху* (рядомъ: *патерїарху*).
- 8) Встрѣчаемъ приставное *и*: *исъ* (*съ*), *имиѣ*; и наоборотъ *пропажу*: *зъ* *глазъ*, *спилѣнїй*.
- 9) Мѣстоименіе „этотъ“ (ср. Халанскій, —15.) у насъ въ формѣ: *етимъ*, *ету*, *ето*, *еты*, въ *евтомъ* (*а* не—*емтотъ*); „онъ“—*и ёнь* *я вонъ*, *и оны* (nom. pl.).
- 10) Встрѣтились изрѣдка случаи смѣны *с-ш* и *ж-з*: *саглашенъ* (согласенъ), *казнюю* (рядомъ: *кажнюю*).
- 11) Твердость *в*: *кровь*.
- 12) Въ пѣвнїи слышенъ глухой, сходный отчасти съ *ы*: *херувимы(ъ)скыи*.
- 13) Отдѣльные случаи ударенїй не лишены интереса; при обычномъ, сходномъ съ ударенїемъ въ языкѣ литературномъ, встрѣчаемъ: *пойдѣтъ* (рядомъ: *пойдѣть*), *кѡня*, *тѡго*, *рѡбы*, *стїхы*, *пѣски*, *сѣстры* (три с.), *приходилъ*, *ѡтъ* *роду* *и атъ* *рѡду*, *милостїну* *призївалъ*, *шалковїя*, *выслушалъ*, *саборъ-церковъ*. Нельзя сказать, чтобы эти ударенїя всегда вызывались потребностями стиха.
- 14) Изъ морфологическихъ чертъ можетъ быть стоять отмѣтить: *пратї* *царскихъ* *вратѡвъ*, *товаришевъ*, *поверхъ* *смалѣ*, *да шкѡле*, *да светой* *божей* *грамоте* (обычное явленіе въ курскихъ говорахъ), *рядомъ*: *пратї* *багачовы* *варотми*; *са* *путя*, *послѣ* *тѡго* *время*; *чужестраннему*; *съ* *двѣнадцатыми*; *при* *томъ* *царю*, *при* *Анохрїю*; *пресветый* (дат. ед. ж. р.), *лицы*, *усты*, (вин. мн.) <sup>1)</sup>.
- 15) Находимъ въ синтаксическомъ отношенїи такїя явленїя: *набралися* *духу* *бесерменскому*, *смерть-канчины*, *утренюю* *службы*,

<sup>1)</sup> Последнее рѣмается съ „парсты“.

вечернюю службы (при правильномъ: службу), ладанъ(= омъ) запахло.

16) Отдѣльныя формы: откъль и: съ откуда; року (сроку), рокаписаніе (и рукаписаніе; оба случая въ пѣвнѣ); которою(-ую); изы божей церкви.

17) Изрѣдка, и то только въ пѣвнѣ, растянутыя формы: ва славнымъ, пре послѣднимъ. Остальныя черты (напр. г = h) не противорѣчатъ признанію говора Семенова южновеликорусскимъ, сѣверозападнымъ курскимъ.

Что касается репертуара пѣсенъ Семенова, то онъ преимущественно духовный <sup>1)</sup>; вотъ онъ съ нѣкоторыми замѣтками пѣвца и моими:

I) „Алексій, Божій человекъ“—121 строка. Это самый большой стихъ („составленіе большое“, по выраженію пѣвца) въ репертуарѣ; поется онъ чаще другихъ, ибо на него больше и спроса. Стихъ этотъ самый большой и въ репертуарѣ Артамонова; насколько Семеновъ сократилъ версію или выучилъ сокращенную, видно изъ того, что у Артамонова стихъ обнимаетъ 380 строкъ. У Семенова этотъ стихъ—лучшій, по исполненію и по формѣ.

II) „Егорій храбрый“—„составленіе въ кратцѣ“; поется Семеновымъ рѣдко, что и отразилось на томъ, что онъ стихъ подзабылъ и въ пѣвнѣ переходитъ отъ стиха къ пересказу; поэтому же стихъ у него сильно сокращенъ—всего 104 стихотворныхъ строки, тогда какъ у Артамонова 187 (правда, редакція стиха нѣсколько иная, и у насъ конца, ясно, нѣтъ).

III) „Притѣча о богатѣмъ и Лазорю“—поется довольно часто; но также замѣтно сокращеніе (всего 67 строкъ, у Артамонова 160), но путаницы и пересказа, вмѣсто стиховъ, нѣтъ.

IV) „Михайлова псалма“—45 строкъ (у Артамонова 61)—поется довольно часто; сохранность стиха удовлетворительная; редакція—близкая къ артамоновской, конецъ, видимо, сокращенъ и неумѣло.

V) „Николай узодникъ“—13 строкъ—поется, когда придется <sup>2)</sup>;

<sup>1)</sup> По его словамъ, свѣтскихъ пѣсенъ онъ не любитъ, избѣгаетъ ихъ пѣть; поетъ же развѣ выпивши или по требованію подгулявшей артели рабочихъ на югъ.

<sup>2)</sup> Ср. мою ст. „Южно-русская пѣсня“, 46,8: пѣсня—примущ. „лирическая“ (не бандуристская), приуроченная въ Николину дню.

на праздникъ обычно и слѣпцы поютъ тропарь Николаю („Правило вѣры...“); сохранность стиха плохая: третій куплетъ смять и забыть. Въ репертуарѣ Артамонова отсутствуютъ.

VI) „Фёдоръ Туринъ“—69 строкъ—„составленіе большое“, поется рѣдко (развѣ въ годъ разъ придется); такъ же, какъ въ № II, есть склонность къ пересказу, нить разсказа при пѣніи стиховъ обрывается; стихъ будто мѣстами разрушенъ; въ репертуарѣ Артамонова—нѣтъ; по редакціи ближе другихъ подходитъ къ нашему стиху варьянтъ № 124 у Безсонова (III, 536—Рязанск. губ. Раненбург. у.).

VII) „Иже Христосъ...“ (Страсти)—13 строкъ, у Артамонова почти тотъ же стихъ въ томъ же объемѣ.

VIII) „Создалъ намъ Господь...“—10 строкъ—съ „листка“; у Артамонова нѣтъ; у него два иные стиха („Царю Христе“ и „Родъ еврейскій“.)

IX) „Иисусе премоуезный“, такъ наз. стишокъ св. Димитрія Ростовскаго; поется обыкновенно при входѣ въ избу по „пунтикамъ (по одному, по два стиха), при чемъ, пропѣвши первый „пунтикъ“ (кончая словомъ „спасеніе“) въ одной избѣ, въ слѣдующей продолжаютъ.

X) „Авоиъ гора“—изъ „книжки“.

XI) „Ва (изъ) пустыни старци“—также.

XII) „Юный отшельникъ“—оттуда же. Стихи X—XII Семеновъ знаетъ еще „всаявственно“, музыку подбираетъ самъ.

XIII) „Детнадицать пятницъ“—знаетъ, но пѣть не желаетъ, такъ какъ это стихъ, по объясненію священника, „сомнительный“.

XIV) „Александръ второй“—70 строкъ—тотъ же, что у Артамонова (у этого 77 строкъ); по словамъ Семенова, идетъ стихъ съ юга, гдѣ его всѣ знаютъ и поютъ. Текстъ Семенова даетъ мелкія искаженія-варьянты, какъ и у Артамонова, такъ же, какъ и у этого, главнымъ образомъ въ чуждыхъ живой рѣчи словахъ. Поетъ его Семеновъ низкимъ голосомъ, съ важностью, „въ родѣ какъ маршъ“, по его словамъ.

Сверхъ того знаетъ и поетъ подъ лиру Семеновъ и церковныя пѣсни („Милосердія двери“, „Взбранный воеводе“); разумилъ онъ ихъ въ то время, когда часто пѣлъ на клиросѣ въ с. Капустинѣ (сюда приходомъ часть д. Переступиной).

Репертуаръ Семенова, какъ видно изъ приведеннаго только

что перечня, представляется обычнымъ для пѣвца средней руки <sup>1)</sup>: до полутора десятка отдѣльныхъ пѣснь. Но его отличаетъ отъ другихъ пѣвцовъ то, что всѣ его пѣсни по объему короче общеизвѣстныхъ <sup>2)</sup>; возможную причину этого—сравнительную слабость пѣвческой памяти—я указалъ уже раньше.

Что касается *состава* пѣсеннаго репертуара Семенова (какъ и Артамонова), то онъ, несомнѣнно, долженъ быть сочтенъ типичнымъ для мѣстности южновеликорусской, пограничной съ мѣстностями малорусскими: съ одной стороны, онъ даетъ точки соприкосновенія съ сѣвернымъ (средней полосы Россіи) репертуаромъ только на почвѣ стиховъ общераспространенныхъ, какъ среди великоруссовъ, такъ и малоруссовъ съ бѣлоруссами: это—Алексѣй Б. ч., Лазарь, Страшный судъ <sup>3)</sup>; въ репертуарѣ Семенова (равно какъ и Артамонова) нѣтъ популярнаго сѣвернаго стиха о Голубиной книгѣ <sup>4)</sup>. Съ другой стороны (оставляя въ сторонѣ узко-мѣстные стихи, напр. Почевскую пс., Ахтырской Б. М., мы замѣтимъ, что репертуаръ Семенова очень близокъ къ типичному репертуару малорусскихъ лирниковъ (отчасти и бандуристовъ), по скольку этотъ репертуаръ можетъ быть представленъ для сосѣднихъ съ Курской губерніей Черниговской, Харьковской и Полтавской <sup>5)</sup>: изъ 13 отдѣльныхъ стиховъ репертуара Семенова и 12 Артамонова <sup>6)</sup> въ этомъ малорусскомъ репертуарѣ оказалось 5 „стиховъ“ общихъ у всѣхъ; а, кромѣ того, 8 стиховъ изъ тѣхъ же 13 Семенова и также 8 Артамонова изъ 12 нашлись въ малорусскомъ репертуарѣ. Это ясно указываетъ на особенную, сравнительно съ сѣвернымъ, близость репертуаровъ курскихъ лирниковъ съ малорусскими. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія и на то, что характерный у малорус-

<sup>1)</sup> Ср. „Эт. Об.“ L., 15 (отд. отд.); ср. „Южно-русская пѣсня“ стр. 48—49 и 10—25. (Старога счета)—репертуары.

<sup>2)</sup> Для нѣкоторыхъ стиховъ среднія цѣны, иною полученныя (Э. О. L, 15): Алексѣй 280—380; Егорій 150—180; Федоръ 120—220; Михайлова пс. 150—270. У Семенова ни одинъ „стихъ“ не достигаетъ этой нормы.

<sup>3)</sup> „Этн. Об.“ L, 26—27 (отд. отд.)

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 30.

<sup>5)</sup> Попытка представить такой репертуаръ сдѣлана мною въ „Южно-русской пѣснѣ“, стр. 36.

<sup>6)</sup> Пѣсню объ Александрѣ II я выключаяю, какъ новую и свѣтскую по содержанию; въ репертуаръ Артамонова включены и 12 пятницъ. (См. ук. ст. стр. 12).

скихъ пѣвцовъ стихъ объ Аеонъ-горѣ, повидимому, недавно вошедшій (изъ „книжки“) въ репертуаръ лирниковъ, оказался и у Семенова; кромѣ того, (XI) „Изъ пустыни старецъ...“ (того же происхожденія), встрѣчается также у малорусскаго глуховскаго пѣвца Никифора Дудкина, о которомъ знаетъ и Семеновъ <sup>1)</sup>. Эти наблюденія даютъ право съ нѣкоторой вѣроятностью и въ репертуарѣ Семенова видѣть подтвержденіе наблюденія, сдѣланнаго нами относительно Артамонова: считать ихъ представителями южно-великорусскаго репертуара духовныхъ стиховъ <sup>2)</sup>, репертуара младшаго поколѣнія этихъ стиховъ. Сопоставленіе же этихъ репертуаровъ съ малорусскими <sup>3)</sup> даетъ возможность уловить нѣкоторую связь между репертуарами лирниковъ южновеликорусскихъ и малорусскихъ, что, вполнѣ понятно, возможно было предполагать для курскихъ пѣвцовъ, въ частности рыльскаго уѣзда, уже и à priori. Сеймъ, протекающій по сѣверо-западнымъ уѣздамъ Курской губ., является во многихъ мѣстахъ этнографической границей между великорусскими и малорусскими. Наконецъ, значительное количество пѣсенъ репертуара Семенова, разученныхъ или разучиваемыхъ имъ изъ „книжекъ“ (VIII, X—XII) <sup>4)</sup>, не только подтверждаетъ наблюденія, сдѣланныя въ этомъ направленіи надъ Артамоновымъ <sup>5)</sup> и малорусскими пѣвцами <sup>6)</sup>, но позволяетъ говорить о постепенно усиливающимся значеніи этого источника въ области традиціонной устной литературы, по крайней мѣрѣ, пѣсни.

Если сдѣланныя нами наблюденія *въ общемъ* находятъ себѣ подтвержденіе и на данномъ частномъ случаѣ—знакомствѣ еще съ однимъ пѣвцомъ—лирникомъ, то все-таки нельзя не остановиться еще на одной особенноти репертуара Семенова, какъ будто ослабляющей убѣдительность нашихъ предположеній: я имѣю въ виду присутствіе въ немъ „былевого“ стиха о *Федортъ Тиронтъ*, не принадлежащемъ, сколько намъ до сихъ поръ извѣ-

<sup>1)</sup> См. выше, прим. Репертуаръ Дудкина (онъ же Дудка) въ „Южно-русской пѣснѣ“, стр. 19. (Стараго счета).

<sup>2)</sup> „Эт. Об.“ L, 33—34.

<sup>3)</sup> Они подобраны мною только въ 1904 году.

<sup>4)</sup> Сюда же скорѣе всего надо отнести и IX (Ср. „Южно-русская пѣсня“, 47).

<sup>5)</sup> „Эт. Об.“ L, 5, 9.

<sup>6)</sup> „Южно-русская пѣсня“, стр. 48; ср. тамъ же—репертуары, стр. 17.

стно, ни къ южно-великорусскому, ни тѣмъ болѣе малорусскому репертуарамъ. Какъ смотрѣть на присутствіе этого стиха здѣсь? Конечно, стихъ о Федорѣ Тиронѣ прежде всего—стихъ, не характерный для репертуаровъ, мы же имѣемъ дѣло лишь со стихами типичными, чаще иныхъ встрѣчающимися<sup>1)</sup>; поэтому присутствіе такого стиха существенно на наши выводы вліять не можетъ. Былинный—повѣствовательный—характеръ стиха противорѣчимъ въ репертуарѣ Семенова, преимущественно „лирическомъ“, какъ южномъ, также не будетъ: въ немъ есть не только Алексѣй Б. ч., но и Егорій. Наконецъ, самое состояніе стиха—его плохая сохранность, непопулярность въ публикѣ—указываетъ на случайное появленіе самого стиха въ репертуарѣ, индивидуальность этого стиха въ немъ: стало быть, онъ (м. б. захваченный Семеновымъ гдѣ-либо во время странствій отъ сѣверянина или пѣвца изъ средней Россіи, также забредшаго на югъ въ Предкавказье) на наши выводы вліять и въ такомъ случаѣ не будетъ.

Еще нѣсколько словъ касательно пѣсни объ Александрѣ II: сравнительно съ напечатанной со словъ Артамонова („Эт. Об.“. Л. 64-65), издаваемый текстъ (въ общемъ тотъ же) отличается главнымъ образомъ перестановкой съ мѣста на мѣсто отдѣльныхъ строкъ въ этомъ вообще нескладномъ издѣліи, пропускомъ кое-какихъ строкъ: все это даетъ мало матеріала для уясненія исторіи этой пѣсни. Одно только обращаетъ на себя вниманіе: 56-й стихъ у Артамонова читается:

Какъ возвѣстили на владыкъ указъ  
(Полелись слезы съ глазъ),

у Семенова:

Звѣстали Владыкавказъ  
(Полились слезы зъ глазъ).

Чтеніе Артамонова ровно никакого смысла не даетъ, чтеніе Семенова все-таки лучше, придавая мѣсту тотъ смыслъ, что царская смерть, о которой пришла вѣсть во Владикавказъ, вызвала здѣсь слезы. М. б. это чтеніе первоначальнѣе? М. б.

<sup>1)</sup> У Безсонова (Калѣки III) только пять записей (№ 122—126)—два изъ Московск. губ., по одной изъ Оренбургской, Смоленской и Рязанской.



Оно указываетъ на мѣсто созданія этой пѣсни, о чемъ свидѣтельствуется косвенно и Семеновъ, говоря о популярности ея, какъ разъ на югѣ въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ ходитъ на заработокъ. Это подтверждается и тѣмъ ея варьянтомъ, который издавъ въ „Русск. Стар.“ 1900 г. (VI, 652): онъ записанъ въ Донской области. <sup>1)</sup>

**Духовные стихи лирника Т. И. Семенова, записанные 8-9 августа 1905 г. въ с. Капустинѣ, Курск. губ., Рыльскаго у.**

### I. Федоръ Тиринъ.

- Въ славнымъ градѣ въ Русалимѣ  
 Жилъ царь Консте(я)итинъ Самойловичъ,  
 Ёнъ хадилъ да Божи церкви (къ) заутрени.  
 И тагда выпадала стрила,  
 5. Станавилась прати царя Костентина Самойловича.  
 И къ не(я)му саизжались всѣ князья—бояри:  
 „Кто поидеть на силу на жидовскую?  
 И я дамъ своего коня добрава,  
 Свою зброю вратную и кобью булатную.“  
 10. Никто изъ этихъ гостей не обозвался  
 Пойти на силу на жидовскую;  
 Только выискался его чадо милое—  
 Младъ Федоръ Тиринъ:  
 — Батюшка-царь, Костентинъ Самойловичъ,  
 15. Дайте мнѣ свое благословеніе и коня добрава,  
 Свою зброю вратную и кобью булатную:  
 Я пойду на царя того іудейского  
 И на силу на жидовскую.—  
 „Чадо мое милое, младъ Федоръ Тиринъ,  
 20. Тибѣ только отъ роду двинадцать лѣтъ,  
 Вы на моемъ конѣ не ѣзживали  
 Шелковыхъ поводовъ не удерживали“.  
 — Да отдайте мнѣ свою доброва коня:  
 Я надѣюсь все на силу небесную.—

<sup>1)</sup> Ср. „Эт. Об.“ I, 35.

25. Береть книгу-евангелье  
И збрую вратную и копью булатную,  
Пошелъ на силу на жидовскую  
И вонъ побилъ ихъ, что и смѣты нѣтъ,  
И втопила е(я)го кровь горячая по колѣну и по поессъ.
30. Тогда возглаголаъ младъ Федоръ Тиринъ:  
„Что разступись, мать сыра земля,  
Поглощай ету кровь горячую,  
Очищай вѣру кристіанскую.“  
И поѣхалъ въ свои бѣлы каменны палаты.
35. И стричалъ ёго царъ Костентинъ со светыми иконами  
И сѣлъ за трепезу—хлѣба-соли покушать.  
Яго мамаша родимая, свово роду жалѣючи,  
Доброво коня любуючи,  
Повела добраво коня въ зилѣнны луга
40. Откылъ взялся Змѣи Горынычъ  
И унесъ яго матушку родимую, Федорицу Микитишну.  
И за море за синее, за горы высокіи, въ пещеры глыбокіи.  
И приставлялъ къ ее грудямъ двѣнадцать змиевъ—все змие-  
вечи.
- „Что ты, младъ Фѣдоръ Тиринъ,  
45. Кушаешь проклажаешься,  
За сабой бѣды не знаючи?  
Внесъ твою мамашу родимую, Федорицу Микитишну,  
Змѣи Горынычъ за море за синее,  
За горы высокіи, въ пещеры глыбокіи.“
50. Тогда Федоръ Тиринъ  
Береть книгу-евангелье.  
Идѣтъ къ морю синему,  
За рыданьемъ слова не промолвуеть.  
Тогда выходила кить-рыба,
55. Становилася пбперекъ синя моря.  
Ёнъ пошелъ по морю въ родѣ посуху  
И всходилъ на горы высокіи  
И въ пещеры глыбокіи.  
И ввидала ёго матушка родимая, Федорица Микитишна.
60. „Чадю моё милое, чево зашолъ сюда?  
Я бы пропадала одна на муки змінны.“

- И взялъ стрѣлу каменную,  
Разрушалъ пещеры глыбоки,  
И побилъ всѣхъ Зміевъ Зміевичей.
65. И вонъ взялъ свою матушку родимую, Федорицу Микитишву.  
И взошолъ тогда среди царскова дворца:  
—Матушка моя родимая, Федорица Микитишна,  
Твое ли стбитъ порожденіе  
За мое за ето похождение.—

(„Таперъ Фѣдоръ Тиринъ переставилси“).

Послѣ стиха 6: „И вонъ тогда сказалъ“. 27—И тогда пошѣлъ. 34—И потомъ поѣхалъ. 36—И потомъ сѣлъ. 62—И тогда взялъ. 64—И тогда побилъ. Послѣ 66-го.—И тогда сказалъ. Въ концѣ—замѣчаніе пѣвца. Ближе другихъ по тексту подходитъ стихъ № 124 (Рязанск. губ. Равенбург. у.) у Безсонова: Калѣки, III, 536 и сл., но полнѣе.

## II. Егорій.

- Ва шастомъ году первой тысячи,  
При томъ царю при Федор(у)  
И при той царицы благовѣрныи,  
Светой Сохвіи—мать премудрыи
5. Сповраднла Сохвія сибѣ три дочери  
Четвѣртава сына светова Егорія.  
Съ той земли с невѣрною  
Выступалъ царище Деклитіанище,  
Тагда началъ Чернивь градъ рубить—плѣнить,
10. Тагда забиралъ младенца ва сваю зѣмлю  
И началъ младенца самъ распрашивать:  
„Скажи, маладой младенець, какова ты роду:  
Или царскава роду или дварянскава?  
Кому ты вѣру будешь вѣровать?“
15. Повѣрвой вѣру объ минѣ царю и мнимъ богамъ“.  
Тагда светой Ягорій проглаголовалъ:  
— Я вѣрую вѣру самому Христу, царю небесному,  
Пресветой Троицы нераздельной.—  
Асерчалъ царище Диклитіанище

20. И повилѣлъ Ягоргія крѣпко мучити  
 Разными муками разноличными:  
 Вилѣлъ Ягоргія въ пилы пилить.  
 Въ пилахъ зубья всѣ преутирались,  
 Мастеровъ ихнихъ руки опускались:
25. Ничево Ягоргію не вредилося.  
 Разсерчавши царь Діоклетіанище  
 Повелѣлъ Егоргія на смалѣ варить,  
 А смала кипитъ яко громъ гремитъ:  
 Поверхъ смоле Ягоргій плавасть,
30. Онъ стихи поѣтъ херувимскыи,  
 Гласомъ гласитъ по архангельски.  
 Тогда ничево Ягоргію не вредилося:  
 Все светое тѣло сохлѣблося.  
 Асерчалъ царь Діоклетіанище,
35. Повелѣлъ Игоргія по гвоздямъ водить.  
 А гвозди къ доскамъ пригиналися,  
 Ничево Ягоргію не вредилося.  
 Повелѣлъ царейше Диклитіанище  
 Повелѣлъ Егоргія воловьими жилыми сѣчи,
40. Но тагда съ Ягоргія тѣло падало шматьямп.  
 И садили Ягоргія въ темницу,  
 Но на завтрава прислалъ царейше Діоклетіанище слугъ  
 своихъ  
 И велѣлъ привести Егоргія,  
 Но тогда Ягоргій невредимъ стоялъ.
45. Тогда царейше Диклитіанище самъ разговаривалъ:  
 „Что Егоргій, повѣрвай вѣру обо мнѣ царю и моимъ богамъ“.  
 Егоргій тогда проглаголовалъ:  
 —Я вѣрую вѣру самому Христу, царю небесному,  
 И пресветый Троицы нераздѣльны.—
50. Тогда осерчавши царейше Диклитіанище  
 Повелѣлъ Егоргію сапоги справить желѣзныи  
 И въ срединѣ съ острыми ножами.  
 И тогда надѣвали прямо раскаленное желѣзо  
 И спрашивали: что, Ягоргій, хороши ли тибѣ сапоги еты?  
 Святый Егоргій отвѣчаетъ: очень хороши.

55. Тогда смотритъ царь Диклитіанъ, что Егорій невредимъ  
стоитъ; тогда повелѣлъ царище Диклитіанище на Егоргія рыть  
глубокъ погребъ

И становили столбы дубовы,  
Забирали доски всѣ желѣзны,  
Забивали гвозди полужонны  
И тогда засыпали его песками разножелтыми,

60. И закапывалъ царище Диклитіанище  
На тридцать три года ёво,  
Что не быть Ягорію на светой Руси  
И не слышать Ягорію звону Божьява.  
Подымались вѣтры сильны-буйны

65. И разносили пѣски разножелты,  
Повзорвало всѣ гвозди полужонны,  
Разметало доски всѣ желѣзны.  
Выходилъ Егоргій на светую Русь,  
И тогда пошелъ Егоргій въ Чернивь градъ,

70. Чернивь же градъ, весь былъ разореный,  
Стаяла только церковь Божея саборная.  
Тогда Ягоргій входилъ въ церковь Божею въ саборную  
И по святымъ иконамъ поклоняется,  
И опять Ягорій пашелъ тагда по лѣсамъ дремучимъ  
И что тѣ лѣса были ни пройти никому не проѣхать.  
Сказалъ тѣмъ лѣсамъ Егоргій:

75. „Стойте, лѣса, не шатайтесь,  
Порублю изъ васъ церкви саборны“,

И пошелъ Ягоргій, находилъ на стадо звѣриное, что некуда  
Ягоргію было пройти и проѣхать.

Стерегутъ то стадо звѣриное  
Три дѣвицы, три родныя сѣстры.

80. Ёнъ сказалъ тѣмъ дѣвушкамъ:  
„Вы, дѣвушки, идите на Іорданъ-рѣку,  
Умойте вы лица бѣлы:  
Вы набралися духу бесурменскому  
Отъ того царя Диклитіанища“.

85. Онъ сказалъ етимъ звѣрямъ:  
„Разойдитесь вы по глухимъ степямъ,

По тѣмнымъ лѣсамъ по два, по единому,  
Выходите у поле по времени,  
Пейте—ѣшьте повелѣнное,

90. Отъ светова Егорія благословенное,  
Эта застава вся миновалася“.

Подходилъ Егоргій подъ стѣну бѣлу каменную, которою становилъ царь Діоклитіанище заставой сильной—крѣпкой. Онъ сказалъ:

„Разрушишь, стѣна, на четыре стороны,  
Да не вѣруй вѣру бесурмянскую,

95. А очищай вѣру хрестіанскую“.

Тогда входилъ Ягоргій, гдѣ цареше Диклитіанище. Стрѣчаетъ Егоргія царь Диклитіанище:

— Здравстуй, Егоргій, Христовъ Мученикъ,  
Дай ты мнѣ року хоть на три года  
Или хоть на три часа.—

100. Разбивалъ светый Егоргій грудь яго бѣлую. И тогда сказалъ:  
„Я не дамъ тебѣ року ни на поль часа,  
А ряшу твою вѣру бесурманскую,  
А утвержу я вѣру хрестіанскую“.

*Примѣч.* Стихъ мѣстами, ясно, разрушенъ, скорѣе пересказъ.

### III. Алексѣй Божій человекъ.

Въ славномъ городѣ ва в-Рымѣ  
При томъ царю при Анохрію  
Жилъ князь Ихмивонъ  
Са сваею книгинею обрученною.

5. Въ нихъ оны спбѣ не ймѣли отъ роду младенца.  
Ходють да божой церкви  
И молются Богу са трудами  
И у Господа милости прашають:  
„Саздай намъ, Господь, чада хоть одинава

10. Пре младости лѣтъ намъ на утѣшенье,  
Пре старости лѣтъ на превозрѣнье.  
Пре послѣднемъ концѣ на поминъ души.“

- По Божьему было повелѣнью,  
По ихъ трудному прашенью
15. Книгиня младенца сибѣ спорадила.  
Тогда потреярховъ-свещениковъ оны созывали,  
Младенцу имя нарекали,  
Нарекали ему имя—звать: Аликсѣй.  
Когда вышло Аликсѣю семь лѣтъ ать рѣду,
20. Атадѣтъ его батюшка-князь да школе  
Да светой божей грамоте заучиться.  
Семи лѣтъ Аликсѣй грамотѣ училси,  
Скоро писанію Аликсѣй взялся.  
Когда вышло Аликсѣю лѣтъ восемнадцать,
25. Преневолилъ его князь-батюшка женить:  
Аликсѣй жениться былъ не соглашенъ.  
Атець Аликсѣя не послушалъ,  
Заручалъ за Аликсѣя молоду книгиню,  
Превождали Аликсѣя ва Божью церковь,
30. Становили Аликсѣя среди Божей церкви  
Предъ Господними образами,  
И пре златыхъ вѣнцахъ они престоляи,  
Залотыми перстнями абручались.  
Пашѣлъ Аликсѣй зъ Божей церкви
35. Ва свая камены палаты,  
Содили Аликсѣя за трапѣзу:  
Аликсѣй хлѣба и соли не искушаетъ,  
Радости атца своево (не) выслушаетъ.  
(Ва) Второмъ чису было ночи,
40. Павели Аликсѣя на покой  
Аликсѣй спималъ съ сибѣ все дараги адежды,  
Санималъ съ сибѣ шолковый поясъ  
И съ правой руки залатой перстень,  
И атадалъ онъ свасей абручной книгини,
45. И самъ пашѣлъ—не сказалеси.  
Приходить Аликсѣй ка Божей церкви,  
Становилси въ церкви праву руку за дверью,  
Молитси Господу са трудами.  
И зазрила яво пресвятая Богородица:

50. „Что пришелъ ка мнѣ рабъ Богу помолятси  
И за младости лѣтъ Богу потрудитси.  
И греди ты тѣперъ ва свой славнай ва Римъ горадъ  
Тѣперъ тибя атець матеръ не вазнають  
И твая маладая абручна кннгиня.“
55. Тогда пашѣлъ Аликсѣй ва славнай въ Римъ горадъ,  
Приходилъ ка Божей церкви  
Становилси взлѣ церкви съ нищей братіей.  
На таѣ время князь случилси,  
Зъ Божей церкви выступаетъ,
60. Милостыню по нищихъ раздѣляетъ.  
Аликсѣй атцу сваему поклонилси,  
По имену княземъ атца называетъ:  
„Здрастуй, великай Ихмевонъ князь,  
Сздай чужестраннему милостыню,
65. Построй чужестраннему келью,  
Да не ради маево прашенія,  
За память любезнава сына Аликсѣя.“  
Тогда князь Ихмевонъ стоячи прослезилси:  
—Съ откуда радъ тибѣ, что я самъ не знаю,
70. Я самъ про ниво не знаю,  
Въ которой странѣ пробываетъ,  
Которыи нужды онъ принимаетъ.  
Да иди, чужестранне, вслѣдъ за мною:  
Пастроена тебѣ келья есть готова.—
75. Аликсѣй съ молитвою въ келью вступаетъ,  
За великою милость почитаетъ.  
И Аликсѣй въ кельи молится Богу са трудами.  
Вонъ молился трудился ровно тридцать лѣтъ,  
Казнюю пятницу онъ сновѣдалси,
80. Каждую субботу пречичалси.  
Когда зазналъ Аликсѣй свою смерть—кончины,  
Бирѣтъ онъ чернила и листъ бумага,  
Списалъ сваѣ рукописаніе,  
Списавши самъ переставилси.
85. Тагда ва всѣмъ ва в-Рымѣ градѣ ладанъ запахло,  
Слуги пкъ князю превхождають  
Великому князю вазвищаютъ:



- „Что въ нашемъ въ градѣ или светой нарадилси  
Или светой переставилси.
90. Что по всему Рыму граду ладанъ пахнетъ.“  
Тогда доложили потреарху.  
Ишоль потреархъ исъ светыми иконами,  
Потреархи молебны служили;  
И тогда царь Янохрій къ мощамъ преступаетъ:
95. „Мощи, въ мощи есть светыи,  
Атдайте минѣ сваё рукописанье.“  
Царю рукописанье не атдалось,  
Атдалось рукописанье потреарху.  
Тогда потреархъ началъ читать
100. Чудеса Аликсѣя всему міру.  
Тогда дачулси князь Ихмевонъ любезнава сына,  
Аликсѣя Божьява челоуѣка,  
Тогда стоячи праслезился:  
„Что жъ, сынъ, жилъ-былъ и не сказался;
105. Пастроилъ бы тибѣ келью не такую,  
Ище не въ евтомъ мѣстѣ.“  
Тогда дачулася Аликсѣя мать радная,  
Идѣтъ ка светому, слезно плачетъ:  
„Чадо маё възлюблённое,
110. Жилъ ты у насъ былъ и не сказался:  
Насилъ бы ты у насъ ризы не такіе,  
Насилъ бы у насъ ризы шалковыя.“  
Тогда несли яго мощи исъ погребеніемъ  
И несли яго мощи во светую саборъ-церковь.
115. И тогда отъ светыхъ было мощей многихъ сцилѣній:  
Слѣпымъ Господь давалъ прозрѣніе,  
Глухимъ Господь давалъ прослышѣніе,  
Сухорукимъ, сухоногимъ совладѣніе,  
Дряхлымъ, нездравымъ оздравленіе,
120. Бѣсноватыхъ, прокаженныхъ очищеніе.  
Слава тебѣ, Христе, Боже нашъ.

Стихъ 81—пѣль: „тагда“.

## IV. Приточа о богатыхъ и Лазарѣ.

- Жиль сибѣ славенъ единъ богатый,  
 Вонъ пиль-ѣль сладко и ходилъ хорошо.  
 И вонъ про милость про Божию ничиво не даль,  
 И въ него былъ братецъ семибратецъ Лазарь.
5. Вонъ былъ нищій и хворый, лежалъ ва гною  
 Праз ти багачовы воротми яво  
 Тагда вышелъ богатый самъ за ворота  
 И восходить богатый прати Лазаря.  
 Зкрычить Лазарь громкимъ голосамъ:
10. „Братецъ мой, братецъ, сильная богатый!  
 Съдай миѣ, братецъ, хлѣба и соли:  
 Не я тебѣ заплачу, а Господь царь съ небесъ“.  
 Тогда грозное слово богачъ отказалъ:  
 — Лежи ты, Лазарь, лежи ва гною,
15. Смердуеть твае тѣло, яко мой лютой песь.  
 И не называйся братомъ моимъ.  
 Мэн и есть братья такой, что я самъ:  
 Имѣю ть много злата серебра,  
 Сильн ого богатчества имѣнія тьма.—
0. Тогда плюнулъ на Лазаря, самъ прочь пашолъ  
 И велѣлъ за сабою ворота замкнуть.  
 Были въ богатого два лютыя пса,  
 По подстолю хаживали,  
 Мелки крошечки сабирывали
25. И ко вбогому Лазарю превхаживали,  
 Ёго гноущіе раны зализывали,  
 Тѣмъ ёго тѣло скорбнае заживливали.  
 Тагда помолится светый Лазарь самъ ка Господу:  
 „Боже, Боже, Спасъ милосливый,
30. Прими мою душу на хвалу къ сибѣ!“  
 Сослалъ Царь небесный светыхъ ангеловъ,  
 Выи ули душу изъ Лазаря  
 И отадали ёго душу въ прекрасный рай.  
 Послѣ тѣго время скоро случилосъ,
35. Случилосъ богатому са путя иттить:  
 Вонъ тогда сустрѣла богатого сильная хвороба,

- Ёнъ не обѣзрѣлъ свѣту бѣлава  
 И не вспомнилъ сваяхъ друзей и таварищевъ,  
 Только онъ напомнилъ—молитву сатворилъ:  
 40. —Боже, Боже, Спасъ милосливай,  
 Прими маю душу на хвалу къ себѣ.—  
 Тагда саслалъ Царь небесный съ небесъ ангеловъ,  
 И вынули ёго душу изъ богача  
 И отдали ёго душу въ пекеальной агонь  
 45. Въ сю злую муку предвѣчную.  
 И тогда заузрилъ богатый съ муки въ рай  
 И заузрилъ богатый брата Лазаря:  
 —Братецъ мой, братецъ, Лазарь светой!  
 Обмочи у море свои мезенными пярсты,  
 50. Закропай имиѣ, братецъ, смачные усты,  
 Чтобы миновалась ся мука предвѣчная.—  
 „Братецъ мой, братецъ, сильнай богатый!  
 Здѣсь воля не мая, воля Божья.  
 Когда жили мы на вольномъ свѣтѣ,  
 55. Что нищихъ и вбогихъ въ домъ не пуцалъ,  
 Про милость про Божью никогда не подавалъ,  
 Рабамъ заблудящимъ путя не указалъ,  
 Да Божьява храму не дохождалъ,  
 Летургии Господни не выслушалъ,  
 60. И въ серцѣ Бога не имѣлъ,  
 Каятца не хотѣлъ,  
 Брата Лазаря и за брата не чтилъ“.  
 Скаялся богатый не во время:  
 Часъ время все миновалось.  
 65. Мы светому Лазарю славу поёмъ:  
 Ва вѣкъ ёго слава не минуется.  
 Сздай, Господь, всему міру распрекрасенъ рай.

#### V. Михайлова псалма.

Когда придетъ время, послѣдній часъ,  
 Тогда грѣшнымъ душамъ—разсужденіе,  
 А праведнымъ душамъ—рай спасеніе.  
 И пройдеътъ сонце съ востоку до западу,

5. И тогда пройдётъ рѣка огненная,  
И по ту сторону рѣки огненной  
Будетъ стоять археостратигъ Михаилъ  
И будетъ стоять судья праведный  
Со своими двѣнадцатью апостолами.
10. Онъ будетъ переводить черезъ рѣку огненную  
Всѣ (хъ) душъ праведныхъ.  
И тогда скажетъ душамъ праведнымъ:  
„Идите вы, мои христіанцы,  
Идите, что вамъ зготовлено—
15. Царство небесное!“  
Тогда возговорятъ много рабы грѣшныи  
И возглаголютъ рабы незаконныи:  
—Услышь, услышь, археостратигъ Михаилъ,  
И услышь, судья праведный,
20. Перведи насъ эту рѣку огненную.  
И мы такіи были души христіанскіи.—  
Тогда что имъ возглаголуетъ  
Археостратигъ Михаилъ, судья праведный:  
„Что хотя были вы души христіанскіи,
25. Почему вы воли Божей не творили,  
Вы да Божьява храму не даждѣли,  
Гасподней летургіи не выслушѣли,  
Вы утреннюю службы въ постелѣ просыпывали,  
Вы обѣдную службу въ бесѣдѣ просиживали,
30. А вечернюю службы прогуливали,  
Вы Спасителю каятца не хотѣли  
И сердцемъ Бога не имѣли  
И вы, когда были судьи земныи,  
Вы суды судили не по закону,
35. Правыхъ виноватыми саставляли,  
Забрали казну съ нихъ несчисленную“.  
Тогда что возговорятъ души грѣшныи.  
Что возглаголютъ рабы незаконныи:  
—Услышь, услышь, Археостратигъ Михаилъ
40. И судья праведный!  
И забери съ насъ эту казну несчисленную,  
Перведи насъ эту рѣчку огненную.—

Имъ возглаголетъ Археостратигъ Михаилъ  
И судія праведный:

45. „О, зайдите вы прочь, проклятые,  
Въ три пропасти сырой земли“.  
Самъ же Христосъ отъ Дѣвы онъ народившись,  
Онъ три дня былъ же на распятіи.  
Слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

#### VI. Страсти.

а)

- Иже Христосъ, съ нами Богъ, Иисусе.  
Единъ лукавый былъ Юда,  
Запродавъ Христа-Бога на распятіе  
На удобное древо кемпоресъ.
5. Восплачется мать Божія Морей:  
„Прилюбимый мой сыне, царь небесны,  
„Безвинную муку принимаешь  
„За мѣръ кровъ светую проливаешь“.  
— Не плачь, не рыдай, мати Марія,
10. Приму сію муку всё за вѣру  
За всёхъ православныхъ крестіанъ.—  
Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасеніе  
А безвѣрнымъ на вѣчную муку.  
Славимъ Христа.

б) \*)

- Саздалъ намъ Господь благодати,  
Чтобы законъ свой саблюдати,  
Въ чистотѣ, въ правдѣ жить  
И враговъ своихъ любить.
5. Здѣсь Спаситель проходилъ,  
Вѣчны муки претерпѣлъ,  
Всякой страсти принималъ,  
На крестѣ образъ предалъ,  
Камнемъ гробъ свой наверталъ.
10. За увесъ мѣръ пострадалъ.  
Аллилуія (трижды).

\*) По замѣчанію пѣвца—„съ листка“, т. е. по печатному тексту.

## VII. Свят. Николаю.

Кто Николая любить,  
 Кто ему вѣрно служить,  
 Тому святой Николай на всякій часъ помогаетъ.  
 Николаю!

И еще кто ёго къ сибѣ на помощь призываетъ,  
 5. Въ домѣ ёго желаетъ,  
 Николай есть на мори  
 И вонъ не дастъ въ зло впасть,  
 Николаю!

Возметъ гласъ съ варварскихъ главъ,  
 Николаю!

Николай, имя знаешь молитвы  
 10. И побѣждай враговъ нашихъ повсюду  
 И помощникъ нашъ въ скорби  
 Намъ пребуди, пребуди!  
 Николаю!

Будь похваленъ праті Киевскихъ учителей.

## VIII. Александръ II.

Послушайте, друзья,  
 Все про бѣлава царя.  
 Милостивай государь,  
 Александра Втарой царь,

5. Онъ съ любовію радѣлъ,  
 Всѣмъ свободы дать хотѣлъ,  
 Подъ крыломъ всѣхъ держалъ,  
 Всѣхъ ать казни избавлялъ.  
 Онъ справлялъ всѣ законы,  
 10. Слышалъ бѣдныхъ людей стоны.  
 Вонъ самъ на помощь паспѣшалъ,  
 Всѣхъ злодѣевъ прекрощалъ.  
 Стали злодѣи судъ судить,  
 Какъ бы царя истребить.  
 15. Много кѣзны потребили,  
 Отчаянныхъ подкупили,

- Да (ли) въ руди имъ горнаты.  
 А одъ Бога были прокляты.  
 Вездѣ мины подводили,  
 20. Государя не стребили:  
 Вездѣ караулъ стоялъ,  
 Государя сохранялъ.  
 Да марту первава числа  
 Сахранялъ Господь царя.
25. Марту первава числа  
 Жизнь кончалася царя:  
 Проевился первый ударъ  
 —Государя миновалъ,  
 Проевился второй взрывъ
30. Государя повразилъ.  
 Тогда государь, батюшка нашъ,  
 Съ ногъ упалъ,  
 Жалобно слово сказалъ:  
 „Подымити мне, дѣти,  
 35. Я, знать, отжилси на свѣтѣ.“  
 Къ нему слуги подбѣжали,  
 Подъ бѣлы руди подняли  
 За народною толпой  
 Не видать было откуль.
40. На рукахъ царя держали,  
 Всѣ слезно плакали—рыдали:  
 —Что жъ ты, батюшка, нашъ государь,  
 Александра Втарой царь!  
 За что жъ ты свою жизнь положилъ?
45. Всѣмъ добро творилъ,  
 А за что кровь свою пролилъ?  
 Всѣхъ крестьянъ на волю отпустилъ,  
 Что ты, батюшка, нашъ земной богъ,  
 Лешился своихъ ногъ!
50. Что жъ ты, батюшка, нашъ атець,  
 Несѣмъ тебе ва дворець.—  
 Пре дварцы всѣ стояли,  
 Всѣ слезно плакали рыдали,  
 Чорный храуръ надѣвали,

55. Всѣ впокой души сказали,  
Чорны хвлаки опустили,  
Царскую смерть возвѣстили,  
Звѣстили Влодыкавказъ,  
Полились слёзы зѣ глазъ.
60. Отбили телеграмъ.  
Затменіе сонца намъ.  
Во всѣхъ соборахъ прозвонили,  
Погребеніе служили,  
Прослужили шесть недѣль.
65. Во всемъ Питеру была тревога,  
Въ государя стражды многа.  
Горькая ёго страсть была:  
Изъ государя кровь лила.  
Страшно здумать и згодать,
70. Какъ на государя' руки взнять.  
Богу слава,  
Царямъ держава.

Стихи 38—39 вставлены послѣдѣе и неудачно.

М. Н. Сперанскій.



## Изъ воспоминаній этнографа.

### ВВЕДЕНІЕ.

Говоря по совѣсти, мнѣ еще очень рано писать свои этнографическія воспоминанія: я только-что началъ публиковать свои матеріалы, которыхъ накопилось довольно-таки много. Но среди различныхъ набросковъ имѣются у меня такіе, которые долго не дождутся своей очереди, пока я займѣть обработкой болѣе крупныхъ вопросовъ инородческой этнографіи. Еще въ дѣтствѣ, болтая у дѣдушки на пчельникѣ со сторожемъ *Павломъ* (черемисномъ завятской стороны), я понемногу выпрашивалъ его о всякой всячинѣ и учился у него по-черемисски. Разъ я засталъ его за какимъ-то страннымъ занятіемъ: стоя въ шапкѣ передъ столомъ, на которомъ въ чашкѣ поставлена была каша, онъ что-то бормоталъ и кому-то кланялся. Долго и упорно приставалъ я къ Павлу, пока онъ не сознался, что молился домовому (*сурт-кугузъ*). Учасъ уже въ гимназій, я свелъ знакомство еще съ двумя черемисами, которыхъ часто навѣщаль. Одинъ былъ хорошій пѣсенникъ, другой много рассказывалъ о старыхъ черемисскихъ порядкахъ и обычаяхъ; предокъ его былъ черемисскій князь, и у него хранились старинныя грамоты, по которымъ я еще въ четвертомъ классѣ выучился читать скоропись XVII вѣка. Такъ втягивался я въ изученіе инородческаго міра.

Двѣнадцать лѣтъ изъ года въ годъ изучалъ я вотяковъ и черемисъ. Дѣлалъ я это не спѣша, да и спѣшить-то, сказать по правдѣ, было не на что: за всю свою этнографическую карьеру я получилъ отъ ученыхъ обществъ *ровно полтора ста рублей!* Понятно, что я больше путешествовалъ по способу апостольскаго хожденія, особенно гимназистомъ и въ годы студенчества, а въ карманѣ рѣдко имѣлъ больше десяти рублей. На такія деньги не разгу-

ляешься! Была погода хороша,—я совершалъ путь пѣшкомъ, и только въ грязь нанималъ за какіе-нибудь гроши лошаденку. Если меня въ пути застигало ненастье, я застрѣвалъ на день, на два въ инородческой деревнѣ или гдѣ-нибудь на пчельникѣ, среди глухого лѣса. Однажды я провелъ пѣлую недѣлю у язычника черемисина Ельмурзы, извѣстнаго въ округѣ жреца. Не покладая рукъ, записывалъ я въ книжку всякую мелочь изъ языческаго обихода. Какъ-то разъ утромъ, когда старикъ читалъ молитву, обратясь къ восходящему солнцу, а я старался занести эту молитву въ записную книжку, невѣстка Ельмурзы преобольно ударила меня по спинѣ, найдя мое занятіе подозрительнымъ... Но старикъ заступился за меня, а съ невѣсткой Авдотей мы сдѣлались потомъ большими друзьями.

Необходимость использовать съ большею выгодой всякій удобный случай вынуждала меня къ напряженному вниманію, съ которымъ я присматривался къ окружавшей меня своеобразной дѣйствительности. Я ничего не упускалъ и все тщательно записывалъ, а если могъ, то и зарисовывалъ. Близкое знакомство съ русскимъ и инородческимъ міромъ помогло мнѣ выработать своеобразную этнографическую программу... для собственнаго употребленія. Она-то и виновата, что, задавшись слишкомъ широкими горизонтами, я очень долго собиралъ лишь матеріалъ, а на опубликованіе его времени оставалось мало, особенно позднѣе—благодаря службѣ въ Сибири.

Я увлекся этнографіей благодаря чистому случаю. Я только еще кончалъ гимназію, когда вятскій губернаторъ *Чарыковъ* задумалъ освѣжить составъ сотрудниковъ „Вятскихъ Губ. Вѣдомостей“. Малмыжскій исправникъ *Марсановъ* прислалъ мнѣ печатный бланкъ за подписью губернатора, приглашавшій меня къ сотрудничеству. Лѣтомъ 1872 г., только что перейдя въ VII классъ, я послалъ въ редакцію свою рукопись „Историческій очеркъ села Черемисскаго Малмыжа“, которая была напечатана въ слѣдующемъ году. Губернаторъ приказалъ выдать мнѣ установленный гонораръ, по 5 к. за строчку, и полученныхъ мною 35 р. съ копейками мнѣ съ избыткомъ хватило потомъ на цѣлое лѣто.

Съ большимъ удобствомъ развѣзжалъ я на эти деньги по инородцамъ и всюду встрѣчалъ самый сердечный пріемъ, благо-

даря открытому листу губернатора. Увы! это было давно, а самъ я былъ тогда еще юнъ, и все мнѣ улыбалось...

Теперь—черезъ 32 года—все до неузнаваемости измѣнилось на Вяткѣ... Когда я въ прошломъ году явился къ малмыжскому исправнику князю В. и просилъ у него открытаго предписанія для свободныхъ разъѣздовъ по уѣзду, мнѣ было грубо въ этомъ отказано. Отказъ былъ мотивированъ тѣмъ, что „теперь появилось много всякихъ проходимцевъ—статскихъ советниковъ, какъ я“<sup>4</sup>. Противъ такого аргумента спорить было бесполезно, и я принесъ жалобу губернатору. Но времена Чарыкова миновали: нынѣшній губернаторъ взялъ сторону исправника, отказавъ въ выдачѣ открытаго предписанія потому только, что по поводу моей командировки къ инородцамъ не было ему извѣщенія отъ Императорской Археологической комиссіи, о чемъ благосклонно прислалъ мнѣ увѣдомленіе отъ 30 іюня 1905 г. за № 4093.

Какъ будто я ѣхалъ на раскопки кургановъ!..

Я началъ, такимъ образомъ, свои этнографическія изслѣдованія немного своеобразно. Дать совѣтъ было некому; оставалось самому выбирать тотъ или иной литературный образецъ. Я остановился на очеркахъ, въ которыхъ непринужденно излагалъ все то, что зналъ и наблюдалъ по данному вопросу. Нѣсколько позднѣе, замѣтивъ мои статьи въ „Древней и Новой Россіи“, на меня обратилъ вниманіе покойный Л. Н. Майковъ, и ему обязанъ я многими существенными совѣтами и указаніями.

Въ теченіе 12 лѣтъ странствованій по инородческому району мнѣ пришлось перезнакомиться со многими практическими знатоками инородческаго быта. Зброшенные въ дикую лѣсную глушь, симпатичные люди эти дѣлились со мною своими наблюденіями, сообщали многое, что уже выводилось изъ обрядоваго обихода, и помогали обратить вниманіе на то, что я, по неопытности, пропустилъ бы безъ вниманія. Съ отраднымъ чувствомъ благодарности вспоминаю я давно умершихъ: волостного писаря въ Сатнурѣ Ивана *Васильева* (природнаго черемисина), который впервые показалъ мнѣ, тогда еще мальчугану, черемисское жертвоприношеніе; волостного засѣдателя Филиппа *Трифонова* (природнаго вотяка), который познакомилъ съ вотскими преданіями и училъ меня въ дѣтствѣ вотскому языку; свящ. Бориса *Гаврилова* (изъ старокрещенныхъ татаръ); миссіонера свящ. Сергія *Уви-*

каю, съ которымъ мы были на жертвоприпошеніи кереметю; свящ. Владиміра *Капачинскаго*, посѣтившаго со мною вотскія поминки; псаломщика *Е. И. Глазырина*, съ которымъ мы воровали вотскихъ воршудовъ, и донывѣ здравствующаго маститаго протоіерея Іоанна *Капачинскаго*, съ которымъ о чемъ только не приходилось бесѣдовать! Выше названныя лица, а потомъ покойныя *Н. И. Золотницкій* и *Н. И. Ильминскій*, извѣстные знатоки инородцевъ Поволжья, были моими руководителями въ годы юности и составляли для меня, въ практическомъ смыслѣ, „этнографическій факультетъ“. Постоянный интересъ къ этнографіи поддерживался близкимъ знакомствомъ съ проф. *Е. А. Маловымъ* и покойнымъ знатокомъ чувашъ *В. К. Маммикинымъ*. Позднѣе, овладѣвъ языками, я могъ пользоваться обширною европейскою литературой. Но и сейчасъ я не нахожу въ книгахъ многого такого, что узналъ отъ названныхъ лицъ и имѣлъ возможность провѣрить на мѣстахъ.

Мнѣ хотѣлось бы теперь въ совершенно свободной формѣ коснуться въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ вопросовъ инородческой жизни, преимущественно вопросовъ *темныхъ*, которые этнографическою литературой или не затронуты, или же надлежащимъ образомъ не освѣщены. Начну съ человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, скажу кой-что о способахъ закланія жертвы, остановлюсь на мултанскомъ процессѣ, а потомъ перейду къ бытовымъ мелочамъ изъ жизни вотяковъ и черемисъ, связывая все это со своими личными воспоминаніями.

## I.

Предтеча мултанскаго жертвоприпошенія. Мултанскій процессъ. Перечень языческихъ жертвоприпошеній, посвященныхъ авторомъ. *Баръ емсь*—„последняя жертва“. Ритуаль этой жертвы. Ночные страхи. Омерзительная жертвенная трапеца. Разновидность „последней жертвы“. Черемисскія жертвоприпошенія съ мученіемъ жертвы.

Весною 1885 г. въ редакціи „Волжскаго Вѣстника“ (сотрудникомъ котораго я состоялъ) получена была корреспонденція изъ Сарануля, принадлежавшая перу извѣстнаго въ Поволжьѣ и Прикамьѣ автора популярныхъ книжекъ, духовной особы,

писавшей подъ псевдонимомъ „Акима Простоты“. Корреспондентъ мрачными красками излагалъ невѣроятное происшествіе, приключившееся со свящ. *Базилевскимъ*, котораго, будто-бы, вотяки с. *Мултана* (Малмыжскаго уѣзда) хотѣли принести въ жертву. Услыхавшій вопли священника урядникъ бросился, по словамъ корреспондента, на крикъ, мужественно разрядилъ свой револьверъ въ толпу людоедовъ, а затѣмъ, обнаживъ пашку, проложилъ себѣ дорогу и освободилъ священника, который лежалъ на столѣ въ изорванной рясѣ, связанный и покрытый ранами отъ уколовъ ножемъ, а возлѣ него валялся порванный тревникъ.

Рѣчь въ этой корреспонденціи шла о мѣстности, близкой къ моей родинѣ, объ инородцахъ, которыхъ я зналъ съ дѣтства, языку которыхъ учился съ самыхъ юныхъ лѣтъ и бытъ которыхъ усердно изучалъ, особенно съ 1880 года... Дѣло представлялось мнѣ совершенно невѣроятнымъ, и я просилъ редактора „Волжскаго Вѣстника“ (проф. Н. П. Загоскина) обождать печатать корреспонденцію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не добуду съ мѣста происшествія дополнительныхъ свѣдѣній; но онъ слишкомъ вѣрилъ корреспонденту духовнаго сана и напечаталъ его корреспонденцію въ № 37.

На другой день я получилъ телеграмму отъ врача *Ивановскаго*, завѣдывавшаго земскою больницей въ с. *Селтагъ*, гдѣ будто-бы лѣчился израненный ножами вотяковъ священникъ, и оказалось, что все это — неправда, что о. Базилевскій страдаетъ *бѣлой горячкой* (*delirium tremens*), и больше ничего. На основаніи личнаго знакомства съ бытомъ вотяковъ, я помѣстилъ въ № 37 „Казанскаго Биржеваго Листка“ горячую замѣтку на корреспонденцію „Волжскаго Вѣстника“, которую дерзновенно разослалъ повсюду: оберъ-прокурору свят. Синода, министру внутреннихъ дѣлъ, вятскимъ преосвященному и губернатору, а также редакціямъ выдающихся столичныхъ газетъ.

Полученныя мною съ мѣста происшествія частныя свѣдѣнія выяснили вскорѣ, что урядникъ дѣйствительно причинилъ вотякамъ увѣчья, но что священника нашли не потому связаннымъ, что мултанскіе антропофаги хотѣли принести его въ жертву, а по другой совершенно причинѣ, о которой стыдно говорить... О. Базилевскій явился въ село Мултанъ крѣпко навеселѣ и, пользуясь тѣмъ, что мужская половина населенія ошалѣла отъ

кумышки, слишкомъ неумѣренно началъ приставать къ вотякамъ. Какъ ни пьяны были вотяки, но они не причинили священнику никакихъ увѣщій, а чинно связали его кушакомъ и положили на столъ до отрезвленія. О. Базилевскій въ этомъ случаѣ не былъ какимъ-либо рѣдкостнымъ исключеніемъ изъ духовенства Малмыжскаго уѣзда; за нѣсколько лѣтъ до него двое священниковъ (сель Дерюшева—о. *Михаилъ* и Цыпи—о. *Александръ Шестиковъ*) были судимы и лишены сана за слишкомъ нескромное обращеніе со своими прихожанками изъ инородокъ. Оба они, какъ и о. Базилевскій (уволненный потомъ за штатъ), были вдовцы, и это отчасти извиняетъ ихъ.

Изъ Петербурга предписано было произвести строжайшее слѣдствіе, которое велось крайне быстро и энергично. Вскорѣ выяснилось, что все сообщаемое о „Акимомъ Простотомъ“ есть чистѣйшій вымыселъ, вымыселъ при томъ злостный, и Сѣверное телеграфное агентство не замедлило оповѣстить объ этомъ, со словъ „Правит. Вѣстника“, читающую публику. Отецъ „Акимъ Простота“ не забылъ однако этого непріятнаго ему обстоятельства, и когда разыгралось настоящее мултанское дѣло въ 1893 г., онъ всѣми мѣрами агитировалъ въ пользу обвиненія людодѣловъ—вотяковъ и нашель въ этомъ достойныхъ себя сотрудниковъ.

Двадцать одинъ годъ тому назадъ дѣло происходило въ с. *Мултанъ* Семтинской волости, въ 170 верстахъ отъ г. Малмыжа; черезъ восемь лѣтъ аналогичное, но болѣе серьезное дѣло разыгралось въ селѣ *Старомъ Мултанѣ* Кырчим-Копкинской волости, отстоящемъ отъ города въ 106 верстахъ (а по зимнему пути—въ 42 верстахъ).

Страшная новость о принесеніи въ жертву вотяками нишаго Матюнина въ селѣ Старомъ Мултанѣ сдѣлалась мнѣ слишкомъ поздно известна. При участіи нѣкоторыхъ лицъ, собралъ я постепенно всю газетную и журнальную литературу о мултанскомъ жертвоприношеніи, но по разнымъ причинамъ не успѣлъ написать и опубликовать своей статьи *ранѣе* вторичнаго разбирательства. Съ моей стороны это было тяжкое этнографическое преступленіе, но совершено оно было въ силу отдаленности мѣста моей службы отъ театра дѣйствія и еще—главнымъ образомъ—потому, что тогдашній попечитель учебнаго округа *Флоринскій*, самъ семинаристъ, держалъ сторону о. „Акима Простоты“ и былъ за

обвиненіе несчастныхъ вотяковъ. О мултанскомъ процессѣ онъ говорилъ не иначе, какъ съ пѣной у рта. Не мудрено, что я вынужденъ былъ молчать, хотя и могъ сказать больше другихъ.

Однако я питалъ надежду, что не все пропало: изъ отчета *В. Г. Короленки* о вторичномъ разбирательствѣ Мултанскаго дѣла, помѣщеннаго въ „Русск. Вѣдомостяхъ“, для меня выяснилось, что мотивовъ для кассациі послѣ второго разбирательства было даже больше, чѣмъ послѣ перваго, несмотря на участіе экспертовъ, вѣрнѣе—благодаря крайне странной экспертизѣ покойнаго проф. *И. Н. Смирнова*.

Изъ заключеній этихъ экспертовъ видно, что *ни одинъ изъ нихъ* не былъ знакомъ надлежащимъ образомъ съ ритуаломъ жертвоприношеній у вотяковъ. Смирновъ видѣлъ жертвоприношеніе только въ Бирскомъ уѣздѣ, но такъ какъ ранѣе онъ, *очевидно*, не видалъ ничего подобнаго, то, какъ самъ говоритъ, „подробностей не замѣтилъ“. („Хорошъ этнографъ!“ можно при этомъ воскликнуть). Между тѣмъ въ подробностяхъ вся суть жертвеннаго ритуала: тотъ или другой порядокъ этихъ подробностей рѣшаетъ дѣло.

Мнѣ и хотѣлось бы дать понятіе какъ о жертвоприношеніяхъ, соединенныхъ съ мученіями жертвы, такъ и вообще со способомъ закланія жертвеннаго животнаго. Дневники моихъ путешествій къ вотякамъ заключаютъ по этой части богатый матеріалъ.

Я видалъ большія моленія вотяковъ нѣсколько разъ.

1) Въ 1877 и 1884 годахъ вблизи города Малмыжа, когда пѣлая деревня приносила „воршуду“ жертву въ *бадзѣм куалѣ* (главномъ, или родовомъ шалапѣ).

2) Въ 1882 году въ Малмыжскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Уржумскимъ, когда принесено было въ жертву до 20 головъ крупнаго и мелкаго скота.

3) Въ 1883 году въ Мамадышскомъ уѣздѣ, когда въ *бадзѣм людѣ* (большой, соборной рошѣ) совершалось торжественное „моленіе лебедя“, справляемое черезъ три года. Кромѣ вотяковъ съ двухъ волостей и депутатовъ отъ трехъ смежныхъ уѣздовъ, въ моленіи принимали участіе старокрещенные татары, отчасти приверженные шаманскому культу.

4) Сверхъ того въ теченіе 1882 года я не разъ видалъ въ предѣлахъ Елабужскаго и Малмыжскаго уѣздовъ малое жертво-

приношеніе воршуду, которое мнѣ же самому приходилось заказывать, чтобы получить право на входъ въ родовую куалу. Этотъ годъ далъ для меня наилучшіе результаты: однихъ подлинныхъ воршудовъ я добылъ шесть экземпляровъ. Трудно путешественнику было бы найти въ подобную минуту нужную жертву, но въ этомъ случаѣ выручаютъ своеобразные хозяйственные порядки вотяковъ. Мелкій скотъ и птица числится обыкновенно собственностью женской половины семьи, составляя приданое (*инъчи*). Если вы пожелаете купить у вотяка курицу, утку, гуся или барана, то получите отказъ, иногда довольно грубый; но съ вотячками дѣло рѣшается быстро, и за 15—20 коп. вы легко достанете курицу или утку, которую владѣлецъ шалаша приноситъ въ жертву воршуду.

По разнымъ причинамъ, я не далъ цѣльной картины быта вотяковъ, но дѣлалъ нѣсколько докладовъ въ Казанскомъ обществѣ археологіи, исторіи и этнографіи, секретаремъ котораго состоялъ съ начала 1882 года до отъѣзда изъ Казани въ Томскъ.

5) Въ 1883 г. я видѣлъ также въ Мамадышскомъ уѣздѣ рѣдчайшее изъ вотскихъ моленій *бэр емь* („последнее моленіе“), которое дѣлается только въ крайности, совершается таинственно, непременно въ полночь, въ глухомъ оврагѣ, по близости отъ того мѣста (*мы-куян*—„мѣсто бросанія костей“, или *кур-куян*—„мѣсто бросанія лубковъ“), куда сваливается все, что соприкасалось съ покойникомъ: бѣлье, постель, вѣнникъ, которымъ обмывали трупъ, лубокъ, на которомъ эта операція производилась, равно обрѣзки гробовыхъ досокъ и стружки. Къ подобной потайной молитвѣ прибѣгаютъ вотяки лишь тогда, когда всѣ жертвы богамъ испробованы, и ничто не помогаетъ.

Мы начнемъ съ ритуала этого страшнаго, не столько по обрядамъ, сколько по обстановкѣ, моленія, адресуемаго злымъ духамъ и въ этнографической литературѣ совершенно неизвѣстнаго въ подробностяхъ, какъ и родственное ему моленіе грозному *Акташу*. Съ этими двумя жертвоприношеніями у русскаго народа и духовенства связано много фантастическаго и ужаснаго. Самый фактъ, что вотяки крайне неохотно говорятъ объ Акташѣ, о *бэр емь* и выражаютъ даже особенный испугъ, когда съ ними заводятъ объ этомъ рѣчь, вызываетъ обыкновенно особенное подозрѣніе. Изъ сотни русскихъ девяносто девять будутъ



разсказывать невѣроятные ужасы про эти жертвоприношенія, но такъ туманно, что невозможно понять хотя что-нибудь въ этихъ розсказняхъ. На мултанскомъ процессѣ этотъ сумбуръ представленій о вотскихъ тайныхъ жертвоприношеніяхъ съ особенною силой выразился въ показаніяхъ свидѣтелей—земскихъ начальниковъ *Львовскаго* и *Новицкаго* и экспертовъ обвиненія—свящ. *Ермина* и проф. *Смирнова*.

Я долженъ былъ долго уговаривать самаго виднаго въ этой мѣстности жреца, чтобы онъ взялся принести отъ моего имени „крайнюю жертву“, съ помощью которой я хотѣлъ, будто-бы, погубить моего злѣйшаго врага. Въ этомъ случаѣ требуется жертва чернаго цвѣта (овца, курица), непременно краденая. Воруетъ тотъ, кому нужно молиться. Укралъ и я черную курицу у хозяйки дома, гдѣ жилъ въ то время, производя подворную перепись голодающихъ вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, по порученію Казанской губернской земской управы. Но для того чтобы украсть, надо было цѣлую недѣлю прикармливать упрямую птицу, пока она совершенно не перестала меня бояться.

Жрецъ велѣлъ мнѣ надѣть, по его примѣру, верхнее платье на изнанку и взять съ меня клятву, что я никому, викогда не скажу, гдѣ и съ кѣмъ приносилъ подобную жертву. Упрятавъ въ мѣшокъ курицу, прихвативъ котелокъ, въ темную ночь (въ серединѣ іюля, часовъ около 10<sup>1/2</sup>) пошли мы по задворкамъ на западъ отъ деревни, довольно долго пробираясь къ глубочайшему оврагу. По головокружительной крутизнѣ, среди обломковъ камней, цѣпляясь за корявые ели и сосенки, спустились мы на большую площадку, заваленную всякимъ хламомъ, но близости отъ которой меланхолически журчалъ ключъ холодной воды.

Словивъ сухихъ вѣтокъ, жрецъ торопливо, нетвердой рукой развелъ огонь, съ помощью огнива, сходилъ внизъ на ключикъ за водою и поставилъ котелокъ надъ огнемъ, надѣвъ его ручкой на какую-то корягу. Потомъ онъ вынулъ изъ кошеля курицу, которая неистово заорала, почувавъ волю.

Гуль пошелъ по каменистому оврагу, кой-гдѣ покрытому лѣсомъ.

Курицу жрецъ взялъ за ноги, опустилъ внизъ головой и попросилъ меня держать, обратившись лицомъ въ западную сто-

рону, а самъ справа налѣво смаху отрѣзаль ей голову и бросиль въ огонь. Въ огонь же должна была стекать кровь убитой курицы. Потомъ жрецъ выпотрошилъ ее очень грубо и еще небрежиѣ ощипаль; всѣ отбросы загребъ онъ въ кучу и кинуль въ огонь, вмѣстѣ съ отрубленными ногами. Эта неопрятная курица положена была въ котелокъ, который, можетъ быть, еще сегодня лизали собаки, играющія у вотяковъ роль судомоекъ...

Вода утомительно долго не кипить... Скучно и жутко, а говорить нельзя: не полагается. При блескѣ костра, тайкомъ отъ жреца, смотрю на часы: скоро полночь! Вдругъ кто-то жалобно заплакаль, точно ребенокъ, да такъ близко, совѣмъ возлѣ насъ!

Я насторожился совершенно невольно.

Чу, опять кто-то заухаль, да такимъ глухимъ, подземнымъ голосомъ!.. Мой вотякъ ни живъ, ни мертвъ, а у меня хоть есть съ собой хорошій револьверъ, есть острый ножъ, но... право немного не по себѣ!

И зачѣмъ это время идетъ столь медленно?..

Котелокъ началъ чуть-чуть закипать; въ это время вдали кто-то дьявольски захохоталь, и столь отчетливо, что эхо повторило хохотъ до трехъ разъ...

Вотякъ зашепталъ молитву.

Совѣсть вдругъ начала меня укорять: къ чему затѣяль я это глупое жертвоприношеніе, нагавъ вотяку, что мнѣ нужно насолить неумолимому врагу? Хотя вся окружающая насъ чертовщина и могла мнѣ померещиться, благодаря сосѣдству трусливаго вотяка и ночной обстановкѣ, но все же мнѣ стало стыдно за свое язычество, хотя бы и притворное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я силился оправдать самого себя. Можно ли было мнѣ поступить иначе, если я чувствовалъ неотразимую потребность узнать сокровенныя таинства вотской религіи? Нѣтъ, нельзя!..

Позднѣе, присутствуя при жертвоприношеніи *Акташу*, я чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе.

Подъ шумъ закипающаго котелка я успокоился на мысли, что оправданіемъ для меня служить стремленіе узнать религіозныя тайны вотяковъ.

Вотьякъ нѣтъ-нѣтъ, да пощупаетъ выставившуся изъ котелка журиную ногу своей грязной, покрытой кровью лапой, которою онъ загребалъ на землѣ, вмѣстѣ съ требухой курицы, всякую покойническую мерзость...

Ну, готово! Жрецъ снялъ котелокъ съ огня, поставилъ его около костра и добылъ изъ-за голенища ложку. Онъ облизалъ ее, чистоты ради, и спустилъ въ котелокъ. Ножемъ очертилъ онъ кругъ, въ который вошли оба мы и огонекъ съ котломъ, потомъ обратился къ западу и сдавленнымъ голосомъ проговорилъ заклинаніе, а я долженъ былъ вторить ему.

„Ой вотлисъ мынись! Монэ эн куты!“ (О ты, ходящій ночью духъ! не трогай меня).

Это повторилось трижды.

„Нюк кужо! Монэ эн куты!“ (Духъ [хозяинъ] оврага! Меня не трогай...)

Снова трижды.

„Чук пересъос! Кутысьос! Монэ эн куты!“ (Умершіе старики! Безродные покойники! Меня не трогайте...)

Опять трижды.

Потомъ онъ взялъ котелокъ и, трижды приподнимая его вверхъ, а потомъ кланаясь на западъ, троекратно проговорилъ, каждый разъ отливая въ огонь по ложкѣ навару и отщипывая по кусочку курятины:

„Ой вотлисъ мынись! Нюк кужо! Чук пересъос! Кутысьос! Тани сіэлэ но йюэлэ, милемыз эн лэтэ, кошкэлэ!“ (Ходящій ночью духъ! Хозяинъ оврага! Умершіе старики! Безродныя души! Ышьте и пейте, насъ не трогая, уходите).

Было убійственно трудно, при абсолютномъ почти мракѣ, заносить въ книжку немногія слова заклинаній и молитвы. Вотъ почему дальше я запомнилъ только смыслъ молитвы:

„Вотъ, Ышьте и пейте, а больше не просите: послѣднее принесъ вамъ, больше ничего у меня не осталось. Недруга моего себѣ возьмите, ко мнѣ больше не ходите!“

Теперь полагается раздѣлить трапезу со злыми духами: съѣсть кусокъ курятины, хлебнуть хотя ложку навару...

Вотьякъ, обтеревъ ложку объ полу армяка, зачерпнулъ супу и поднесъ мнѣ. Помня грязь, съ какою готовилось кушанье, я почувствовалъ приступъ тошноты прежде, чѣмъ поднесъ ложку

къ губамъ. Отступивъ въ тѣнь, я вылилъ незамѣтно содержимое по бородѣ себѣ на пальто, а вотякъ въ это время стоялъ передо мною и смотрѣлъ въ упоръ; но два стакана водки, поднесенные мною передъ отправленіемъ нашимъ въ путь, помѣшали ему видѣть то, что я продѣлывалъ.

Изъ крошечнаго мрака выплыло прямо на насъ что-то громадное, сѣрое и вдругъ шарахнулось въ сторону... Гдѣ-то опять началось уханье...

Вотякъ отломилъ мнѣ ногу курицы, а себѣ выковырнулъ порядочный кусокъ. Въ это время позывъ тошноты усилился у меня до крайности: я притворился, что громко чавкаю, на самомъ дѣлѣ не дотрогиваясь до ноги, но долженъ былъ поминутно сплевывать накопившуюся слюну. Кончилось тѣмъ, что я незамѣтно кинулъ непочатую куриную ногу въ сторону, а вотякъ молча показалъ мнѣ на костеръ, куда слѣдовало положить кость. Пришлось со спичкой въ рукахъ отыскивать ногу и бросить ее въ огонь.

Вотъ и все; вотяцкое моленіе не длинно. Теперь слѣдовало уходить. Курицу полагается уносить съ собой, чтобы угостить домашнихъ. Хотя таковыхъ на мѣстѣ у меня не было, но вотякъ понесъ все-таки котелокъ. Я торопливо карабкался по крутому подъему впереди, за мной жрецъ. Все время онъ бормоталъ себѣ подъ носъ:

„Милемъз эн дэтэ, кошкэлэ!“ (Насъ не трогая, уходите). Чтобы задержать злыхъ духовъ, онъ, оказывается, кидалъ время отъ времени маленькіе кусочки курятины, иначе духи схватили бы насъ сзади и увлекли къ себѣ внизъ. На гребнѣ оврага еще разъ угостили мы ночныхъ духовъ и покойниковъ, оставили имъ курятинки, отлили супу и пошли до дому.

Поднимаясь изъ оврага, я, не столько отъ усилія, сколько отъ перваго возбужденія, весь покрылся испариной, торопясь выбраться изъ этого проклятаго мѣста. Наконецъ мы дошли до огородовъ. Оглядываться теперь было еще нельзя, но говорить негромко—можно.

— Скажи, Кузьма: всегда такъ надо дѣлать бэр емь, или бываетъ по иному?

— Разной бываетъ... Псякой за себя молить, вѣдь!

— Въ чемъ же разница? Можетъ быть *мучатъ* скотину или птицу?<sup>а</sup>

— Которой мучить мало-мало! Голова маленько рѣжить, бокъ ножомъ колеть да пускаеть...

— А потомъ варять и ѣдятъ?

— Нѣтъ, которой мучить скотина, тотъ не ѣсть. Миста (на мѣстѣ) оставилъ надо!

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что при мученіи жертвы читается особое заклятiе, сила котораго заключается въ уподобленіи: какъ мучится жертва, такъ же долженъ мучиться и недругъ, пока не умретъ. Вообще же *бэр эмь*—жертвоприношеніе искупительнаго характера, гдѣ жертвующій самъ отъ своего имени, а если онъ по болѣзни не выходитъ изъ дому, то его жена, сама или устами сопутствующаго ей жреца (если такой въ данной мѣстности имѣется) говорить, что, лѣчась отъ болѣзни или тягаясь съ врагомъ, онъ потратилъ все свои достатки и несетъ въ жертву *последнюю* животину.

Конечно, это—явный обманъ, но чтобы провести злыхъ духовъ, при возвращеніи въ деревню нужно зайти въ чужой дворъ и оставить тамъ часть жертвы. Жадные духи, по пятамъ слѣдующіе за молившимися, лѣзутъ въ чужой дворъ и угощаются вновь, а потомъ, осмотрѣвшись, видятъ, что дворъ совсѣмъ не бѣдный, добра всякаго много... Догадываясь, что ихъ обманули, духи начинаютъ мстить и доводятъ ни въ чемъ неповиннаго домохозяина до полного раззоренія; самъ хозяинъ теряетъ сначала сонъ и аппетитъ, потомъ чахнетъ и умираетъ, а то поднимаетъ на себя руки. Происхожденіе выморочныхъ одвориць, встрѣчающихся кой-гдѣ по вотскимъ деревнямъ, инородцы этимъ и объясняютъ.

Самъ приносившій жертву спасается тѣмъ, что онъ былъ въ вывороченномъ на изнанку платьѣ. Въ обычномъ костюмѣ его не узнаютъ духи, а вывороченнаго костюма онъ до самой смерти не надѣнетъ вторично; кромѣ того онъ намѣренно заводитъ духовъ въ чужой дворъ, а они такъ и не знаютъ, какъ имъ попасть въ домъ обманщика.

Если кто встрѣтится по дорогѣ съ идущими изъ оврага, бѣда тому! Онъ *долженъ* непремѣнно отвѣдать жертвеннаго мяса, а если не дадутъ, то отнять силой; иначе къ нему привяжется

одно бѣдствіе за другимъ. Пойманнаго въ попыткѣ завести злыхъ духовъ въ чужой дворъ вотяки выгнояютъ *непретѣнно* помеломъ, но бьютъ также нещадно палками и чѣмъ придется.

Мы кинули свою курицу въ огородъ кабатчика, родомъ изъ села Кукмора, съ которымъ, впрочемъ, потомъ ровно ничего не случилось, да едва-ли онъ и узналъ когда-нибудь, что ему грозила бѣда...

Вотяка отблагодарилъ я тѣмъ, что заплатилъ за него податную недоимку (восемь съ чѣмъ-то рублей), а хозяйкѣ своей квартиры накинулъ при расчетѣ за украденную курицу. При прощаньѣ вотякъ посоветовалъ мнѣ, придя домой, погрѣть руки надъ огнемъ, чтобы очиститься отъ всякой скверны, но я просто-напросто тщательно вымылся съ мыломъ. Какъ я ни упрасивалъ вотяка продиктовать мнѣ молитву цѣликомъ, онъ наотрѣзъ отказался, при чемъ на лицѣ его написанъ былъ такой непри-творный ужасъ, что я искренно повѣрилъ его словамъ, будто подобныхъ молитвъ нельзя читать зря, безъ надобности.

Вѣрный клятвенному обѣщанію, я до сихъ поръ молчалъ о ночномъ моленіи въ оврагѣ. Ночные страхи для меня долго не выяснились. Утромъ послѣ жертвоприношенія я разсмотрѣлъ только, что оврагъ однимъ бокомъ примыкалъ къ яровому полю, въ которомъ въ изобиліи водились куропатки. Но только лѣтъ шесть спустя, сдѣлавшись въ Сибири охотникомъ, узналъ я, что ұхаетъ филивъ, плачетъ заяць, а хохочетъ куропатка...

Скажу здѣсь кстати, что жертвоприношенія съ мученіями совершаются еще изрѣдка у черемисъ, въ одномъ пунктѣ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи (по р. Лажу), но вина въ этомъ падаетъ на ворожеца, который указываетъ мучительный способъ жертвоприношенія. Ворожець этотъ (теперь, вѣроятно, умершій, потому что въ 1883 году онъ былъ уже очень старъ) не встрѣчалъ одобренія со стороны главнаго черемисскаго сновидца, пользующагося громадною популярностью среди всѣхъ черемисъ. Самъ я *не видалъ* въ Уржумскомъ уѣздѣ жертвоприношеній съ мученіями, но черемисскіе жрецы говорили мнѣ съ *омерзѣніемъ*, что ворожець приказывалъ связанной по ногамъ скотинѣ забивать деревянные (изъ липы) колышки въ глаза, въ уши, въ задній проходъ, а носъ затыкать травой; въ заключеніе морда измученнаго животнаго связывалась лычной веревкой, и скотиня

задушалась. Когда конвульсивныя движенія жертвы прекращались, ей перерѣзали горло; потомъ снимали шкуру, варили мясо и съѣдали послѣ молитвы, удѣливъ божеству извѣстную часть.

У малмыжскихъ черемисъ я зналъ только одного жреца, Ельмурзу, сколько мнѣ извѣстно—*единственный разъ* въ жизни принесшаго жертву съ мученіями кереметю Чумбулату. Въ большой семьѣ этого черемисина завелась трахома, у всѣхъ поголовно. Особенно старику жаль было страдавшей сильнѣе всѣхъ вдовой его невѣстки Авдотьи, преумной бабы, съ которой онъ жилъ. Ради нея старикъ принесъ жертву и при мнѣ истизалъ теленка, дѣлая ему въ бока и животъ уколы ножемъ. Теленокъ, связанный по ногамъ, жалобно мычалъ и брыкался. Потомъ черемисинъ закололъ его обычнымъ порядкомъ, сварилъ и устроилъ, при участіи семейныхъ, вмѣстѣ съ больною Авдотьей, короткое моленіе.

Какъ сейчасъ помню небольшую хвойную рошцу близъ пчельника, принадлежавшаго этому черемисину, гдѣ совершалось моленіе. Подъ елью, на хвойныхъ вѣткахъ, разстлана была скатерть, на которой поставлено вареное мясо въ большой чашкѣ, медовая сыта (*шорба*), зачѣмъ-то мука въ чашкѣ, коровай хлѣба и нѣсколько маленькихъ хлѣбцевъ для керемета, внутри которыхъ запечено было по серебряной монетѣ.

„Чумбулатъ кереметь!“ молился черемисинъ: „Если ты ломаешь черемисскую женщину, то отпусти её. Если ты испортилъ ее, ты и поправь... Отъ имени Авдотьи прошу тебя вотъ этимъ чернымъ бычкомъ, медовой сытой, хлѣбомъ, серебряною монетой... Чумбулатъ кереметь! помилуй, не трогай...“

Всѣ подобныя моленія кереметю немногосложны и крайне сухи по содержанію. Молитвы кереметю у черемисъ, Акташу и другимъ злымъ духамъ у вотяковъ скорѣе выкрикиваются непочтительнымъ голосомъ, нежели читаются благоговѣнно.

Приношеніе жертвы кереметю съ мученіями совсѣмъ не *обязательно* и встрѣчается вообще рѣдко, въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Есть одна характерная черта, свойственная этимъ моленіямъ: злему божеству жертвуется значительная часть жертвеннаго животнаго, а шкура всегда оставляется на деревѣ или подлѣ дерева (на особомъ шестѣ), или въ скрытомъ мѣстѣ, только предварительно тамъ и сямъ прорѣзывается ножемъ, чтобы кто-нибудь

не укралъ ея. Въ древности шкура вѣшалась на деревѣ при жертвоприношеніяхъ въ честь всѣхъ вообще боговъ, но теперь черемисы, принося жертву добрымъ богамъ, только въ Бирскомъ уѣздѣ вѣшаютъ шкуру жертвеннаго животнаго на дерево а вотяки—срѣдка въ Глазовскомъ; обыкновенно же она послѣ моленія продается скупщикамъ, всего чаще—татарамъ.

## II.

Закланіе жертвы.—Разнятіе туши.—Уничтоженіе жертвенныхъ остатковъ.

Перехожу къ подробностямъ, касающимся закланія жертвеннаго животнаго у вотяковъ и черемисъ. Въ этомъ отношеніи я располагаю богатѣйшимъ матеріаломъ, хранящимся въ дневникахъ моихъ путешествій. Выше я перечислилъ, какія вотскія жертвоприношенія были мною посѣщены. Но кромѣ того, въ теченіе двѣнадцатилѣтнихъ разъѣздовъ по внородцамъ, мнѣ случалось бывать на многотысячныхъ сборищахъ черемисъ для моленій, а шесть разъ—въ такихъ случаяхъ, когда приносилось по нѣскольку десятковъ головъ скота. Незначительныя моленія, съ участіемъ нѣсколькихъ десятковъ и сотъ человекъ, я не считаю. Правда, я опубликовалъ сравнительно мало, такъ какъ хотѣлъ бы дополнить свои наблюденія нѣкоторыми деталями изъ мѣстностей, мной не посѣщенныхъ. Скептики могутъ легко убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, просмотрѣвши предисловіе къ труду д-ра *В. Мункачи*, маршрутъ путешествія котораго къ вотякамъ составленъ по моимъ указаніямъ.

Жертвенное животное для моленій въ большомъ (родовомъ *бадъям-куалà*) шалаши и молитвенной рошѣ (*луд*) назначаетъ у вотяковъ тунò (въ Мамад. уѣздѣ—*туночи*), совмѣщающій въ себѣ обязанности черемисскаго сновидца (*омò ужшиò*) и ворожена (*мужам, мужэд*).

Отъ тунò зависитъ указаніе на родъ и возрастъ жертвы, какъ добрымъ, такъ и злымъ богамъ одинаково, а у черемисъ для этого существуютъ отдѣльные специалисты для каждой категоріи боговъ, при чемъ мужаны пользуются презрѣніемъ и ненавистью толпы.



Итакъ, выборъ жертвы зависитъ или отъ усмотрѣнія тунд и сновидца, основаннаго на практикѣ предковъ, или же они руководствуются спеціальнымъ на этотъ счетъ указаніемъ божества въ сновидѣніи, при чемъ указывается порода, полъ, цвѣтъ шерсти и возрастъ жертвенной скотины. При нормальныхъ условіяхъ, всегда заранѣе можно знать, кому и что будетъ принесено въ жертву, потому что издревле установлено у черемисъ и вотяковъ, какому богу какую давать жертву. Въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряда вонъ, назначается животное крайне рѣдко встрѣчаемой породы или масти, съ какою-нибудь особенною отмѣтиной, такъ что нужно отыскивать потребную скотину на сотни верстъ кругомъ и платить, напр., за простого крестьянскаго жеребца 150, 300 и даже болѣе рублей, потому что торговаться въ этомъ случаѣ отнюдь не полагается.

Подходящая по масти скотина испытывается, прежде чѣмъ купить ее, и если богъ, при упорномъ взглядѣ покупателей на скотину, подастъ знакъ тѣмъ, что она встрепенется, ее покупаютъ.

Непремѣнное условіе, одинаково соблюдаемое вотяками и черемисами, заключается въ томъ, чтобы жертвенная скотина была непорочна, не испытала случки, не была поранена и не имѣла никакихъ физическихъ недостатковъ. Отъ этого требованія *нидѣ и ни въ какомъ случаѣ* отступленій не дѣлается. Согласно стародавнему обычаю, животное должно имѣть одноцвѣтную масть—рыжую, бѣлую, соловую, черную; пестрая даже для кереметя не годится. Недаромъ вотяки, избѣгающіе употреблять пѣгую лошадь *даже для ѣзды*, по этому поводу говорятъ: *тыдѣ—валватемаж вал*, т. е. „пѣгая (лошадь) только при безлошадьи—лошадь (когда нѣтъ никакой лошади)“.

Въ день жертвоприношенія, предъ самымъ закланіемъ, жертва окончательно пробуется относительно ея пригодности, съ помощью поливанія водой черезъ вѣникъ, приготовленный изъ вѣтвей растущихъ въ священной роцѣ деревьевъ. Для добрыхъ божествъ жертва пробуется чрезъ вѣникъ изъ вѣтвей листовныхъ породъ, для злыхъ божествъ—черезъ вѣтви хвойныхъ деревьевъ. У черемисъ только для скотины, приносимой въ жертву кереметю и Матери-землѣ, допустима проба чрезъ *слобья* вѣтви, а у вотяковъ проба для Иньмара и Кылдысина всегда

производится чрезъ *еловыя* вѣтви, для Квазя—чрезъ *березовыя*, а для злыхъ духовъ (*кутысь*)—чрезъ *сосновыя* вѣтви.

Птица подобной пробѣ не подвергается: ее только ставятъ ногами въ воду и вынувъ, ожидаютъ, встряхнется ли она; равнымъ образомъ достаточно, чтобы въ рѣдкихъ случаяхъ приносимая въ жертву рыба плеснула хвостомъ въ садкѣ (обыкновенно—въ буракѣ или ведрѣ), и ее уже считаютъ пригодной.

Самое закланіе въ древнѣйшее время совершалось (по разсказамъ жрецовъ) своеобразно: скотину оставляли въ стоячемъ положеніи, крѣпко держа за ноги, хвостъ и морду; оттого случалось, что сильный быкъ или жеребецъ, лишь только ему наносилась рана въ шею, вырывался и сгоряча убѣгалъ далеко. Теперь же закланіе совершается такимъ образомъ: мелкій скотъ прихватываютъ за ноги и валятъ на лѣвый бокъ; крупный скотъ связывается по ногамъ *лычной* веревкой, промежъ связанныхъ ногъ продѣвается жердь, и животное валятъ на землю. Операция повалки крупной жертвы производитъ непріятное впечатлѣніе; обыкновенно лошадь, свалившись, сначала тяжело вздохнетъ, потомъ начинаетъ страшно биться, и только жердь помогаетъ удержать ее въ нужномъ положеніи.

Закалаемое въ честь добрыхъ боговъ животное должно быть обращено головою къ югу, а въ честь злыхъ духовъ—къ сѣверу и въ честь покойниковъ—къ западу. При этомъ вотяки наблюдаютъ, чтобы закалаемая въ честь Кылдысина, Нюлэс-мурта и покойниковъ жертва лежала на подстилкѣ изъ хвойныхъ вѣтвей. На эту подстилку и стекаетъ кровь жертвы.

Спеціальныи рѣзакъ (у черемисъ *ѹчезѵ*, *ѹчзѵ*, *ѹдишѵ*, т. е. „рѣзущій“, у вотяковъ—*нарчѵсь* или *нарчакѵсь*, т. е. „раздѣлитель“ жертвы) вынимаетъ ножъ и дѣлаетъ глубокой проколъ, ранившій сонную артерію. Брызгнувшая кровь принимается въ небольшую чашку, при чемъ важно, чтобы струя сразу попала въ сосудъ. Чашка рѣдко наполняется, развѣ только при закланіи крупныхъ животныхъ. Затѣмъ подставляется корыто или большая чаша, въ которую и собираютъ кровь, сколько окажется возможнымъ, пока она бьетъ струей, но рѣдко болѣе того количества, которое вмѣстится въ обыкновенную суповую миску. Затѣмъ окончательно перерѣзается горло, и кровь стекаетъ свободно на землю. Никогда и нигдѣ черемисы и вотяки не доби-

ваются полного обезкровливанія, потому что мясо тогда утрачиваетъ вкусъ, по словамъ инородцевъ.

Какъ особенность черемисскаго закланія, отмѣчу, что въ моментъ привятія крови въ маленькую чашку подносится изъ липовой коры длинный поясъ (*жуштѣ*), которымъ повязывается потомъ священное дерево, и окропляется кровью. На одномъ концѣ такого лыка вдоль длинной черты поперечными вырѣзками отмѣчается число участниковъ даннаго жертвоприношенія, а на другомъ концѣ особыми условными знаками показано число и родъ приносимыхъ жертвъ. Между обѣими чашками съ кровью разница та, что изъ малой кровь употребляется исключительно въ честь боговъ, изъ большой же—для кушаній. Изъ первой отливаютъ въ огонь отъ одного до трехъ разъ, кропятъ священное дерево, даже поливаютъ его у корней; изъ второй чашки кровь подливается въ котель, гдѣ варится мясо, а остатки размѣшиваются съ ячменной крупой. Этою крупой начиняютъ очищенные кишки, прибавляютъ сала, и дѣлаютъ особый родъ колбасы, употребляемой молящимися за жертвеннымъ пиромъ.

Рѣзака, не отдѣляя напрочь головы животнаго, проворно приступаетъ къ свѣжеванію. Сначала онъ проводитъ ножомъ разрѣзъ отъ шеи, чрезъ грудь и животъ, до паховой области, затѣмъ снимаетъ на груди и животѣ шкуру, при чемъ ему усердно помогаютъ. Такихъ помощниковъ (у черемисъ *сѣмилъ јани*—„человѣкъ-сотрудникъ“, у вотяковъ *пэрѣсь*—„кухарь, кашеваръ“) всегда бываетъ болѣе, чѣмъ нужно.

Раздѣленіе туши начинается съ грудной области, съ верхней пары грудныхъ реберъ, или—съ мѣста соединенія ключицъ съ лопатками, при чемъ послѣднія тогда же отдѣляются отъ спины; при этомъ всячески остерегаются повредить позвоночнику (спинной хребетъ): расчлененіе производится крайне осторожно на мѣстѣ хрящевой спайки и связокъ. Разнятіе туши дѣлается всегда ножомъ, копецъ котораго не отточенъ; это дѣлается съ тѣмъ расчетомъ, чтобы не только скелетъ вообще, но ни одна кость, ни одинъ эпифизъ, ни одинъ отростокъ позвонка ни въ какомъ случаѣ не былъ поврежденъ.

Какъ только грудная область вскрыта, вынимаются еще трепещущее сердце съ его оболочками и легкія и помѣщаются въ

правый изъ двухъ котловъ, подвѣшенныхъ близъ священнаго дерева. Но предварительно жрецъ осторожнымъ разрѣзомъ вскрываетъ одинъ изъ желудочковъ сердца, разводитъ тупымъ концомъ ножа края разрѣза и смотритъ, есть ли въ желудочкѣ кровь и сохраняетъ ли она нѣкоторое, хотя слабое движеніе. Если да, то это—благопріятный знакъ, и жертва угодна богу. Что наблюдается въ легкихъ, я не могъ узнать, къ сожалѣнію. Затѣмъ вскрывается брюшная полость, откуда извлекаются печень, почки и селезенка, помѣщаемыя вмѣстѣ съ сердцемъ. Кишки съ почками и желудокъ вынимаются послѣдними; кишки очищаются отъ содержимаго, промываются въ ближайшей рѣчкѣ или ручьѣ и идутъ, какъ сказано выше, для приготовленія колбасъ, а желудокъ потомъ сжигается.

Гениталии тщательно вырѣзаются и бросаются, но тестикулы и вымя идутъ въ большой котелъ. Изъ пениса быка вынимаютъ стержень, а мускулистую его оболочку дубятъ и готовятъ нагайку (*шѹшплѣт*), съ помощью которой черемисы изгоняютъ шайтана на страстной недѣлѣ. Дальнѣйшее разнятіе туши совершается въ такомъ порядкѣ: кожа снимается до большой бабки на ногахъ и отъ головы до крупа, вмѣстѣ съ хвостомъ. У черемисъ сверхъ того отрѣзается по кусочку отъ губъ, отъ колѣнки, отъ языка, отъ уха, отъ пяти внутреннихъ органовъ (сердце, печень, легкія, селезенка и почки), и все это навизывается на особый прутикъ, втыкаемый потомъ на священномъ деревѣ за лычный поясъ, какъ доказательство, что жертва приносится цѣлкомъ, со всѣми органами. Позвоночникъ (vertebra) на всемъ его протяженіи, выше и ниже реберной области, раздѣляется поперекъ на пять или на шесть частей, безъ нарушенія цѣлости спинныхъ позвонковъ; затѣмъ конечности освобождаются изъ вертлюговъ и осторожно разнимаются въ колѣнныхъ суставахъ. Вслѣдствіе трудности отдѣлить ребра отъ позвонковыхъ отростковъ безъ порчи тѣхъ или другихъ, вотяки и черемисы употребляютъ при жертвоприношеніяхъ громадныя котлы, куда можно было бы складывать реберную часть позвоночника, раздѣляя ее на небольшія части по спинному хребту, а отнюдь не разсѣкая топоромъ у позвонковъ. Шкура во все время разнятія туши служитъ подстилкой, на которой совершается вся операція.

Закланіе и разнятіе жертвы на части всегда совершается на

землѣ, безъ подвѣшиванія туши, если дѣло происходитъ въ молитвенной рошѣ.

Для варки мяса у черемисъ постоянно, а у вотяковъ—при большихъ только моленіяхъ, раскладывается два костра въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ священнаго дерева. Надъ костромъ побольше вѣшается котелъ внушительныхъ размѣровъ, содержимое котораго уничтожается молящимися, а содержимое малаго котла употребляется для возношенія божеству. Отъ назначенной божеству доли вотяки и черемисы только отвѣдываютъ всего понемногу, а остатки потомъ выливаютъ въ огонь.

Принося жертву въ куалѣ, вотяки подвѣшиваютъ скотину за заднія ноги на перекладину только для того, чтобы удобнѣе было въ тѣсномъ пространствѣ, освѣщаемомъ одною дверью, да развѣ еще маленькимъ оконцемъ, прорѣзаннымъ недалеко отъ коробки съ воршудомъ (родовымъ идоломъ), разнимать тушу на части, не испортивъ скелета. Самое же закланіе жертвы вотякъ совершаетъ на земляномъ полу куалы, устланномъ хвойными вѣтками, и при томъ такъ, чтобы первая струя крови брызгнула на очагъ куалы; затѣмъ незначительная часть крови принимается въ чашку или корыто, а остальная свободно стекаетъ на землю.

Изъ вышеннеложеннаго порядка закланія жертвы и разнятія ея на части становится ясно, до какой степени вотяки и черемисы заботятся о томъ, чтобы скелетъ жертвы, имѣющей поступить въ распоряженіе божества, не пострадалъ. Хотя жертвенная скотина предстанетъ предъ богомъ въ безтѣлесномъ видѣ, на подобіе тѣни, но всякая порча скелета вызоветъ въ ней появленіе недостатка, вслѣдствіе котораго она непригодна будетъ для домашняго обихода бога; для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ нуждъ, богъ не замедлитъ потребовать новой жертвы.

Къ указаннымъ выше внутреннимъ органамъ присоединяется потомъ голова съ языкомъ, и все это варится въ маломъ котлѣ, отдѣльно отъ прочаго мяса; но употребленіе двухъ котловъ необходимо при принесеніи въ жертву мелкой жертвы (гуся, утки, тетерева, курицы, бѣлки или зайца). Сердце, какъ центръ жизненной дѣятельности и обиталище души, по повѣрьямъ инородцевъ, кладется въ честь бога въ огонь (въ цѣльномъ видѣ или разрѣзанное на части, что зависитъ отъ мѣстныхъ порядковъ); въ послѣднемъ случаѣ жрецы съ помощниками, послѣ освященія

яствъ, кладутъ въ огонь поочередно куски вареныхъ внутреннихъ органовъ и съѣдаютъ сами по кусочку. Кровь, какъ основа живого организма, также обильно льется въ огонь въ честь божества.

*Сырой крови никогда и нидѣ не пьютъ теперь* ни вотяки, ни черемисы на своихъ жертвоприношеніяхъ; но тѣ и другіе по преданію знаютъ, что у отдаленныхъ предковъ ихъ это было въ обычаѣ.

Вышеописанный способъ закланія повсемѣстно однообразенъ, сколько можно судить по литературнымъ даннымъ и моимъ многократнымъ наблюденіямъ въ различныхъ мѣстахъ.

Изъ всѣхъ приносимыхъ вотяками жертвъ только бѣлые лебеди въ честь *Шунды-мумы* и *Салтан-дуса* не закаляются, а лишь приподнимаются по направленію къ небу; какъ существа крылатая, они сами могутъ потомъ вознестись къ божеству.

На другой послѣ моленія день на шеи лебедей вотяки подвѣшиваютъ серебряныя монеты на шелковыхъ шнуркахъ и отвозятъ ихъ на тройкѣ съ бубенцами на ближайшую рѣку (Каму, Вятку, Волгу). Какъ закаляется прочая жертвенная птица, можно судить по описанію „послѣдней жертвы“.

Все, что остается у вотяковъ отъ жертвы несѣдобнаго, тѣмъ или инымъ способомъ уничтожается. Божествамъ хтоническаго (земнаго) характера (напримѣръ, Кылдысину, Нюлэс-мурту) обыкновенно зарываются въ землю кости, остатки мяса и крови, для чего устраивается особая яма; но если мѣсто уединенное (глухой оврагъ, какъ у большинства *лы-куля*’овъ, гдѣ витаютъ души умершихъ и ночные злобные духи), а жертва приносится божествамъ низшаго разряда, то можно бросить эти остатки и на поверхности земли. Остатки отъ принесенной въ бадзым-луд’ѣ жертвы добрымъ богамъ всего чаще сжигаются на большомъ кострѣ, именно: шкура, кости и кровь; содержимое кишекъ и негодные въ пищу обрѣзки мяса—на другомъ. Необходимо такъ поступать для того, чтобы хищные звѣри и птицы не разнесли остатковъ принесеннаго въ жертву животнаго, въ нѣкоторомъ родѣ составляющія собственность божества.

Въ способахъ уничтоженія остатковъ кровавой жертвы послѣ наполныхъ моленій (земледѣльческихъ праздниковъ) замѣчается значительное разнообразіе. У вятскихъ и казанскихъ вотяковъ

сожженіе костей вообще преобладаетъ, хотя, по словамъ *Перухина* („Эскизъ“ II, стр. 59), въ Глазовскомъ уѣздѣ послѣ *дзе і луд-дурэ* кости зарываются; равно и въ Елабужскомъ уѣздѣ, послѣ моленія *Му-кылчину* (см. *Потанинъ*, въ „Изв. казанск. общ. А., И. и Э.“, т. III, стр. 204). *Верещанинъ* сообщаетъ, что въ южныхъ частяхъ Сарапульскаго уѣзда послѣ весенняго моленія кости не сжигаются, а вѣшаются въ лукошкѣ на сучекъ ели въ глубинѣ лѣса („Вотяки Сарап. уѣзда“, стр. 98). У вотяковъ пермскихъ (въ Гондырской волости Оханскаго уѣзда), сколько я знаю, послѣ жертвоприношенія *Ву-мурту*, всѣ остатки сжигаются на кострѣ, а пепель бросается въ рѣчку, гдѣ обитаетъ божество. Только у проф. *Смирнова* встрѣчаемъ мы извѣстіе о томъ, что послѣ моленія *ѡрбѣр* (конецъ пашни, около 29 іюня) кости выбрасываются въ мелко-растущій лѣсокъ („Вотяки“, стр. 226); но это до такой степени противорѣчить общепринятымъ вотскимъ пріемамъ обращенія съ остатками жертвъ въ честь главныхъ добрыхъ боговъ, что, по нашему мнѣнію, прямо невѣроятно и требуетъ провѣрки.

Хотя нѣкоторые изъ злыхъ божествъ и получаютъ по временамъ крупныя жертвы (напр. *Чэр* во время эпизоотій и оспенной эпидеміи, *Кутысь* во время разстройства хозяйства, *Актѣшь* при общихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ цѣлое селеніе или племя), но уничтоженіе остатковъ отъ приносимыхъ имъ жертвъ обязательно: все бросается на мѣстѣ довольно небрежно, лишь бы было *на виду*; ради этого кожа, напр., натягивается даже иногда на колья.

С. К. Кузнецовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## Къ вопросу о „Золотой Бабѣ“.

Таинственная „Золотая Баба“, много разъ упоминаемая старыми иностранными путешественниками и русскими источниками, уже давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей исторіи и этнографіи сѣверо-восточной вѣтви угро-финнскаго племени. О ней существуетъ цѣлая литература. Въ настоящей статьѣ я однако не собираюсь разсматривать всю эту литературу. Не буду я также приводить всѣхъ свидѣтельствъ о Золотой Бабѣ. Статью свою я предназначаю для лицъ, знакомыхъ уже съ этимъ вопросомъ, такъ какъ для неспеціалиста предметъ ея врядъ-ли можетъ имѣть большой интересъ.

Разысканія новѣйшихъ путешественниковъ и этнографовъ показали, что Золотая Баба, или, по крайней мѣрѣ—копія съ нея, *и сейчасъ существуетъ* и хранится *идь-то* у инородцевъ сѣверо-западной Сибири, но гдѣ именно—неизвѣстно <sup>1)</sup>. Понятно, что пока этнографы не проникли въ ея таинственное убѣжище и не изучили ея культа на мѣстѣ, о Золотой Бабѣ нельзя сказать ничего окончательнаго. Возможны только болѣе или менѣе вѣроятныя и правдоподобныя предположенія, и съ этой точки зрѣнія я и прошу смотрѣть на предлагаемую статью.

Кромѣ собственно *Золотой* Бабы у западно-сибирскихъ инородцевъ была и *Серебряная*—копія съ Золотой. Эта Серебряная Баба охранялась менѣе Золотой, и финскому ученому *Карьялайнену* (Karjalainen) кажется, удалось приобрести ее и перевезти въ Гельсингфорсъ.

Г. *Носиловъ* узналъ нѣсколько подробностей о функціяхъ, которыя приписываются этой Серебряной Бабѣ, отъ вогула *Саввы* изъ селенія *Оронтур-пауль*: по словамъ Саввы, она „*помогаетъ*

<sup>1)</sup> Вѣроятное всего, въ Казымскихъ юртахъ.



сильно бабамъ; у насъ ребятъ мало“, говоритъ онъ: „вотъ и ходять къ ней мужики за ребятами и жертвуютъ. И промысламъ тоже помогаетъ: кто ей жертвуетъ, тотъ лучше всѣхъ промышляетъ..., каждую весну по 20, по 30 лосей убиваетъ...“<sup>1)</sup> Итакъ богиня, которую изображаетъ Серебряная Баба,—а слѣдовательно, и Золотая, копію съ которой она представляетъ—завѣдуетъ женскою плодovitостью и охотою. Повидимому, она завѣдуетъ также и судьбою людей, такъ какъ, по свидѣтельству путешественника XVI-го вѣка *Гваньини*, жрецы, во время жертвоприношеній Золотой Бабѣ, спрашивали ее о судьбахъ отдѣльныхъ людей<sup>2)</sup>.

На основаніи этихъ почти единственныхъ данныхъ о функціяхъ занимающей насъ богини, мы можемъ все-таки составить себѣ довольно цѣльное о ней представленіе: это—одна изъ широко-распространенныхъ у разныхъ народовъ типовъ богини покровительницы человѣческаго рода, завѣдующей его размноженіемъ и судьбою отдѣльныхъ людей и покровительствующей главнымъ занятіямъ того народа, который покланяется ей.

Такимъ образомъ, мы съ нѣкоторою степенью точности опредѣлили функціи той богини, которую изображаетъ Золотая Баба. Постараемся же теперь опредѣлить, кто эта богиня. Для этого намъ необходимо подыскать въ пантеонѣ сибирскихъ угровъ богиню съ только-что перечисленными функціями. Таковою является *Калтѣсь* или *Сянь-торумъ*, упоминаемая *Гондатти*. „Женѣ *Нуми-торума* (= верховный, небесный богъ, собственно, по принятому финскими учеными фонетическому написанію, *Numi-Tarém*) и мать всѣхъ его семи сыновей“, говоритъ онъ, „называется *Сянь-торумъ* или *Калтѣсь-торумъ*. Послѣ того какъ

<sup>1)</sup> *Носиловъ*, „У вогуловъ“. Изд. Суворина. Спб. 1904. Стр. 116.

<sup>2)</sup> *Guagnini*, „*Regum Polonicarum commentarii*“. II, 205. Тоже сообщаетъ англійскій путешественникъ того времени *Антовій Дженкинсонъ*. На его картѣ Россіи около изображенія З. Б. помѣчено: „*Id est aurea vetula, ab Obdoricis et Jougoricis religiose colitur. Idolum hoc sacerdos consultit, quid ipse faciendum, quove sit migrandum, ipsumque (dictu mirum) certa consulentibus dat responsa certique eventus consequuntur*“ [т.-е. Золотая Старуха пользуется поклоненіемъ у обдорцевъ и югры. Жрецъ спрашиваетъ этого идола о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать, или куда перекочевывать, и идолъ самъ (удивительное дѣло!) даетъ вопрошающимъ вѣрные отвѣты, и предсказанія точно сбываются]. Матеріалы по исторіи русской картографіи *Корда*. Вып. I, табл. 17.

она подарила своему мужу 6 сыновей, онъ сталъ замѣчать, что она начала вести жизнь нехорошую и близко сошлась съ однимъ изъ небесныхъ прислужниковъ; разсердившись на это, онъ бросилъ ее на землю, и она при паденіи родила *Мир-суснэ-хума* (= „миръ охраняющій мужъ“, фонет. *Mir-susne-xum*). Упала она вблизи *Калтысянскихъ юртъ*, гдѣ и поселилась, воспитывая своего сына, который затѣмъ перешелъ въ *Троицкія юрты*. Въ наказаніе за дурное поведеніе, Нуми запретилъ ей подниматься на небо и самъ рѣшилъ къ ней не ѣздить; но, помня ея прежнюю хорошую жизнь, онъ поручилъ ей *слѣдить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатымъ, кому—бѣднымъ; вообще, поручилъ ей слѣдить за будущностью каждаго человека отдѣльно*; вслѣдствіе этого ее очень почитаютъ и на поклоненіе къ ней пріѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ<sup>1)</sup>. Функции этой богини совершенно тѣже, что и у той богини, которую изображаетъ Золотая Баба, и поэтому, я думаю, не будетъ рискованно предположить, что обѣ эти богини одно и то же, т. е., другими словами, что *Золотая Баба есть идола богини Калтысь или Сянь-торумъ*. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Гондатти, *Калтысь* жила прежде со своимъ сыномъ, который родился при паденіи съ небесъ, а Золотая Баба, по свидѣтельству многихъ иностранныхъ путешественниковъ (напр. того же Гваньини), держитъ на рукахъ ребенка (по Герберштейну—даже двухъ), который считается ея сыномъ<sup>2)</sup>.

Я думаю, что не очень рискованно будетъ также предположить, что первоначальное ея имя было *Калтыс-сянь-торум* (придерживаясь написанія Гондатти), такъ что формы *Калтыс-торум* и *Сянь-торумъ* являются только сокращеніями этого длиннаго имени. Что же касается до этимологіи этого слова, то я считаю его чисто вогульскимъ и предлагаю этимологію *Күәлтись-сәнь-торумъ* (*Küältis-sän-tarém*) = „оживляющая (рождающая?) богиня-

<sup>1)</sup> *Гондатти*, „Слѣды языческихъ вѣрованій у маньчжовъ“ (И. О. Л. Е. XLVIII), стр. 59—60.

<sup>2)</sup> На древнихъ картахъ Россіи Золотая Баба также иногда изображается съ младенцами: такъ, напр., на картахъ *Вида* (Mat. по ист. русск. карт. Вып. I табл. VI) и *Герберштейна* (ibid., XIII) съ двумя дѣтьми, а на картахъ *Дженкинсона* (ibid., XVII) и *Меркатора* (ibid., XXIV)—съ однимъ.

„мать“, отъ глагола *küältat* = поднимать, помогать, оживлять, воскресать, увеличивать“, и слова *sän* = „мать“<sup>1)</sup>.

Теперь перехожу къ другому вопросу.

Новгородская лѣтопись и митрополитъ Симеонъ (въ своемъ посланіи къ пермякамъ) говорятъ, что и Пермь поклонялась Золотой БабѢ. Многіе (Карамзинъ, Михайловъ, Арсеньевъ, Поповъ) даже думали, что это была исключительно пермская богиня. Теперь это мнѣніе оставлено, но многіе ученые полагаютъ, что *Золотая Баба могла быть известна и въ Перми*. Таково, напр., мнѣніе проф. *Смирнова*<sup>2)</sup>. Однако, всѣ попытки отыскать воспоминанія о нашей богинѣ у современныхъ потомковъ древнихъ пермяковъ были до сихъ поръ совершенно безуспѣшны. Г. *Кондинскій* говоритъ<sup>3)</sup>, что зыряне не помнятъ *Золотой Бабы* и даже ея имени. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что Пермь знала ее и даже помнитъ, если не ее, то ту богиню, которую она представляла. Безуспѣшность же поисковъ этнографовъ, въ томъ числѣ и г. *Кондинскаго*, обуславливается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: во-первыхъ, эти поиски производились только среди *зырянъ*, между тѣмъ какъ они далеко не единственные остатки пермскаго племени; во-вторыхъ, вопросы задавались съ предвзятою цѣлью; такъ, напримѣръ, Золотая Баба называлась „*Юмалой*“,—мысль совершенно нелѣпая, высказанная впервые вологодскимъ мѣстнымъ „ученымъ“ *Михайловымъ*<sup>4)</sup> и основанная на совершенномъ невѣжествѣ въ области угро-финской этнографіи; въ-третьихъ, при распросахъ всего болѣе обращали вниманіе на „Золотую Бабу“ какъ на идола, а не какъ на *богиню*, изображаемую этимъ идоломъ.

1) См. *Ahlquist*, „Wogulisches Wörterverzeichniss.“ Helsingfors. 1891. Seite 17 u. 50.

2) *Смирновъ*, „Пермяки“. Казань. 1891 г. Стр. 263.

3) *Кондинскій*, „Изъ матеріаловъ по этнографіи сясьскихъ и вычегодскихъ зырянъ“ („Этн. Обзор“. III). Стр. 104.

4) *Михайловъ*, „Устьвымъ“ (Вологодск. Губ. Вѣд. 1850 г. № 2). Съ легкой руки его это предположеніе стало постоянно повторяться другими исследователями. Мы встречаемъ его въ известномъ трудѣ *Кл. Попова*, „Зыряне и зырянскій край“ (И. О. Д. Е. III, 2) стр. 18, и въ работѣ *Арсеньева*, „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“, стр. 12; отсюда оно проникло и въ популярныя книжки, напр., въ книжку *Крулова*, „Лѣсные люди“ и другія подобныя изданія.

Попробуемъ же, устранивъ эти недостатки, поискать у современныхъ остатковъ пермяковъ воспоминаній объ этой богинѣ.

Со временъ путешественника *Георги*, этнографы и путешественники постоянно упоминають о вотяцкой богинѣ *Кылдысинь-Муму*. Капитанъ *Рычковъ* говоритъ про нее, что она заводитъ родами <sup>1)</sup>, а *Георги*—что отъ нея вообще зависитъ плодородіе, какъ людей и животныхъ, такъ и земли <sup>2)</sup>. Это, слѣдовательно, такая же богиня плодородія, какъ и вогульская *Күялтыс-саян*. Вотъ въ ней-то, въ этой вотяцкой богинѣ, я и вижу воспоминанія о Золотой Бабѣ. Тождество функций, можетъ быть, и не очень убѣдительно, но мы имѣемъ кромѣ того еще поразительно сходство именъ, при чемъ тутъ уже ясно, что *вотяки* заимствовали отъ вогуловъ; какъ мы видѣли, *Күялтыс-саян* изъ вогульскаго языка объясняется, но изъ вотскаго его до сихъ поръ не удалось объяснить удовлетворительно. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ вотскія этимологіи слова *Кылдысин* отзываются искусственностью, а нѣкоторыхъ изслѣдователей онѣ даже доводили до совершеннаго абсурда. Такъ, *Верещагинъ* предлагаетъ этимологію: вотск. *кыл* = „слово“, *дыс* = одежда, *ин* = „богъ или небо“; *Кылдысин* = *Кыл-дыс-ин* = „воплощенное небо“ (sic!) <sup>3)</sup>. Если ужъ принять, что имя *Кылдысинъ* происходитъ отъ слиянія этихъ трехъ словъ, то оно во всякомъ случаѣ не значитъ „воплощенное небо“, а—„богъ словесной одежды“. Что такое эта „одежда слова“—совершенно непонятно. Такъ же удачны и другія вотскія этимологіи слова *Кылдысин* <sup>4)</sup>. Я не могу также считать его бурятскимъ, какъ это предлагаетъ г. *Потанинъ* <sup>5)</sup>. Между тѣмъ оно поражаетъ своимъ сходствомъ съ именемъ вогульской богини *Күялтыс-саян торум. М. Булз* производить имя *Кылдысин* отъ вотскаго глагола *кылдыны*—„творить, беременѣть“.

<sup>1)</sup> *Рычковъ*, „Дневныя записки“. Часть II (1770 годъ), стр. 157.

<sup>2)</sup> *Георги*, „Описаніе всѣхъ, въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ народовъ“. I, стр. 53.

<sup>3)</sup> *Верещагинъ*, „Вотяки Сарапульскаго уѣзда“ (Зап. И. Р. Г. О., XIV, вып. 3), стр. 86.

<sup>4)</sup> Самъ г. *Верещагинъ*, сознавая неудовлетворительность своей первой этимологіи, тутъ же предлагаетъ на выборъ вторую: отъ вотск. *кылдын* = „судьба“. Просимъ г. *Верещагина* объяснить, почему въ словѣ *Кылдысин* выпалъ звукъ *н*?

<sup>5)</sup> *Потанинъ*, „У вотяковъ Елабужскаго уѣзда“ (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн., III), стр. 215.

Слово это, по свидѣтельству С. К. Кузнецова, встрѣчается только у сѣверныхъ вотяковъ, въ Слободскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ Вятской губ., и указано въ словарѣ *Лыткина* (Зырянскій край и зырянскій языкъ. Спб. 1889. Стр. 134) со значеніемъ „творить, дѣлать беременнымъ“; происходящее отъ того же корня слово *кылдыс* значитъ „зародышъ“. Лингвистически, стало быть, тождество обѣихъ богинь несомнѣнно; но этого мало. Функція *Кылдысин-Муму* также представляютъ сильное сходство съ функціями *Калтыс-сянь-торум*, а свидѣтельства русскихъ источниковъ объ извѣстности Золотой Бабы у пермскихъ народовъ еще болѣе дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что *подъ видомъ богини Кылдысин-Муму у современныхъ вотяковъ сохранилось воспоминаніе о вогульской богинѣ Куйалтыс-сянь-торум*, идолу которой, *Золотой Бабѣ*, пермскіе народы никогда [поклонялись совместно съ народами угорскими.

Самый фактъ заимствованія богини пермскими народами у сѣверныхъ угровъ представляется мнѣ весьма возможнымъ. Вогулы и сейчасъ живутъ въ Пермской губ. по рѣкѣ Чердыни, а есть свидѣтельства, что прежде они жили гораздо далѣе на югъ и на востокъ. Препод. Трифонъ Вятскій засталъ вогуловъ и остяковъ по рѣкамъ Тулвѣ, Обвѣ и Сылвѣ <sup>1)</sup>. Въ указѣ царя Алексѣя Михайловича воеводѣ Семену Толстому они упоминаются, какъ живущіе въ Кунгурскомъ уѣздѣ <sup>2)</sup>. А если территорія сѣверныхъ угровъ дѣйствительно простиралась прежде южнѣе и восточнѣе, чѣмъ теперь, то они могли постоянно приходиться въ соприкосновеніе съ пермскими народами, особенно съ вотяками. Понятно, что послѣдніе быстро узнали отъ нихъ о чудодѣйственной силѣ идола вогульской богини и стали ѣздить къ нему на поклоненіе. Золотая Баба, можетъ быть, и находилась первоначально по сю сторону Урала; по крайней мѣрѣ, г. Носиловъ сообщаетъ слышанное имъ отъ одного вогула преданіе, что ее когда-то откуда-то перевозили на Обь, при чемъ и было отлито, въ видѣ копій, изображеніе Серебряной Бабы <sup>3)</sup>. Во всякомъ

<sup>1)</sup> Житіе препод. Трифона Вятскаго. Казань. 1868 (перепеч. изъ „Правосл. Собесѣдн.“), стр. 41.

<sup>2)</sup> Дополненія къ Акт. Историч., т. IX (изд. Археогр. Комиссіи), стр. 91 и 92. Ограничусь только этими свидѣтельствами, не приводя остальныхъ.

<sup>3)</sup> *Носиловъ*, I. с., стр. 112—113.

случаѣ, сношенія вотяковъ съ сѣв. уграми, вслѣдствіе историческихъ причинъ, должны были прекратиться. Прекратилось также и поклоненіе вотяковъ вогульской богинѣ; но память о ней все же осталась въ образѣ „*Кылдысин-Муму*“, которая скоро сдѣлалась національною вотской богиней.

Однако, эта богиня значительно уклонилась отъ своего вогульскаго оригинала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ *боини-покровительницы роженницъ и помощницы при родахъ* она обратилась въ покровительницу *женщинъ вообще*. Такова у вотяковъ Сосновскаго края богиня *Калдык-Мумы*, упоминаемая Верещагинымъ <sup>1)</sup>. Въ другихъ мѣстахъ она, перейдя отъ охотничьяго племени (вогуловъ) къ земледѣльческому (вотякамъ), перестала быть покровительницею охоты и стала помогать земледѣлію, смѣшавшись, можетъ быть, съ какой-нибудь мѣстною, чистовотской богиней земного плодородія, которая, безъ сомнѣнія, существовала у вотяковъ, какъ у всѣхъ земледѣльцевъ—угрофинновъ. Имени этой богини, однако, не сохранилось. Сообразно со всѣмъ этимъ измѣнились и мѣфы о Кылдысин-Муму. Если вогульская Кўялтысь-сѣнь была сброшена съ неба и живетъ на землѣ, то вотская Кылдысин-Муму тоже представляется живущей на землѣ. Вотяки нѣкоторыхъ мѣстностей приписываютъ ей прогулки по межамъ и встрѣчи съ людьми <sup>2)</sup>. Мотивъ этотъ, распространенный и у черемисъ,—у которыхъ эти прогулки приписываются богинѣ земли *Мланд-авъ* <sup>3)</sup>,—я склоненъ отнести къ вліянію славянской *Полудницы*. Хожденіе по полямъ *въ полдень*, встрѣчи съ запоздалыми работниками и разговоры съ ними—все это можно найти въ преданіяхъ лужичанъ, богемцевъ и чеховъ <sup>4)</sup>. Кромѣ того, въ частности у русскихъ, Полудница имѣетъ какос-то отношеніе къ *межамъ*: „Полудница во ржи, покажи *рубсжи*“, гласитъ поговорка, распространенная въ Архан-

<sup>1)</sup> *Верещагинъ*, „Вотяки Сосновскаго края“. (Зап. И. Р. Г. О. XIV, вып. 4) стр. 34.

<sup>2)</sup> См., напр., *Кузнецовъ*, „Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда“ („Этн. Об.“ XII), стр. 35.

<sup>3)</sup> *Потанинъ*, I. с., стр. 209.

<sup>4)</sup> *Аванасьева*, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. III, 76, 77, 138; *Grolmann*, „Sagenbuch aus Böhmen und Mähren“ (Прага. 1863), стр. 13, 14, 114.

гельской губ. <sup>1)</sup>). Если же мы вспомнимъ, какое вліаніе имѣла славянская Полудница на финскихъ боговъ вообще <sup>2)</sup>, то мы найдемъ возможнымъ отнести къ такому вліанію хожденіе по мошкамъ и встрѣчи съ людьми черемисской Мланд-авы и вотской Му-Кылдысины (другое имя Кылдысин-Муму; *му*—земля).

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, я позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на одной весьма интересной параллели къ нашей богинѣ изъ міра классическаго. Я разумею Артемиду. Вѣдь, и она, первоначально,—покровительница женскаго плодородія и охоты. Ей нечужды и отношенія къ судьбѣ людей, констатированныя у Золотой Бабы. По Страбону (XIII, 587), у нея есть оракулъ въ Адрастейѣ и въ Сарпедоніи (XIV, 676) <sup>3)</sup>. Далѣе, какъ Золотая Баба измѣнила свои функціи, сообразно съ бытомъ поклоняющихся ей народовъ, такъ и Артемида, съ измѣненіемъ быта грековъ, промѣниваетъ охоту на земледѣліе, а позднѣе и на торговлю. Такъ, напр., по *Павзанію* (I. 14, 5; II. 7, 6; II. 9, 6; II. 31, 1; III. 11, 9; VII. 20, 7; VII. 24, 1), ея изображенія постоянно ставились на рыночныхъ площадяхъ. Какъ вогульская богиня у вотяковъ, Артемида изъ покровительницы родовъ дѣлается покровительницей женщинъ—*δέστονα γυναικῶν* (Антологія Палат. VI, 269). Интересно, что аеинскія женщины клянутся Артемидой (*Собокль*, Электра, ст. 626, 1239; *Эврипидъ*, Медея, ст. 160). Это напоминаетъ восклицаніе „Э, Калдык-Мумы!“ вотскихъ женщинъ. Наконецъ, Артемида постоянно смѣшивается съ мѣстными греческими и малоазійскими богинями, какъ Куѣлтысь-сѣнь—съ предполагаемою пермскою богиней земледѣлія и славянскою Полудницей.

Но одно чрезвычайно интересное обстоятельство не имѣетъ себѣ параллели не только въ исторіи Артемиды, но, кажется, и вообще въ классической мифологіи. Это—существованіе у вотяковъ *бога Му-Кылдысина, Колдышина, Кылчина* или *Кол-*

<sup>1)</sup> Памятная книжка Архангельской губ. 1864, стр. 17.

<sup>2)</sup> Укажемъ, напр., слѣдующія еипскія божества, несомнѣнно испытавшія это вліаніе: эгрянская *пѣлѣдница* („Этн. Общ.“ III, 110), чермяцк. *гуп-морик* (*Смирновъ*, I. с., 267) мордовск. *Паксава* (*Смирновъ*, „Мордва“, 209, 210) вотск. *инъвожо* (*Верещагинъ*, I. с., 230).

<sup>3)</sup> *Верникке* (Artemis у Pauly-Wissowa, Seite 1353) думаетъ, что она имѣла отношеніе и къ Дельфійскому оракулу.

чина. Функціи его совершенно тождественны съ функціями нашей богини: онъ завѣдуетъ плодородіемъ земли и,—какъ видно изъ свадебной молитвы къ нему, записанной *Бухомъ* <sup>1)</sup>—плодовитостью женщинъ. Мнѣн о немъ тѣже, что и о *Кылдысин-Муму*: тѣже прогулки по межамъ, тѣже встрѣчи съ людьми. Наконецъ, имена совершенно тождественны. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что *богиня* Кылдысин менѣе извѣстна, чѣмъ ея „тѣзка“ *богъ*. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ знаютъ послѣдняго, Кылдысин-Муму уже забыта.

Сказать что-нибудь вѣрное и опредѣленное объ этомъ богѣ и объ его отношеніи къ нашей богинѣ—чрезвычайно трудно, по недостатку матеріала. Мнѣ думается, что богиня древнѣе бога. Онъ явился уже позднѣе, когда образъ вогульской богини, вслѣдствіе прекратившихся сношеній съ вогулами, сталъ блекнуть въ умахъ вотяковъ. Тогда стало возможнымъ сдѣлать изъ богини бога. Какими причинами обусловливалось это измѣненіе представленій—трудно сказать. Вопросъ этотъ разрѣшится лишь тогда, когда будетъ собранъ достаточный матеріалъ. Я ограничусь только посильнымъ освѣщеніемъ одной стороны представленій о Му-Кылдысинѣ, при чемъ и тутъ не могу претендовать на достовѣрность. Я хочу лишь дать объясненіе нѣкоторымъ мнѣямъ о Кылдысинѣ, которые, на мой взглядъ, очень интересны. Въ дѣломъ рядѣ преданій съ именемъ Кылдысина связаны мотивы, напоминающіе христіанскія и магометанскія апокрифическія легенды о Христѣ и Магометѣ. Я склоненъ объяснять это такимъ образомъ.

„Ко всѣмъ народамъ уже приходили съ неба разные боги: къ татарамъ—Магометъ, а къ русскимъ—Иисусъ Христосъ“;—такъ начинается одно вотское преданіе, записанное Первухинымъ <sup>2)</sup>. Таково было представленіе, которое вынесли вотяки отъ знакомства съ христіанствомъ и магометанствомъ. Возникалъ вопросъ: „Почему же къ намъ, вотякамъ, не приходило еще боговъ съ неба?“ И, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо было создать легенду о *богѣ, который ходилъ по землѣ, подобно Иисусу Христу и Магомету*. Въ умахъ вотяковъ сохра-

<sup>1)</sup> *Visch*, „Die Wotjaken, eine ethnologische Studie“. Штутгартъ, 1882), стр. 124.

<sup>2)</sup> *Первухинъ*. „Связи преданій и быта впродолженіи Глазовскаго уѣзда“ (Вятка. 1888—1889 гг.). IV, стр. 4—5.



нилось смутное воспоминаніе о какомъ-то божествѣ, сброшенномъ съ неба и ходившемъ по полямъ. Это была Кылдысин-Муму, образъ которой уже успѣлъ достаточно изгладиться въ воображеніи ея поклонниковъ. Это божество и послужило героемъ для новой легенды. Оно сдѣлалось, такъ сказать, противовѣсомъ христіанству и магометанству. „Чѣмъ татары и русскіе лучше насъ, вотяковъ?“ разсуждали вотяки: „Къ нимъ приходили ихъ боги, Иисусъ Христосъ и Магометъ?—Да вѣдь и къ намъ спустился богъ Кылдысинъ“. И такимъ образомъ возникло поэтическое преданіе о „вѣкѣ Кылдысина“<sup>1)</sup>,—золотомъ вѣкѣ, когда этотъ богъ жилъ среди людей, ходилъ по ихъ полямъ, подбиралъ упавшіе колосья и подавалъ изобиліе. Кылдысинъ—такой же богъ, живущій посреди людей, каковъ, по понятіямъ вотяковъ, у татаръ—Магометъ, а русскихъ—Христосъ. „Русскіе молятся же Христу“, говорили они Потанину: „вотъ и мы молимся Кылдысину“<sup>2)</sup>. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ о Кылдысинѣ поэтому отразились христіанскія и магометанскія легенды. Таковы, наприѣръ, преданія, записанныя Потанинымъ<sup>3)</sup>. Къ сожалѣнію, размѣръ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ остановиться на разборѣ этихъ преданій. Констатирую только фактъ, что преданій этихъ собрано очень мало. Вообще, матеріалъ о Кылдысинѣ очень сбивчивъ и чрезвычайно недостаточенъ, а потому говорить о немъ опредѣленно и дѣлать окончательные выводы пока—преждевременно.

Подведемъ теперь итогъ всему сказанному.

Вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1. *Золотая Баба изображала какую-то богиню плодородія, судьбы и богатства* (въ вогульскомъ смыслѣ этого слова—*удачнаго промысла*).

2. *Эта богиня—вогульская Күйлтэсь-сәнь-торум.*

3. *Она была известна и пермскимъ народамъ подъ именемъ Кылдысинъ, а воспоминанія о ней остались у современныхъ вотяковъ.*

1) *Гвид.*, стр. 4.

2) *Потанинъ*, I. с., стр., 214.

3) *Гвид.*, 213, 214.

4. На вотской почтѣ она слилась съ туземной богиней земного плодородія (?) и съ славянской Полудницей а сама обратилась въ боиню земли, *Му-Колчину* (или *Кальцину*).

5. Подъ вліяніемъ неспомнѣ еще выясненныхъ причинъ, можетъ быть—соприкосновенія съ христіанствомъ и магометанствомъ—она стала богомъ *Му-Кылдысиномъ*.

Я позволяю себѣ однако напомнить то, что сказалъ въ самомъ началѣ: пока не будетъ найдена сама Золотая Баба и ея культъ не будетъ изученъ на мѣстѣ, все это—только гипотезы.

Намъ остается только выразить надежду, что это скоро будетъ сдѣлано.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность уважаемому Стефану Кировичу Кузнецову, который много помогъ мнѣ при написаніи настоящей статьи, какъ книгами, такъ и цѣнными указаніями.

Ки. Н. С. Трубецкой.

---

## Нѣкоторыя замѣчанія о пережиткахъ первобытной культуры въ русскихъ народныхъ сказкахъ <sup>1)</sup>).

Сказка до сихъ поръ живетъ дѣятельною жизнью; она продолжаетъ рассказываться, отражая въ себѣ черты разной среды и разныхъ эпохъ; она припоровляется ко времени и лицамъ; порою, сохраняя старую тему, она является въ обновленной формѣ и служитъ выраженіемъ настроенія, воззрѣнія даннаго момента.

Черты различныхъ эпохъ, отразившись въ сказкѣ, сохраняются въ большинствѣ случаевъ довольно прочно и, если, благодаря многимъ пересказамъ, и утрачиваютъ рельефность и яркость, тѣмъ не менѣе иногда могутъ служить показателемъ тѣхъ путей, которые совершила сказка за время своего существованія, и тѣхъ воззрѣній, подъ которыми она сложилась.

Разсмотримъ нѣкоторыя, ставшія неотъемлемыми отъ сказки, черты, которыя, въ отличіе отъ бытовыхъ, могутъ быть названы ирраціональными, фантастическими, и попробуемъ, опредѣливъ ихъ происхожденіе, выяснитъ ихъ появленіе въ сказкѣ.

Основною чертою сказокъ является убѣжденіе въ необыкновенной близости, неразрывности человѣка съ природой. Неодушевленные предметы, звѣри, человѣкъ—это какъ-будто бы существа одного типа. Между ними возможны дружба, вражда, взаимныя услуги, бесѣды.

На отношеніяхъ человѣка къ животнымъ или неодушевленнымъ предметамъ построено множество сказокъ, при чемъ первенствующее мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ не принадлежитъ че-

---

<sup>1)</sup> См. „Этногр. Обзор.“, т. LXVII.

ловѣку: завязка, ходъ дѣйствія и развязка обусловлены присутствіемъ и дѣйствіемъ животныхъ. Примѣромъ можетъ служить сказка „Звѣриное молоко“<sup>1)</sup> съ ея многочисленными вариантами, пользующаяся широкою распространенностью и большою устойчивостью основной темы. Устойчивость и распространенность сказки главнымъ образомъ должны быть отнесены насчетъ обычной сказочной морали (невинно преслѣдуемый спасается, преслѣдователь гибнетъ), но интересъ для насъ въ этой сказкѣ лежитъ именно въ изображеніи отношеній животныхъ къ человѣку. Дѣйствію звѣрей отведено здѣсь главное мѣсто: они помогаютъ герою сказки противъ его противника (змѣя, дракона, чудо-Юды, разбойника, плута и т. д.) и способствуютъ гибели послѣдняго. Дѣйствуютъ они добровольно и сознательно, отличаясь даже болѣе тонкимъ чутьемъ и наблюдательностью, нежели человѣкъ.

Выведенные здѣсь дикіе звѣри—лисица, волкъ левъ. Изъ домашнихъ животныхъ сказка наиболѣе близкимъ къ человѣку ставитъ коня, которому приписываетъ сознательную заботливость о хозяинѣ, подчеркиваетъ глубокую внутреннюю связь между ними.—Сказки всѣхъ народовъ земного шара особымъ могуществомъ надѣлили змѣя, и это животное сдѣлалось необходимою принадлежностью сказокъ съ драматическою завязкою. Сказка въ своихъ долгихъ странствованіяхъ постоянно измѣняла змѣя, выводила его подъ разными именами и видами, но постоянно выставляла его сильнымъ, устрашающимъ животнымъ.—Такимъ образомъ дикія и домашнія животныя приближены сказкою къ человѣку настолько, что граница между ихъ жизнями стирается, они живутъ и дѣйствуютъ сообща, въ одномъ кругѣ явленій, они понимаютъ другъ друга, дружатъ и враждуютъ, иногда имѣютъ одни и тѣ же стремленія, одинаковыя печали и радости. Мало этого, люди и животныя могутъ вступать въ болѣе тѣсное общеніе: дѣвушка можетъ выходить замужъ за ворона, орла, змѣя, медвѣдя<sup>2)</sup>, человѣкъ можетъ имѣть матерью лошадь, корову<sup>3)</sup>, отцомъ—медвѣдя<sup>4)</sup>; жизнь животнаго и человѣка, наконецъ, сли-

<sup>1)</sup> Ае., т. II, 118—119 (и приведенныя параллели), Романовъ: Българск. сбор., вып. III, 1887, 1—9. Добровольскій: Смолен. этн. сб. 1891 г., стр. 495, № 16.

<sup>2)</sup> Ае., т. I, 81, 49, 67—69, 94

<sup>3)</sup> Ае., т. I, 76. Добров., № 6. Романовъ, в. III, № 17.

<sup>4)</sup> Ае., I, 81.

вается—является существо наполовину звѣрь, наполовину человекъ. И сказка, сливая существованія людей и животныхъ, уничтожая между ними границу, подчеркиваетъ ихъ однородность и оставляетъ зачастую превосходство на сторонѣ животнаго; за послѣднимъ—физическая сила, а иногда и сообразительность. Для сказки звѣрь—это личность, живущая однородною съ людьми жизнью.

Не только животныя, по сказкѣ, но и неодушевленные предметы имѣютъ свою жизнь, они проникнуты жизнью, и эта ихъ жизнь такъ близка опять-таки къ жизни людей, что они могутъ вмѣшиваться въ дѣйствія человекъ, нанося ему вредъ или служа ему на пользу: вѣникъ открываетъ медвѣдю мѣстопробываніе Ивана Царевича (Ае., 118), клубокъ указываетъ дорогу герою (Ае., 71 а, в, с), березка приходитъ на помощь дѣвушкамъ (Ае., 58). У неодушевленныхъ предметовъ есть сознание, они требуютъ отъ человекъ къ себѣ вниманія и добраго отношенія (Ае., 58).

Между предметами и человекомъ также существуетъ внутренняя сильная связь, и ихъ жизни могутъ слиться или одна смѣниться другою.—Въ общемъ жизненное начало, по сказкѣ, проникаетъ всю природу, оно—одно для всего существующаго въ природѣ. Оно въ деревѣ, оно же и въ сорванной вѣткѣ, въ конѣ и въ волосѣ его хвоста, въ рыбѣ и въ ея плавникѣ. Жизненное начало—душа—есть принадлежность малѣйшей части природы. Оно свободно можетъ перемѣщаться изъ одной части предмета въ другой предметъ, изъ цѣлаго организма переходить въ его отдѣленную часть. Отрубленный палецъ остается живымъ и продолжаетъ свое существованіе въ видѣ мальчика (Ае., 168). Въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла заключается такая полнота жизни, что черезъ нихъ жизненность передается мертвому. Убитая оживаетъ, когда въ нее вкладываютъ вырѣзанное сердце (Ае., 70). Вода настолько проникнута жизненностью, что сообщаетъ ее другимъ предметамъ своимъ лишь прикосновеніемъ (обрызгиваніе живою водою). Цѣлый организмъ и его части проникнуты общей жизнью, даже послѣ отдѣленія частей отъ цѣлаго онѣ хранятъ въ себѣ эту общую жизнь, связь съ цѣлымъ въ нихъ не уничтожается, вслѣдствіе чего вырѣзанные изъ спины ремни, отрѣзанные пальцы на рукахъ и ногахъ быстро прирастаютъ къ своимъ мѣстамъ (Ае., 81 а, 106), вынутые глаза, вставленные въ орбиты, опять

прекрасно видятъ (Ае., 70 и др. Папп, I, 28), отрубленные руки прирастаютъ (Ае., 158). Если связь цѣлаго съ частями уже уничтожилась, достаточно содѣйствія полного жизни предмета, и связь эта возобновляется—обливаютъ живой водой, прикладываютъ вѣтки извѣстнаго растенія.

Иногда жизненное начало такъ прочно держится въ живомъ существѣ, что даже послѣ его смерти задерживается въ его останкахъ и зарождаетъ новыя существа. Отъ пепла человѣческой головы рождается богатырь, изъ пепла змѣи—различныя насѣкомыя и т. д. (Ае., 52, 85, 159)—душа одного существа даетъ душу другому.

Связь живого организма съ его частями настолько прочна, что по отдѣленіи ихъ отъ цѣлаго, вѣ всего организма, онѣ, эти части, получаютъ способность вызывать къ себѣ свое цѣлое. Сказка заставляетъ коня явиться къ хозяину, когда этотъ закидываетъ волосъ изъ его хвоста или гривы (Ае., 165), то же случается и съ человѣкомъ (Папп, 63); пчела прилетаетъ туда, гдѣ жгутъ ея крыло (Папп 37).—Съ человѣкомъ связаны и предметы, ему принадлежащіе, они измѣняются въ своемъ внѣшнемъ видѣ въ то время, когда съ ихъ владѣльцемъ что-нибудь случается (кольцо, ножъ тускнѣютъ—ихъ владѣлецъ въ бѣдѣ); когда владѣлецъ умираетъ, лишаются жизненнаго начала и его вещи: герой умираетъ, рассказываетъ сказка, изъ оставленныхъ имъ вещей выходитъ кровь—это главное вмѣстилище жизни—и родные узнаютъ, что съ человѣкомъ несчастье.

Если жизненное начало совершенно покидаетъ существо или предметъ, то его омертвѣніе пріобрѣтаетъ способность передаваться другимъ живымъ существамъ. Мертвою рукою обводятъ человѣка, вкалываютъ въ него мертвый зубъ и человѣкъ умираетъ (Ае., 118); мертвою водою обрызнуть живое существо—оно лишается жизни.—Душа, покидая одно существо, можетъ вмѣститься въ другое. Это представленіе прекрасно изображено въ широкораспространенной сказкѣ объ убитой завистливыми сестрами дѣвушкѣ. Душа ея переходитъ въ тростинку, выросшую на ея могилкѣ, и говоритъ черезъ дудочку, которую сдѣлали изъ срѣзанной тросточки (см. Ае., 137 и ея параллели). Близость человѣка къ животному, способность души (жизненнаго начала) перемѣщаться изъ одного существа въ другое,

общность жизни всѣхъ существъ и предметовъ природы естественно ведутъ за собою возможность для нихъ смѣнять свою жизнь на другую и вмѣстѣ съ измѣненіемъ жизни принимать и другой внѣшній обликъ. Человѣкъ можетъ принять образъ звѣря и зажить его жизнью, звѣрь можетъ стать деревомъ, дѣвушка можетъ обратиться въ березу, спасающіеся отъ преслѣдованія—озеромъ и селеземъ, церковью и деревьями и т. д. (Ае., 140 и приложенныя параллели) <sup>1)</sup>. Эти превращенія могутъ быть вольныя, по желанію самого превращающагося, въ иныхъ случаяхъ эта смѣна состояній и образовъ зависитъ отъ чужой воли (царевна, лягушка, змѣя, юноша-змѣй, медвѣдь). Въ послѣднемъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ существомъ, обладающимъ могуществомъ, тайнымъ знаніемъ, способностью разнообразно воздѣйствовать на предметы и живыя существа. Сказка имѣетъ въ своемъ распоряженіи колдуновъ и колдуній—людей различнаго возраста и общественнаго положенія и сверхъестественныя существа (вѣдьма, баба-яга, мужикъ-лѣшій, мужичокъ съ кулачокъ и т. д.), которые и совершаютъ надъ людьми, животными и предметами разныя измѣненія или передаютъ другимъ умѣнье, способность являться въ иномъ видѣ. Колдуны и колдуньи сказокъ представляются или злобными, или доброжелательными, при чемъ первые злоупотребляютъ своею магическою силою и служатъ дурнымъ цѣлямъ. Помѣшать имъ, парализовать ихъ вредное дѣйствіе можетъ лишь могущество противоположное, иначе—сила доброжелательныхъ колдуновъ, которая дѣйствуетъ черезъ заговоръ: онъ произносится и разрушаетъ козни врага.—Дѣвушка злобой силой обращена въ веретено,—Иванъ-царевичъ ломаетъ веретено пополамъ, бросаетъ его части въ противоположныя стороны, говоря: „стань передо мною красна дѣвица,

<sup>1)</sup> Интереснымъ примѣромъ соединенія сказочныхъ чертъ можетъ служить египетская сказка о двухъ братьяхъ. Въ ней жизнь героя связана съ авацией: когда дерево срубятъ, умираетъ герой. Но жизненное начало не покидаетъ его 7 лѣтъ, послѣ чего онъ обращается въ быка; преслѣдователь его велитъ убить быка, изъ крови быка вырастаетъ пара деревьевъ, ихъ срубятъ и щепка отъ нихъ зарождаетъ человѣка. Такимъ образомъ, душа героя, пройдя рядъ предметовъ, снова возродилась въ человѣка. Въ этой сказкѣ смерть героя узнается братомъ по предмету, принадлежавшему умершему.

(Maspero: Lescontes de l'ancienne Egypte.)

а за мной бѣлая береза“ (Ае., II, 147, 150). Заговоръ дѣйствуетъ, и дѣвица остается въ своемъ настоящемъ видѣ.

Вѣра въ слово, въ его вліяніе на человѣка и даже на предметы ясно выражена въ сказкахъ, и ей, этой вѣрѣ, обязаны сказки многими темами.—Королева говоритъ, разсердившись: „чтобъ тебя... буйнымъ вихремъ подхватило, въ безвѣстныя страны занесло“... и тотчасъ же, къ ея печали и ужасу, вихрь уноситъ героя (Ае., II, 152). Неосторожное призываніе злого духа на человѣка открываетъ злему духу возможность овладѣть человѣкомъ (см. Ае., II, 126). Если слово, сказанное человѣкомъ, имѣетъ вліяніе на судьбу другого, то тѣмъ болѣе сильно и значительно слово колдуна или колдуньи. Въ сказкахъ постоянно приходится видѣть примѣры такой словесной мощи людей или существъ, обладающихъ сверхъестественными способностями. По слову своего мудраго отца, Василиса Премудрая обращается въ лягушку (Ае., II, 152), по слову колдуна или колдуньи, человѣкъ становится животнымъ или предметомъ. Словомъ заставляеть герой оборачиваться къ себѣ передомъ избушку, словомъ вызываетъ чудеснаго коня...

Пребываніе въ чужомъ образѣ, однако, бываетъ лишь временнымъ, при чемъ обращенные въ животныхъ люди имѣютъ возможность по временамъ сбрасывать съ себя этотъ навязанный имъ видъ: дѣвушки, юноши, обращенные въ лягушекъ, змѣй, птицъ, сбрасываютъ при купаньи, ночью, когда ихъ никто не видитъ, свои шкурки или перья, затѣмъ опять надѣваютъ ихъ. Вмѣшательство посторонняго въ дѣло колдуна, нарушеніе, вопреки его волѣ, заколдованнаго состоянія (сожженіе шкурки, перьевъ) влечетъ за собою исчезновеніе заколдованнаго человѣка, его поступленіе цѣликомъ во власть колдува. Последнее убѣжденіе создало очень распространенную, разнообразно развитую и прочно держащуюся до сихъ поръ сказочную тему (сказки о царевнѣ-лягушкѣ, Мелюзинѣ и т. д.). Остановимся пока на приведенныхъ сказочныхъ чертахъ и посмотримъ, не найдется ли имъ параллелей въ дѣйствительной жизни. Неуклонно проводимый сказкою взглядъ на животное, какъ на личность, обладающую жизнью, подобною человѣческой, на всякій предметъ, какъ на одушевленный своею собственною жизнью—взглядъ этотъ точкою своего отпавленія имѣетъ самый наивный и при-



митивный реализмъ, и, лишь ставъ на точку зрѣнія первобытнаго человѣка, можно усвоить себѣ этотъ взглядъ. Наблюденія надъ туземными племенами Сѣв. Америки, Африки и острововъ Великаго океана вскрываютъ цѣлое мировоззрѣнiе <sup>1)</sup>, черты котораго аналогичны съ разобранными сказочными. Мировоззрѣнiе этихъ племенъ, ведущихъ первобытный образъ жизни, чисто анимистическое, они одухотворяютъ весь видимый мiръ до его мельчайшихъ частей. Благодаря этому одухотворенiю для современнаго индiйца Сѣв. Америки, проводящаго все время за охотой на животныхъ и наблюдающаго за ихъ жизнью, возможно видѣть въ нихъ, по многимъ ихъ качествамъ, существо себѣ подобное, правда, съ иными нравами и языкомъ, но нерѣдко отдѣленное отъ человѣка. Индiецъ находитъ естественнымъ связывать свое существованiе съ какимъ-нибудь изъ животныхъ, называть себя его именемъ, вести отъ него свою родословную, роль животнаго можетъ взять на себя и дерево и камень <sup>2)</sup>. Это вѣрованiе въ родство человѣка съ другими существами и предметами природы, извѣстное подъ именемъ тотемизма, относится къ раннѣйшимъ періодамъ человѣческаго существованiя, характеризуетъ собою мировоззрѣнiе первобытныхъ людей; оно же, это мировоззрѣнiе наблюдается во всей своей полнотѣ у индiйскихъ племенъ Сѣв. Америки. Разбирая сказки, можно было замѣтить отраженiя тотемистической тенденции, безъ развитiя подробностей какъ отраженiе уже значительно потускнѣвшее.

Допуская происхожденiе человѣка отъ животнаго или предмета, первобытное мировоззрѣнiе безъ затрудненiя допускаетъ и переходъ человѣческихъ душъ въ тѣло животныхъ и неодушевленные предметы; поэтому дикари не убиваютъ часто различныхъ животныхъ или птицъ, считая ихъ по нѣкоторымъ примѣтамъ мѣстопребыванiемъ душъ родственниковъ. Тэйлоръ приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ различныхъ изслѣдователей жизни первобытныхъ племенъ о почтительномъ отношенiи дикарей къ нѣкоторымъ звѣрямъ и предметамъ <sup>3)</sup>. Анимистическое мировоззрѣнiе не допускаетъ и полнаго разрыва души съ тѣломъ

<sup>1)</sup> Ахелись, Соврем. народовѣд. 1900 г. стр. 263 и далѣе.

<sup>2)</sup> Тэйлоръ 3, стр. 280, т. II.

<sup>3)</sup> Тэйлоръ 2, т. I, 79.

послѣ смерти; оно или предполагаетъ ея пребываніе при мертвомъ или перемѣщаетъ ее въ другое существо, которое вслѣдствіе этого и оберегается, какъ это показали вышеприведенные примѣры. Такое пребываніе души при мертвомъ тѣлѣ предполагаетъ и сказка, когда она изображаетъ мертвую парвену, оживающую черезъ нѣсколько лѣтъ, тотчасъ по удаленіи изъ ея одежды смертоноснаго цвѣтка, изъ косы таковыхъ же шпильки, волоска. Въ пеплѣ человѣческой головы, говоритъ сказка, еще держится душа, которая и переходитъ въ родившагося богатыря. Изъ могилы убитой дѣвушки душа проникла на нѣкоторое время въ тростинку, потомъ вернулась въ убитую.

Интересно, что первобытные племена считаютъ связь души и тѣла настолько тѣсной, что, если обезобразить мертвое тѣло, обезобразится и его душа; поэтому они оберегаютъ трупъ или намѣренно уродуютъ убитаго врага <sup>1)</sup>. Въ этомъ убѣжденіи можно, пожалуй, искать основаніе одной изъ традиціонныхъ сказочныхъ подробностей: завистники, убивающіе героя, рубятъ на мелкія части его тѣло; а доброжелатели и спасители, прежде чѣмъ сбрызнуть живой водой, обливаютъ его мертвой, чтобы вернуть изрубленному тѣлу видъ цѣлаго трупа, потомъ уже оживляютъ.

Вѣруя въ подвижность души, первобытный человѣкъ былъ убѣжденъ въ ея способности по своей волѣ принимать на себя видъ какого-нибудь звѣря. Обратничество было предметомъ глубокой вѣры и холоднаго ужаса во многіе періоды человѣческой жизни. Если происхожденіе этой идеи еще недостаточно выяснено, то во всякомъ случаѣ доказано ея повсемѣстное распространеніе въ связи съ идеею сверхъестественнаго могущества извѣстнаго лица (колдуна, вѣдьмы). Обратень—это результатъ болѣзненнаго воображенія, соединившагося съ вѣрованіемъ въ подвижность души. Туземецъ Индіи вѣритъ въ превращеніе своего соплеменника въ тигра и рассказываетъ объ убитыхъ обратнемъ. Абиссинецъ племени Буда обладаетъ способностью обращаться въ гіену, его соплеменники это видятъ среди дня при яркомъ солнечномъ свѣтѣ <sup>2)</sup>. Колдуны существуютъ въ каждомъ племени, они и врачуютъ и насылаютъ болѣзни, ихъ приемы страшны и

<sup>1)</sup> Тэйл., 2, т. II, 30.

<sup>2)</sup> Тэйлоръ, 2, т. I, 275.

непонятны другимъ, они имѣютъ власть надъ душами, они могутъ изъ человѣка сдѣлать оборотня или въ другомъ существѣ распознать человѣка <sup>1)</sup>. Колдунъ пускаютъ въ ходъ заклинанія, цѣль которыхъ измѣнить состояніе человѣка. Заклинаніямъ первобытный человѣкъ глубоко вѣритъ, онъ употребляетъ ихъ самъ <sup>2)</sup>, какъ предохранительное средство, или проситъ колдуна произнести ихъ для него. Колдунъ долженъ умѣть показывать свою чудотворную силу <sup>3)</sup>. Колдовство и оборотничество, признаваемые первобытными племенами, возбуждаютъ всегда страхъ, который и поддерживаетъ вѣру въ нихъ. — Страхомъ же объясняется и то уваженіе, которымъ пользуются змѣи у примитивныхъ народовъ; въ нихъ первобытный человѣкъ видитъ или существо, стоящее значительно выше его, или душу умершаго родственника, принявшую новый образъ <sup>4)</sup>. Для нѣкоторыхъ племенъ индійцевъ С.-Америки змѣя служитъ родоначальникомъ; съ такъ называемыми домашними змѣями связывается судьба хозяевъ дома. Въ сказкахъ на долю змѣи достался лишь страхъ, но не уваженіе.

Отмѣченныя нами воззрѣнія первобытныхъ племенъ, доступныхъ современному наблюденію, могутъ быть поставлены въ аналогію съ тѣми нѣкоторыми чертами сказокъ, которыя мы видѣли, какъ наиболее рельефныя. Эти черты мы можемъ назвать первобытными и опредѣлить ихъ появленіе въ сказкѣ пребы зніемъ послѣдней въ раннѣйшемъ періодѣ человѣческаго существованія. Весьма вѣроятно, что сказка первобытнаго періода была отголоскомъ дѣйствительности, подобно современному разсказу индійца Сѣв. Америки о птицахъ, какъ о своихъ родственникахъ, принявшихъ по смерти новый видъ, или о медвѣдицѣ, похожей на прабабушку (Тэйл., II, 807). Разобранныя сказочныя черты представляютъ въ сказкахъ главную основу, этими чертами, такъ-сказать, строится сказка, т.-е. располагается и направляется ея ходъ; бытовыя и моральныя темы непремѣнно пользуются традиціонными сказочными чертами. Прочность первобытныхъ

<sup>1)</sup> Мензисъ, Истор. религій, 1897, ст. 56.

<sup>2)</sup> „Исчезни черныиъ человѣкъ, встанъ бѣлый человѣкъ“ заклинаніе австрійца надъ мертвымъ, для того, чтобы онъ воскресъ бѣлокожимъ (Тэйл. 79 т. II).

<sup>3)</sup> Ахелисъ, 284.

<sup>4)</sup> Ахелисъ, 270. Тэйлоръ, 284 и дал.

чертъ въ сказкѣ, которыхъ въ общей сложности немного (одушевленіе всей природы, совмѣстная дѣятельность существъ и предметовъ природы, оборотничество, люди съ сверхъестественнымъ могуществомъ и сверхъестественныя существа, дѣйствіе слова), можетъ быть объясняема тѣмъ, что анимистическія воззрѣнія, коренясь въ самой природѣ чловѣка, медленно смѣняются иными воззрѣніями, при чемъ прежде, нежели наступитъ полная ихъ смѣна, долгое время идетъ совмѣщеніе различныхъ воззрѣній.

Среда, гдѣ главнымъ образомъ пребываютъ сказки, близка къ природѣ, поэтому не совсѣмъ свободна отъ анимистическихъ воззрѣній, правда, смягченныхъ иными воззрѣніями, но еще дѣлающихъ возможнымъ довѣрчивое пользованіе остатками примитивныхъ воззрѣній и убѣжденій.

Подробное изученіе традиціонныхъ сказочныхъ чертъ параллельно съ воззрѣніями первобытныхъ племенъ можетъ повести къ твердо обоснованнымъ заключеніямъ о первоначальномъ періодѣ образованія сказокъ, о которомъ въ настоящее время приходится говорить съ большою осторожностью.

Е. Е.

1906, 14 мая.

---

## Народныя вѣрованія въ церковной живописи.

Какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ воспоминаній пережитаго, такъ и цѣлый народъ всегда носитъ на себѣ печать прошедшихъ эпохъ. Когда въ жизни народа начинаются новыя теченія, старое не проходитъ безслѣдно: оно пропитывается, просачиваетъ собою новые элементы. Старое и новое, переплетаясь между собою, образуютъ какъ бы одинъ своеобразный узоръ, отмѣченный чертами національнаго характера. Таково свойство человѣческой природы; таковъ общій законъ развитія человѣческихъ обществъ.

Христіанство принесено на Русь не въ первобытной своей чистотѣ,—его сопровождало множество разнаго рода апокрифическихъ сказаній греческаго и болгарскаго происхожденія, множество разнаго рода сомнительнаго свойства святынь... Первые греческіе проповѣдники христіанства явились предъ русскимъ народомъ съ картиной „Страшнаго суда“, поражающей насъ до настоящаго времени богатствомъ народной фантазіи,—подробностями, на которыя въ догматической христіанской литературѣ нѣтъ и намека <sup>1)</sup>...

---

<sup>1)</sup> Въ позднѣйшее время палестинскіе и афонскіе старцы несли съ собою въ даръ благочестивымъ русскимъ людямъ и кресты съ частицами „млека пресвятыя Богородицы“, и щепки отъ гроба Господня, и тѣмъ египетскую, заключенную въ пузырьки и чудотворные образа пресвятыя Богородицы Неопалимыя жуппы, писанныя, будто бы, на томъ самомъ камнѣ, „идѣ же видѣ Моисей пророкъ купину, огнемъ горящу и негоряему“, и крылья архангела Гавріила и т. д... Наши путешественники на христіанскій востокъ видѣли тамъ такія необыкновенныя вещи, какъ „пупъ земли“,—щель у главы Адамовой, гдѣ „кровь Господня укунула на главу Адамову“, адову щель, изъ которой было слышно, „какъ грѣшныя души въ аду мучатся и взываютъ“...

Долю своего міровоззрѣнія вложилъ въ христіанство и русскій народъ.—До-христіанскую Русь питаль одинъ религіозный источникъ: язычество. Съ принятіемъ христіанства на Руси появился новый, болѣе чистый, болѣе обильный. Но съ появленіемъ новаго источника не изсякъ и старый: язычество и христіанство соединились въ одномъ руслѣ русской самобытности <sup>1)</sup>...

Матеріаломъ для иконописанія должны были служить священныя и церковныя книги, а также „добрые образцы“, т.-е. произведенія лучшихъ старинныхъ иконописныхъ мастеровъ. Руководствами для иконописцевъ были „подлинники“, содержавшіе въ себѣ краткія описанія иконописныхъ сюжетовъ. Однако, съ одной стороны, данныя, содержавшіяся въ „подлинникахъ“, были слишкомъ общи и неопредѣленны; съ другой стороны—слишкомъ было сильно вліяніе русской національной жизни. Поэтому русская иконопись богата русскими національными особенностями.

Н. С. Лѣсковъ, въ одномъ изъ своихъ очерковъ, сравнивая различныя изображенія Господа, говоритъ о типическомъ русскомъ изображеніи:

— Взглядъ прямъ и простъ; темя возвышенное, что, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія; въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Просто,—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно; мужиковать Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаешь поклоненіе,

<sup>1)</sup> Въ 1540 г. въ Псковѣ случилось любопытное происшествіе.— „Къ Успеневу дню старцы, переходцы съ иной земли, привезли образъ св. Николая и св. Пятницы на рѣвн въ храмахъ“, т.-е. въ кіотахъ. Псковичи равнше такихъ иконъ не видали. „Владыка Макарій самъ молебень соборно пѣлъ, честь имъ воздавалъ“ и велѣлъ псковичамъ „вымѣнять“ ихъ у старцевъ... Однако, „многіе невѣжественные люди постановили это за болванное поклоненіе,—была въ людяхъ молва большая и смятеніе; простые люди начали священникамъ говорить, а священники пошли къ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора, что въ людяхъ большое смятеніе; старцевъ схватили, а иконы послали къ архіепископу въ Великій Новгородъ“... Этотъ фактъ крайне характеренъ: достаточно было появиться рѣзнымъ изображеніямъ, чтобы произвестъ большую „молву“ и „смятеніе“ въ народъ,—чтобы заставить его вспомнить „болванное поклоненіе“. Такъ былъ чутокъ русскій народъ ко всему, что могло напомнить бы то ни было образомъ напомнить ему прежній его культъ. Такъ еще живы были традиціи язычества!

и какъ кому угодно, а по-моему нашъ протодушный мастеръ лучше всѣхъ понялъ, Кого ему надо было написать... Гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходить; а къ намъ зашелъ Онъ въ рабьемъ зракѣ и такъ и ходить, не имѣя, гдѣ главы преклонить отъ Петербурга до Камчатки <sup>1)</sup>.

Если даже при изображеніи лика Господня русскіе иконописцы не могли слѣпо слѣдовать греческимъ иконнымъ образцамъ, то еще болѣе ими вложено чисто-національныхъ особенностей въ другія иконы. Лики святыхъ не только русскихъ по происхожденію, но и ивородцевъ,—съ чертами славянской расы: открытое лицо, большіе глаза, крупный къ концу носъ, русая, окладистая или обострившаяся клиномъ борода. Иконные виды—виды русскихъ мѣстностей, русскихъ монастырей, городовъ: зданія—русской архитектуры; одежды—русскія... Здѣсь же мы встрѣчаемъ изображенія событій бытового, а также историческаго характера, напримѣръ, убіеніе царевича Димитрія, эпизоды изъ борьбы съ татарами и т. д.

При неустойчивости иконописныхъ источниковъ и при доступности иконописи разнаго рода вліяніямъ, естественно, въ ней могли имѣть мѣсто и разнаго рода народныя вѣрованія. И дѣйствительно, сѣдая старина миенческой эпохи живетъ не только въ народной словесности,—въ быдинахъ, духовныхъ стихахъ, легендахъ: остатки ея, подъ христіанскою внѣшностью, укрылись въ церковной живописи,—пріютились въ христіанскихъ храмахъ, „на божничкахъ“ христіанскихъ жилищъ...

Славянинъ-язычникъ въ божествѣ и окружающей природѣ видѣлъ подобныя себѣ существа. Слѣды такихъ вѣрованій мы находимъ и въ русской иконописи <sup>2)</sup>.—На иконахъ „Сотвореніе міра“ слова „почи Господь отъ дѣлъ своихъ“ иногда изображаются согласно буквальнаго ихъ смысла: Господь представляется почивающимъ на постели и подушкахъ. На иконѣ Рождества Христова безболѣзненное рожденіе Богочеловѣка изображается совершившимся при участіи апокриической бабки Соломин. На нѣкоторыхъ

<sup>1)</sup> См. очеркъ Лъскова: „Русскіе боговосцы“.

<sup>2)</sup> Богатый матеріалъ для изученія представляютъ „Переводы съ древнихъ иконъ“ различныхъ собраній, изданные М. И. и В. И. Успенскими въ 1898 и 1899 гг., а также „Памятники русской старины Владимирской губерніи“ изданные въ 1882 г. И. Голышевымъ.

иконахъ солнце и луна рисуются человѣкообразными существами, созерцающими съ небесной высоты открывающуюся предъ ними жизнь земли. На иконахъ „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ мы видимъ устремленной къ своему Создателю, въ сознательномъ восторженномъ благоговѣніи, всю природу—одушевленную и неодушевленную,—и свѣтила небесныя, и животныхъ, а также свѣтъ, свѣтъ и воду, духъ бурень, градъ, огонь, горы, холмы, бездну <sup>1)</sup>...

Нѣкоторыя иконныя изображенія животныхъ связаны съ сказаніями, по характеру своему близко напоминающими произведенія животнаго эпоса. На иконахъ „Рождества Христова“ обыкновенно рисуются лошадь и волъ при ясляхъ.—Народъ говоритъ, что Богоматерь положила Христа въ ясли и прикрыла сѣномъ, чтобы схоронить его отъ убійць, посланныхъ Иродомъ. Стоявшій у яслей волъ, какъ бы понявъ важность момента, пересталъ ѣсть; но лошадь ѣла и непрерывно открывала убѣжище Божественнаго Младенца. Поэтому, заключаетъ легенда, Богъ проклялъ лошадь и сказалъ ей: „ты будешь всегда ѣсть и никогда не будешь насыщаться“... А вола Богъ благословилъ и сказалъ: „твое мясо люди будутъ употреблять себѣ въ пищу“...

Еще ярче слѣды животнаго эпоса выступаютъ въ иконныхъ изображеніяхъ преподобнаго Герасима, которому, по словамъ Пролога, была дана сила „дивными звѣрми обладати“.—Между прочимъ преподобному прислуживалъ дикій левъ. Въ числѣ другихъ обязанностей левъ долженъ былъ пасти его „водоносиваго осла“. Однажды, рассказываетъ въ Прологѣ, левъ, пася осла, крѣпко заснулъ подъ солнцемъ, „на муравѣ“; въ это время проходили купцы-сарацны, поймали осла, привязали его къ верблюдамъ и ушли. Проснувшись, левъ „начать къ вечеру тужити, ицай осла“. Надпись на иконѣ говоритъ: „левъ, погубивъ осла, пришедь смиренъ, вритъ долу“. Далѣе въ Прологѣ говорится: „и поносивъ ста-

<sup>1)</sup> Икона „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ представляетъ олицетвореніе 168 пс. Давида. Въ Толмудѣ слова этого псалма объясняются въ буквальномъ смыслѣ, именно: „Когда Давидъ утомлялся отъ пѣнія псалмовъ, то горы, деревья, птицы и всѣ части творенія, одушевленнаго и неодушевленнаго, замѣняли его и облегчали въ прославленіи Бога“. То же повторяется въ Коранѣ. Здѣсь Богъ говоритъ: Мы сказали: о горы и птицы! чередуйтесь съ нимъ. (Давидомъ) въ пѣсняхъ“...—Ровинскій, „Русск. нар. картины“, т. IV, стр 655.



рець лъву, осуди его воду носити на потребу. Левъ же съ терпѣніемъ запрещеніе пріимъ, и абіе два водоноса, овогда на хребтѣ, овогда ногѣма влачаше“... Черезъ нѣкоторое время купцы, похитившіе осла, возвращались мимо обители св. Герасима. Увидалъ ихъ левъ, случайно отправившійся тогда за водой,—и видѣвъ позна осла съ велблуды идуща, напрасно устремился и рыкну, яко ужаснутися купцемъ, и бѣжати. И за уздѣ похватѣ осла съ велблуды, привязани другъ по другѣ, приведе къ старцу къ келіи и бпашею толкѣй во врата. И отверзъ старецъ и видѣ бывшее, тихо осклѣбился и рече ко ученику: всуе левъ нами поношаемъ бѣше. Да отпушенъ будетъ отъ работы, и да идетъ къ первому праву. Тогда главу преклонъ левъ, и наклонився старцу, отъиде въ гору, и приходя единою въ недѣли и поклоняся старцу Герасиму“. Послѣ смерти преподобнаго левъ пришелъ въ обитель, но, „не обрѣте того, начать рюти и тужити. Да яко увѣда отъ монаха кончину старчу, великимъ плачемъ и частымъ въздыханіемъ о кончинѣ старче рыдаше, и гроба его наченъ искати... Да яко ко гробу приведенъ бывъ, идѣже честное тѣло старчо лежаше, обнюхавъ окрестъ, и абіе рыкнувъ велми, и верхъ гроба падъ издше“... На надписи иконы мы читаемъ: „пріиде левъ къ Изосиму, не виде преподобнаго Герасима и возрыда. Преподобный Изосимъ показа гробъ преподобнаго Герасима, левъ падъ на гробъ, возрыда и ўмре“.

На иконѣ <sup>1)</sup> левъ изображенъ вполне человѣкоподобнымъ: онъ рисуется даже безъ хвоста; ходитъ на заднихъ лапахъ; передними, какъ бы руками, водить за поводъ осла, жестикулируетъ ими, бесѣдуя съ людьми; спитъ на спинѣ, протянувъ заднія ноги, а переднія приложивъ къ груди...

Среди народовъ востока и запада издавна было вѣрованіе въ существованіе людей-чудовищъ, несомнѣнно возникшее на почвѣ животнаго эпоса <sup>2)</sup>. Подобныя вѣрованія существовали и на

<sup>1)</sup> См. „Древнія иконы изъ собранія А. М. Постникова“. Спб. 1899 года, рис. LXV.

<sup>2)</sup> Геродотъ писалъ о народѣ Неврахъ, будто бы однажды въ годъ превращающихся въ волковъ. Одинъ изъ средневѣковыхъ ученыхъ, Раймундъ Лулій, заявлялъ: „Вѣдай, иже людіе разные образы плоти имѣютъ: есть земля, гдѣже людіе рождаются съ песьею головою; есть, гдѣ уши людямъ висятъ на плечахъ; есть, гдѣ рождаются люди о единой ногѣ великой и тою закрываются отъ солнца,

Руси. Русскій народъ полчища Гога и Магога представляетъ съ песьими головами. Въ лицевыхъ апокалипсисахъ мы видимъ ихъ пожирающими святыхъ людей предъ наступленіемъ страшнаго суда. На картинахъ „страшнаго суда“ между разными народами, собранными предъ Небеснымъ Судіею, изображаются „Измаильтине—песьи головы“.

Съ песьей головой нерѣдко изображается одинъ изъ святыхъ, а именно святой мученикъ Христофоръ <sup>1)</sup>.—Въ строгоновскомъ подлинникѣ читаемъ: „глава у него песья, въ бронѣ; въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ“. Въ прологѣ говорится: „и о семъ прекрасномъ мученицѣ глаголится нѣкое чудно и преславно, яко песью главу имѣяше, отъ страны челоувѣкоядецъ; а съ чего сіе взято и кто изъ достовѣрныхъ источниковъ сіе писалъ, о томъ не сказываетъ, а сіе мнится несправедливо. А въ Минеяхъ-четыихъ о томъ, якобы главу песью имѣлъ, не писано“...

Славянинъ-язычникъ вѣрилъ въ существованіе свѣтлыхъ и темныхъ божествъ, находившихся между собою въ постоянной борьбѣ.—Свѣтлыя языческія божества смѣнялись христіанскими святыми; представители темныхъ божествъ отчасти сохранились до настоящаго времени... Не мало интереснаго содержатъ въ себѣ иконы святыхъ, чтимыхъ, какъ избавителей отъ разнаго рода темныхъ, враждебныхъ челоувѣку силъ. Таковы, напри- мѣръ, иконы небесныхъ цѣлителей отъ лихорадокъ, а также святыхъ защитниковъ отъ мора, отъ дикихъ звѣрей, отъ дурного замысла злого челоувѣка.

Еще въ Греціи существовало повѣрье о злой женщинѣ „Гилло“ или „Гилу“ <sup>2)</sup>, являющейся прототипомъ нашихъ сестеръ-

---

а бѣгаютъ вельми скоро безъ труда; есть еще и такой родъ челоувѣческой, иже главъ не имѣютъ, но очи, уста и прочія чувства въ грудяхъ носятъ“.—„Сборн. автроп. и этногр. статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ“, изд. Дашковомъ. 1868 г. кн. I, статья Ѳ. П. Буслаева, стр. 97—98 (Труды Этнографич. отдѣл., т. I). Срв. статью Д. Н. Анучина о дивныхъ людяхъ въ XIV т. „Древностей“ Моск. Археол. Общества.

<sup>1)</sup> См. „Переводы съ древнихъ иконъ изъ собранія А. М. Постникова“, Спб. 1898 г., рис. 51.

<sup>2)</sup> См. „Древности“, труды Арх. Общ., т. IX, вып. 1, статью П. Д. Мансвотова, „Византійскій матеріалъ для сказанія о 12 трисавицахъ“, стр. 24—36.

трясавиць. Византійское вѣрованіе перешло и на Русь. — По народнымъ заговорамъ, святой Сисиній стоитъ при морѣ-океанѣ и видитъ: море возмутилось до облаковъ, и изъ него выходятъ двѣнадцать женъ простоволосыхъ — „окаянное дьявольское навожденіе“ — и говорятъ: „Мы трясавицы, дщери Ирода царя, пришли мучить родъ человѣческій“. Названія сестеръ-трясавиць различныя: Трясея, Огнея, Ледея, Гиедея, Ломея, Пухнея, Желтея и др.

Вѣра въ „трясавиць“, культивировавшись на русской почвѣ, получила распространеніе и въ русской иконографіи. Въ большинствѣ случаевъ на иконахъ даннаго типа изображается святой Сисиній въ молитвенномъ положеніи; предъ нимъ ангелъ копьемъ поражаетъ трясавиць, которыя низвергаются въ яму... Трясавицы представляются въ видѣ женщинъ, обнаженными, иногда съ крыльями летучей мыши. Различный характеръ ихъ обозначается цвѣтами: одна бѣлая, другая желтая, остальные — красная, синяя, зеленая и т. д. Съ Сисиніемъ иногда изображается на иконахъ преподобный Маронъ чудотворецъ или святая Фотинія <sup>1)</sup>.

Святые Власій, Георгій, Флоръ и Лавръ, а также Модестъ народомъ считаются покровителями скота. Въ заговорахъ, обращенныхъ къ названнымъ святымъ, народъ проситъ „покрыть и оберечь“ скоть — „любимый крестьянскій животъ, небожь и землю, по всякъ день и на всякъ часъ мѣсяца нова и ветха, и въ перекрои, и въ межныхъ дняхъ, отъ нынѣ и во вѣки, чтобъ тотъ скоть, милой любимой крестьянской животъ, казался пеньемъ и колодемъ и камнемъ, по всякой день, и всякому звѣрю“; о недругахъ своихъ народъ молить: „тому человѣку съ окіяна моря воды выпить, пески позобать и каменіе поглотить“, — „тому человѣку зубы со рта, очи со лба и кости съ тѣла“... Между прочимъ въ заговорахъ этихъ скоть называется „Власьевымъ родомъ“.

Святой Власій обыкновенно пишется пасущимъ рогатымъ <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> См. „Памятники русск. старины Влад. губ.“ и „Труды ком. по осмотру и изуч. памят. церк. старины г. Москвы и Моск. епархіи“, т. 3, 1905 г.

<sup>2)</sup> Такая икона, напр., находится во входныхъ воротахъ церкви св. Василия въ Москвѣ.

скотъ, или же благословляющимъ стадо скота, отъ котораго убѣгаетъ бѣсъ <sup>1)</sup>).

Флоръ и Лавръ изображаются получающими подъ свое покровительство лошадей отъ архангела Михаила <sup>2)</sup>. „Въ нижней части иконы нерѣдко помѣщаются изображенія всадниковъ, гонящихъ лошадей въ водопою <sup>3)</sup>).

На иконахъ святого Модеста иногда воспроизводятся слѣдующія два событія изъ его жизни.—Въ одномъ мѣстѣ святой указываетъ на двуногого змѣя съ открытою пастью. Надпись посвящаетъ: „ибо мужу нѣкоторому іерусалимлянину много скота чуму, его же скотъ помираху отъ источника, змѣевымъ ядомъ набланну, навѣтомъ діавольскимъ, на него же напешде святому“. Далѣе Модестъ благословляетъ и воскрешаетъ павшій

<sup>1)</sup> См. „Памятники русск. старины Влад. губ.“

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Насколько христіанскія вѣрованія народа иногда переиживаются съ языческими воззрѣніями, показываетъ существованіе въ дер. Кочъ Пермской губ. слѣдующаго обычая праздновать „Фроловъ день“ 18 авг. Въ этотъ день въ Кочу стекается не одна тысяча пермяцкаго народа, часто изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ; многие богомольцы приводятъ съ собой быковъ на закланіе... Вѣрятъ, что если Флору и Лавру пообѣщать быка, то будетъ скотинка вестись и не будетъ на ней никакой хвори. Каждый являющійся съ быкомъ, подойдя къ Кочской часовнѣ, долженъ нѣсколько разъ перекреститься, затѣмъ заставляеть и быка продвѣлать въ сторону часовни нѣчто въ родѣ поклона; для этого ему пригибають переднія ноги, если же это не удается, то быка заставляють хотъ прикоснуться рогами къ воротамъ ограды часовни. Послѣ этого хозяинъ съ быкомъ отправляется на особую, изстари предназначенную для битья скота въ этотъ день, поляну, саженьхъ въ сорока отъ часовни. Толпа въ нѣсколько человѣкъ наваливается сразу на животное, и, когда оно падаетъ, хозяинъ, конечно, прежде совершивъ крестное знаменіе, начинаетъ водить ножомъ по шеѣ скотины. Кровь брызжетъ еонтапомъ, и животное долго бьется въ мучительной агоніи. Такой способъ закалыванія скота имѣетъ здѣсь свое объясненіе: „Фроль кровь любитъ“... Всего въ праздникъ закалывается до 70 быковъ, въ возрастѣ отъ 2 до 5 лѣтъ. Часть мяса беретъ себѣ хозяинъ животнаго, часть сносится въ поляну часовни, остальное варится въ огромныхъ котлахъ для раздачи всеѣмъ желающимъ. Когда мясо приготовлено, приходитъ священникъ съ причтомъ, читаетъ молитвы и благословляетъ мясо... Послѣ этого начинается „кормленіе“... Всѣ стараются урвать какъ можно большій кусокъ, давтъ другъ друга, толкають, вырываютъ другъ у друга добычу и тутъ же торопливо съѣдаютъ... Изъ часовеннаго мяса лучшіе куски берутся причтомъ...

Между прочимъ внутри Кочской часовни находится въ особомъ футлярѣ съ стеклянными дверцами скульптурное изображеніе, предметъ особеннаго почита-

рогатый скотъ. Въ надписи говорится: „скоты воскреси и змія умертви и бѣсу явится пришедшу песіимъ образомъ страшнымъ, святой же Модестъ именемъ Божиимъ заклѣлъ не приходити никогда, идѣже святого имя наречется“.

Иногда святой Власій, Модестъ, Флоръ и Лавръ, а также святой архангелъ Михаилъ—рисуются всѣ вмѣстѣ на одной иконѣ, съ всадниками и конями внизу ея.

Преподобные Засимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы по преданію, первые ввели пчеловодство на Соловецкомъ островѣ и, по вѣрованію народа, являются покровителями пчеловодства. Въ молитвѣ-заговорѣ передается, что святые были посланы съ „моря-окиана“, съ „острова Кургана“—къ невѣрнымъ въ „римскія горы“, въ „Папарымскія земли“, „за силою пчелиною, поймать крапчика и матку и посадить въ жезль свой“... И привели они силу пчелиную „къ собору Божію и ко престолу Господню и ножіямъ Спасителя“. Господь велѣлъ имъ пустить пчель „отъ востока и до запада во всероссійскую землю, во темные лѣса, въ угодныя древа православнымъ христіанамъ“... Народъ говоритъ, „что у пчелы въ соту, то Засима и Савватій даль“; „пчелка-Божья угодница,—а и та Засимъ Савватию своей молебень поеть“... На иконахъ этихъ соловецкихъ угодниковъ мы видимъ изображенія и святой соловецкой обители, и моря-океана, и острова Кургана, и темныхъ лѣсовъ съ угодными древами... <sup>1)</sup> На сѣверѣ Россіи встрѣчаются иконы Засимы и Савватія съ изображеніемъ пасекъ.

Кромѣ приведенныхъ нами данныхъ, богатый матеріалъ для характеристики вліянія народныхъ вѣрованій на иконопись содержатъ въ себѣ иконы правоучительнаго характера.—Есть духов-

---

нія богомольцевъ. Оно сдѣлано изъ дерева и облечено въ какую-то странную одежду, въ родѣ шаги. Одни говорятъ, что это—„Миколай батюшка“, другіе—Христосъ. Изображеніе, съ приподнятою зачѣмъ-то правою рукою, наподобіе отданія чести военными, въ странной пестрой одеждѣ, съ грубо размалеваннымъ монгольскаго типа лицомъ, ничѣмъ не напоминаетъ христіанскаго изображенія святыхъ или Христа, и можно думать, что оно осталось здѣсь отъ временъ язычества; прикрѣпленный же надъ головою его небольшою металлической ореоломъ является дополненіемъ уже позднѣйшихъ временъ.—Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казанск. университетѣ. Казань 1898 г., т. XIV, вып. 4, стр. 441—444.

<sup>1)</sup> „Переводы съ древн. иконъ изъ собр. А. М. Постникова“, рис. 4.

ный народный стихъ противъ пьянства: „Слава есть Василію Великому Кесарійскому чудотворцу“. Здѣсь разсказывается, какъ стоялъ Василій Великій 25 лѣтъ—„во Божьей церкви, во паперти у притвора, на молитвѣ“.

Свѣтъ Пресвятая Богородица  
 Съ небеси гласомъ гласила:  
 — Ты, свѣтъ Василій!  
 Хоть молишься Господу Богу  
 Съ теплыми сердцами,  
 Съ горячими слезами,—  
 Господь молитвы твоей не принимаетъ:  
 Пахнутъ отъ тебя  
 Хмѣльнаго и злаго  
 Кѳрева духи...

Въ частныхъ собраніяхъ намъ приходилось видѣть иконы, иллюстрирующія данный стихъ. Василій Великій изображенъ стоящимъ въ молитвенномъ положеніи передъ иконою Богоматери, а изъ устъ послѣдней исходятъ слова, призывающія святого къ покаянію...

Въ стихѣ о „Голубиной книгѣ“ Владиміръ князь разсказываетъ премудрому царю Давыду Евсеевичу, что снилось ему „кабы съ той стороны съ восточныя, а съ другой стороны со полуденной, кабы два звѣря собиралися, кабы два лютые собѣгалися, промежду собой дралися—билися, одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть“. Царь Давыдъ Евсеевичъ отвѣчалъ, что

Это Кривда съ Правдой сходилися,  
 Промежду собой бились—дралися.  
 Кривда Правду одолѣть хочеть;  
 Правду Кривда переспорила;  
 Правда пошла на небеса,  
 Къ самому Христу, Царю Небесному;  
 А Неправда пошла у насъ по всей землѣ,  
 По всей землѣ по свѣтлорусской,  
 По всему народу христіанскому“...

Иллюстрацію къ этому прекрасному сказанію мы находимъ на картинѣ страшнаго суда. Только здѣсь побѣдительницей изображается уже Правда.

— Правда Кривду стрѣляетъ, и Кривда пала со страхомъ,— читаемъ мы въ подлинникѣ...

Существуетъ много легендъ о хожденіи Іисуса Христа, при чемъ хожденіе приурочивается именно къ землѣ русской. Нерѣдко даже рассказчики точно указываютъ, отъ какой деревни до какой въ извѣстный моментъ было совершено путешествіе, на какомъ именно мѣстѣ произошло данное событіе <sup>1)</sup>.

Не остались безъ вліянія на церковную живопись и эти народныя вѣрованія. Въ собраніи иконъ покойнаго графа А. С. Уварова между прочимъ обращаетъ вниманіе одна икона, иллюстрирующая помѣщенное въ Макарьевскихъ Четьяхъ-Миняхъ, подъ 18 октября, „Слово о нѣкомъ игуменѣ, его же искуси Христосъ въ образѣ нищаго <sup>2)</sup>.—Христосъ въ видѣ убогаго странника пришелъ къ игумену монастыря, но не былъ принятъ, такъ какъ игумень былъ занятъ угощеніемъ посѣтившихъ его богатыхъ гостей. Одежда на гостяхъ игумена—русская; физіо-

<sup>1)</sup> Я помню, на моей родинѣ одинъ старикъ показывалъ, напримѣръ, даже дерево, кривую старую осину, въ глухомъ мѣстѣ большого казеннаго лѣса, на которой удавился, будто бы, предатель Христа—Иуда.

<sup>2)</sup> Въ этомъ „Словѣ“ читаемъ: „Общему житію бѣ нѣкто старѣйшина, игумень, имѣя подъ собою братій 200, иже бѣ исперва нищелюбивъ, послѣди-же славолубивъ, имѣя велику любовь къ богатымъ и къ боярамъ, и отъ тѣхъ славимъ. Къ сему Господь, яко старецъ убогъ, въ монастырь вниде и рече двернику: иди ко игумену и рци: онъ си братъ ти есть и многимъ трудомъ до тебе придохъ. И пришедъ дверникъ, обрете игумена съ богатыми бесѣдующа, постоявъ-же мало, и извѣсти о убозѣмъ, не вѣдый, яко Христосъ есть. Игумень же сваряшетъ его, глаголя: не видиши ли мене съ челоуѣкы бесѣдующа, да почто еси пуцалъ его? Небрези нынѣ. И отъиде вратникъ. Долготерпѣливый-же Господь пребываше, ожидая, дондеже приидеть. При пятѣмъ-же часѣ богатъ нѣкто прииде, его же вобразъ игумень самъ въ вратѣхъ сръте. И ту узрѣвъ игумена съ богатыми, богатый милостію и смиренныхъ другъ Христосъ моли игумена, рекый: слово ми есть къ тебѣ, отче. Онъ же ни оуръся, но съ богатымъ иде обѣдать, и паки по обѣдѣ проводявъ до вратъ богатаго, и возвратися небрегъ моленія убогаго и безъзлюбиваго старца. Вечеру-же бывшу, не сподобися пріяти благословенія въ истину странна, и отъиде рекъ вратнику сице: рци игумену: понеже славѣ челоуѣчестѣй хочещи, азъ преднихъ дѣла трудовъ твоихъ и древяго житія пришелъ бѣхъ, благословенія хотя вдати тебѣ, и не восхотѣ; и се нонѣ отъ вся страны сея вельможа послю къ тебѣ, понеже требованія хочещи, благыхъ же царства моего не требуещи. И тако познася Вседръжителъ Христосъ, въ образѣ нищаго пришедый.—„Древности“. Труды Имп. Моск. Арх. Общ., 1887 г., т. II, вып. III, стр. 71.

номіи изображенныхъ на иконѣ лицъ—русскія: русыя, бородатыя, съ крупными чертами..

Отмѣченныя нами черты народныхъ вѣрованій, конечно, не исчерпываютъ всего богатаго матеріала, заключающагося въ церковной живописи. Мы, напримѣръ, не касались церковныхъ изображеній святого Георгія, святой Параскевы, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Пятницы, святого Николая Чудотворца, называемаго въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ „Смердовичемъ“<sup>1)</sup>, и т. д. Кромѣ того, не вполне еще обследованными являются наши старинныя гравюры, старинныя лицевыя житія святыхъ, синодики и другія иллюстрированныя старинныя рукописи.

Должно сказать, что духовная власть издавна обращала вниманіе на несоотвѣтствіе нѣкотораго рода иконъ духу истиннаго христіанства.—Стоглавый соборъ (1551 г.) призналъ необходимымъ постановить, чтобъ „гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самосмышленія и своими догадками Божества не описывали“. Московскій соборъ 1667 г. съ огорченіемъ усматривалъ въ изображеніяхъ святыхъ иконъ „худое и нелѣпое письмо“, произволь, „суемудріе неправедное и невѣжество пишущихъ на прелестъ невѣждамъ“<sup>2)</sup>.

Въ 1722 году, синодъ, имѣя „совѣтный разговоръ“ и разсужденіе о недостаткахъ въ священныхъ изображеніяхъ, нашелъ одни изображенія безобразными и своимъ безобразіемъ „поруганіе творящими самимъ изображеннымъ на нихъ святымъ“<sup>3)</sup>. Другія изображенія онъ находилъ противными естеству, исторіи

<sup>1)</sup> Объ иконныхъ изображеніяхъ св. Георгія см. въ изслѣдованіи проф. А. Кирпичникова: „Св. Георгій и Егорій Храбрый“ (Спб., 1879 г.).

<sup>2)</sup> Соборъ 1667 г. между прочимъ осудилъ изображеніе на иконахъ Пресвятыя Троицы Господа Саваоа или Бога Отца въ видѣ старца „брадоу съда“, съ Единороднымъ Сыномъ „во чревѣ Его и Духомъ святымъ среди нихъ въ видѣ голубя“. Еще болѣе „суемудрія и неприличія“ нашелъ соборъ въ написаніи иконъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, на которомъ изображался „Саваоаъ, сиречь Богъ-Отецъ, иже отъ устъ дышетъ, и то дыханіе идетъ во чрево Пресвятыя Богородицы“.

<sup>3)</sup> Такими были, по отзыву синода, часто „до гадости“ неискусно сдѣланныя, рѣзныя или истесанныя, издолбленныя и изваянныя иконы, которыя „истесывали“, по выраженію синода, „сами неотесанныя невѣжды“.



и самой истинѣ<sup>1)</sup>. Поэтому синодъ, признавая, что его долгъ „безобразія и неприличія отъ храмовъ Божіихъ отметать“ и что почитаніе святыхъ иконъ есть „часть нѣкая благочестія“, постановилъ: иконы, „противныя естеству, исторіи и истинѣ“, запретить, чтобы „впредь такихъ иконъ не писать на поруганіе святыхъ первообразныхъ лицъ и во укореніе святыхъ церкви отъ инославныхъ“<sup>2)</sup>.

Правительствующій сенатъ не рѣшился распубликовать синодское опредѣленіе въ полной редакціи. — То же самое невѣжество, которое породило иконопись, „церковному благолѣпію весьма противную“, требовало большой осторожности въ произнесеніи приговора надъ изображеніями, которыя были предметомъ неразборчиваго народнаго почитанія. Согласно съ этимъ, сенатъ находилъ, что для распубликованія синодальнаго постановленія, необходимо измѣнить его редакцію, чтобы прямымъ осужденіемъ тѣхъ или другихъ иконъ порознь не смущать немощной совѣсти ихъ чтителей. Изъ постановленія синода исключены были всѣ частныя указанія на тѣ или другія неправильности въ отдѣльныхъ иконахъ<sup>3)</sup>.

1) Таковы были, напримѣръ, образъ мученика Христофора „съ песьею главою“; образъ Рождества Христова, на которомъ безболѣзненно родившая Матерь Божія изображалась „болицею“ и при ней „баба“, будто бы послужившая ей при Ея „неизрѣченномъ“ рожденіи; образъ Флора и Лавра „съ лошадьми и конюхами“, съ надписанными надъ послѣдними вымышленными именами; образъ Премудрости Божіей въ лицѣ „нѣкія дѣвницы“; образъ творенія міра, на которомъ изображался Творецъ міра, по окончаніи творенія, почивающимъ, какъ человекъ послѣ трудовъ, „на подушкахъ“; образъ Херувима „распятаго“; вмѣсто евангелистовъ изображенія однихъ, усвоенныхъ имъ символическихъ животныхъ, съ идущею къ символамъ надписью *αγιος*, т. е. святой.

2) Что касается символическихъ животныхъ, то на основаніи 82 правила VI вселенскаго собора, которымъ запрещено было изображеніе агнца вмѣсто Христа, синодъ опредѣлилъ, что животныхъ вмѣсто евангелистовъ изображать не подобаетъ, а должно изображать самихъ евангелистовъ съ надписью: „святый“, а при лицахъ евангелистовъ мощно и образовательныя ихъ животныя писать и то не всякому моралю“, но только патентованнымъ иконописцамъ и живописцамъ.

3) Оставлено было только разсужденіе о символическихъ животныхъ и общія постановленія касательно иконописанія.

Въ 1723 году, между прочимъ, въ синодъ поступило доношеніе приказа инквизиторскихъ дѣлъ, „якобы о новоявившемся въ Холмогорской епархіи, въ

Правительство продолжало принимать мѣры къ очищенію иконописанія отъ элементовъ, чуждыхъ христіанству, и въ позднѣйшее время. Однако, до сихъ поръ мы не перестаемъ встрѣчать въ иконописи „худое и нелѣпое письмо“... напримѣръ: наши доморощенные живописцы, въ картинѣ „Жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака“, вырисовывая ножъ, иногда не стѣсняются ставить на немъ клеймо „Тула“,—при изображеніи „Брака въ Канѣ Галилейскомъ“ въ числѣ пирующихъ рисуютъ игрока съ гармоникой... На паперти церкви села Подмоклаго, Алексинскаго уѣзда намъ пришлось видѣть картину „Страшнаго суда“, гдѣ въ аду, среди мучащихся грѣшниковъ, изображенъ нашъ незабвенный писатель М. Ю. Лермонтовъ... Подобное же изображеніе находится въ церкви с. Тазова Курской губерніи; только здѣсь въ аду вмѣсто Лермонтова мы видимъ Л. Н. Толстого.

Появленію иконъ съ чертами народныхъ вѣрованій предоставляется широкій просторъ... Извѣстный любитель старины Голышевъ писалъ: „Изображенія, связанныя съ народными вѣрованіями, хотя и относятся къ отдаленному времени, но еще и теперь иконопись воспроизводитъ ихъ для простолюдиновъ, питающихъ къ такимъ изображеніямъ особенное уваженіе и почитаніе“... „Безконтрольная иконопись продолжаетъ выпускать множество подобныхъ образцовъ“...

Можно радоваться обилію сохранившагося матеріала, крайне цѣннаго для науки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не помнить, что все это — пережитки старины; все это — старые боги, которые пахотятъ себѣ дѣйствительныхъ поклонниковъ въ нашемъ народѣ, живущемъ еще какъ бы впѣ культурнаго вѣка...

---

Важескомъ уѣздѣ, святомъ Модестѣ, будто бы онъ явленіемъ своимъ скотовъ падежь укротилъ“. По разслѣдованію, произведенному по порученію Синода оказалось, что „такого Модеста не явилось; токмо означилъ въ томъ уѣздѣ у обывателей писанные многіе св. Модеста, патріарха іерусалимскаго, котораго память празднуется по прологу декабря въ 18 числѣ, образы съ изображеніемъ скотовъ“. Синодъ 25 октября 1723 г. постановилъ: „отнынѣ при томъ святого Модеста патріарха образъ скотскихъ стадъ отнюдь не писать, дабы, отъ невѣдѣнія простыхъ, народъ о томъ соблазна никакого не имѣлъ; а ежели кто пожелаетъ тотъ образъ написать, то на томъ образѣ подписывать токмо имя св. Модеста, патріарха іерусалимскаго“.

Нельзя не высказать самаго искренняго пожеланія, чтобы иконныя изображенія святыхъ съ песьими головами, а также человѣкоподобныхъ животныхъ, сестеръ - трясавицъ и т. п... скорѣе перешли бы въ область прошлаго, чтобы подобныя изображенія сдѣлались достояніемъ музеевъ и науки, но не двувѣрной народной массы.

Д. Успенскій.

---

## Нѣсколько словъ о родильныхъ и крестинныхъ обрядахъ и объ уходѣ за дѣтьми въ Пудоожскомъ у. Олонецк. губ.

(Изъ старой записной тетради)<sup>1)</sup>.

По мнѣнію пудоожанокъ, ребенокъ зарождается въ три дня. Женщина тщательно скрываетъ отъ всѣхъ зарожденіе ребенка. Когда же она почувствуетъ, что ребенокъ шевелится, она начинаетъ съ этого дня читать каждую ночь слѣдующую молитву: „Рождество Богородицы, жена Муроносица, зародила невидимо и разродила невидимо. Милосливая Пресвятая Богородица, не оставь, не покинь меня грѣшную, потерпи моимъ грѣхамъ“. При этомъ она кладетъ три поклона. На Кенозерѣ, въ дер. Глушево, есть часовня во имя Собора Пр. Богородицы (въ этотъ день церковь чтить и прв. Иосифа Обручника). Часовню эту народъ считаетъ поставленной въ честь „Богородицы Жены Муроносницы“; сюда ходятъ женщины, ожидающія быть матерями, и ставятъ свѣчи передъ мѣстной иконой. Слѣдующая примѣта опредѣляетъ полъ будущаго ребенка: если онъ шевелится въ правомъ боку, онъ будетъ мужского пола. Предостерегаютъ также женщинъ, чтобы онѣ не качали пустой зыбки: иначе будутъ у нихъ родиться двойни. Этого боятся женщины, указывая на трудность произведенія на свѣтъ двоенъ. Говорятъ также, что дѣвочка-близнецъ впоследствии тоже будетъ имѣть двошекъ; вообще примѣчаютъ, что „коль мать ребятна (имѣетъ много дѣтей), то и дочь ребятна будетъ“.

Беременную женщину всѣ берегутъ, хотя она продолжаетъ исполнять неукоснительно всѣ свои обязанности. Но населенію извѣстны возможныя послѣдствія неосторожности—и о будущей

---

<sup>1)</sup> Нижеприведенныя свѣдѣнія записаны въ 1887 г. въ трехъ мѣстностяхъ Пудоожск. у.: на оз. Купецкомъ, Водлозерѣ и Кенозерѣ.

матери прилагають всевозможное попеченіе. „Тоже умѣть надо родить-то“, говорятъ нѣкоторые. Несчастный случай съ роженицей объясняютъ часто тѣмъ, что „тяжело подняла баба“. На оз. Купецкомъ женщина дня за два до родовъ освобождается отъ работы. Ей отгораживаютъ одинъ уголь въ избѣ, завѣсивъ его тѣмъ-нибудь. На Кенозерѣ женщина работаетъ до послѣдняго дня. При наступленіи родовъ она удаляется въ хлѣвъ, если въ избѣ есть мужчины; если же ихъ въ это время нѣтъ дома, она можетъ воспользоваться одной изъ боковыхъ комнатокъ около горницы. Несмотря на то, что въ каждой волости есть акушерка, „баба голландка“, какъ зовутъ ее пудожане, крестьяне рѣдко обращаются къ ней за помощью. Зовутъ обыкновенно къ родильницѣ женщину изъ деревни, которая умѣла бы „бабить“. Иной разъ такимъ умѣньемъ обладаетъ одна изъ женщинъ семьи, которая въ такомъ случаѣ и исполняетъ обязанности бабки. Главная причина недовѣрія крестьянокъ къ акушеркамъ заключается въ томъ, что онѣ „не умѣють грыжу заговаривать“.

Мужъ родильницы играетъ большую роль при родахъ. Если только онъ не ушелъ далеко (въ лѣсъ или на озеро) на работу, его зовутъ къ женѣ. Онъ долженъ снять съ правой ноги бахилу (съ мягкой подошвой сапогъ) и напоить жену. Его заставляютъ также развязать поясъ, наконецъ, прижимать колѣномъ спину жены. Все это будто бы ускоряетъ роды. Для этой же цѣли роженица, передъ наступленіемъ родовъ, пьетъ воду изъ ручной мойника. Надъ ней читаютъ также „Сонъ Богородицы“; списанный въ тетрадку, нерѣдко запыленный, онъ хранится за иконой въ семьѣ или у кого нибудь изъ сосѣдей, которые всегда съ охотой подѣлятся имъ въ минуту нужды.

Тотчасъ послѣ рожденія ребенка мать заставляютъ коснуться рта его своей пятой. При этомъ мать произноситъ слѣдующія слова: „сама носила, сама приносила, починивала“. Это дѣлается для того, чтобы ребенокъ не кричалъ. Послѣ этого бабка отрѣзываетъ пупокъ и заговариваетъ грыжу. Вотъ одинъ образецъ „грыжныхъ словъ“: „Стану я, раба Божья, (имя рекъ) благословясь, выйду я, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ океанъ-море. Въ океанѣ-морѣ синій камень, подъ синимъ камнемъ сѣрый котъ (если заговариваютъ грыжу у мальчика, „синяя

щука“, если поворожденный дѣвочка), зацѣпываетъ и закусываетъ двѣнадцать грыжъ: и родову грыжу, и становую грыжу, и пуповую грыжу, и личну, и паховую, и головную грыжу, и зубную грыжу, и ушную и глазную грыжу, и ручную, и сердечную грыжу, и мокру грыжу, и подпятну грыжу, и подкожную грыжу и залечную грыжу. Какого слова не скажешь, то крѣпче всѣхъ словъ (это прибавляется потому, что „грыжъ много“ и можно нечаянно позабыть назвать какую-нибудь изъ нихъ). Семьдесятъ жилъ и семьдесятъ суставовъ, и въ единомъ суставѣ ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Послѣ заговариванья грыжи ребенка моютъ. Новорожденному мальчику кладутъ въ воду яйцо или какую-нибудь стеклянную вещь. Дѣвочкѣ — только стеклянную вещь. Окатить ребенка въ первый разъ надо непременно съ локтя.

Имя новорожденному выбирается въ присутствіи священника, когда онъ пріѣдетъ дать молитву и крестить. Священникъ называетъ присутствующимъ имена святыхъ, празднуемыхъ въ данный день, а присутствующіе рѣшаютъ, какое имя красивѣе. „Вотъ это — баско (красиво)“, говорятъ. До купели во время крещенія ребенка держитъ бабка; послѣ купели его беретъ на руки воспріемница — „божатка“. У дѣвочки бываетъ одна, двѣ божатки; богатые приглашаютъ и крестнаго отца. У мальчика непременно бываетъ крестный отецъ и божатка. Воспріемниками бываютъ иногда дѣти 10—12 лѣтъ. Вода въ купели послѣ крещенія ребенка считается поганой; ее выливаютъ въ озеро. Нечистой признается и родильница въ продолженіе первыхъ шести недѣль послѣ родовъ. Въ это время по мѣстному вѣрованію „ея могила“ (для каждаго человѣка у Бога готова могила) у Господа пбла“ (т.-е. открыта, и родильницѣ угрожаетъ постоянная опасность).

Послѣ крещенія священникъ святитъ воду и ею окропляетъ избу. Бабка и присутствующіе моютъ лицо и руки этой водой. Ею же омываютъ грудь родильницы, которая послѣ этого кормитъ въ первый разъ ребенка. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ крестинный обѣдъ. На почетномъ мѣстѣ сажаютъ священника, крестнаго и божатку. На крестинахъ дѣвочки, предпочтеніе оказываютъ божаткѣ. За обѣдомъ подаютъ праздничныя кушанья: кисель, овсяные и гороховые блины, студень, щи, калитки (родъ вотрушекъ), кредели, прыники; подается также и сахаръ.

Новорожденнаго пеленають короткое время, затѣмъ оставляють на свободѣ. Лежить онъ первое время на лавкѣ, пока, по мѣстному выраженію, онъ не „попроситъ зыбки“, т.-е. начнетъ кричать и быть безпокойнымъ. Тогда его кладутъ въ зыбку, сдѣлать которую лежитъ на обязанности отпа. Впрочемъ случается, что зыбка служитъ нѣсколькимъ поколѣніямъ пока не станетъ за ветхостію непригодной. Въ изголовьѣ вырѣзають или намазываютъ смолой крестъ.

Уходя изъ избы, мать кладетъ въ зыбку ножницы и веретяной камень, а подъ зыбкой вѣнчикъ. Это дѣлается для того, чтобы ребенка не украли печистая сила, которая въ присутствіи матери не имѣетъ власти сдѣлать этого. О похищеніи дѣтей нечистой силой въ народѣ ходятъ много разказовъ.

Родильница пользуется покоемъ всего дней 5—7; въ болѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ даже лишь два дня; затѣмъ она возвращается къ обычной работѣ. Въ первое время она еще соблюдаетъ нѣкоторую осторожность, потомъ рѣшительно втягивается въ обыденную жизнь. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ведется лядинное хозяйство, женщина уходитъ, еще не совсѣмъ оправившись, въ лѣсъ на трудную лядинную работу. Уходъ за ребенкомъ поручается „пѣстуну“ или „пѣстунѣ“, которые или нанимаются, или выбираются изъ членовъ семьи. Пѣстунами бываютъ старухи или дѣти, иногда очень маленькія, дѣвочки чаще, чѣмъ мальчики. Ребенка съ самаго рожденія прикармливаютъ изъ рожка; мать кормитъ его лишь по возвращеніи домой. Зато мать кормитъ очень долго, иногда полтора года, и долго держитъ ребенка въ зыбкѣ—иногда до 2 лѣтъ и долѣе. Правда, что если въ семьѣ родится другой ребенокъ, у перваго отнимають зыбку. Чтобы отучить ребенка отъ зыбки и отъ материнской груди, прибѣгаютъ къ запугиванію: говорятъ, что у груди матери сидитъ бука; въ комнату вбѣгаетъ кто-нибудь изъ семейства въ вывороченномъ тулупѣ, хватается зыбку и уноситъ ее, а перепуганному ребенку говорятъ, что это приходилъ бука, и т. п. Когда, наконецъ, наступаетъ время отнять ребенка отъ груди, мать произноситъ слѣдующія слова: „Приде красна весна, сойдутъ бѣлые снѣга, оголятся сѣрые горячіе камни. Отпали бы тоска и тѣлесная сухота отъ бѣлыхъ грудей, отъ буйной головы, отъ черныхъ бровей, отъ ясныхъ очей, отъ бѣла лица, отъ ретиваго сердца.“

Семьдесятъ жилъ и семьдесятъ суставовъ, и въ единомъ суставѣ ключъ и замокъ. Во вѣки вѣковъ. Аминь“.

„Для здоровья“ на ребенка надѣвають послѣ крещенія ладонку, въ которую бабка зашиваетъ пуповину, житное зернышко и три кусочка роснаго ладона. О долговѣчности ребенка судятъ по слѣдующей примѣтѣ: если у него подошвы сальны, онъ скоро умретъ.

Самыми обычными болѣзнями дѣтей считаютъ „призоръ“ (сглазь) и „ночницу“. Если ребенокъ немного лишь занеможетъ, мать ограничивается тѣмъ, что поить его водой, слитой съ ея „приданной“ иконы или же съ иконы св. Тихона. Противъ „призора“ произносятъ надъ младенцемъ слѣдующій заговоръ: „Пойду перекрестись, выйду изъ двери въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, въ широкое раздолье. Приде три дорожки. Пойду по первой дорожкѣ. Встрѣтится сама Мать Пресвятая Богородица со ангелами и со архангелами и со всей небесной силой. Попрошу я ангела и архангела со всей небесной силой: снимите съ раба Божія младенца притчи, призоры и витряны переговоровъ, отъ чего дума материна. Во вѣки вѣковъ. Аминь“. Ночницу лечатъ такъ: на утренней или вечерней зарѣ открываютъ немного дверь, выносятъ на рукахъ ребенка, прикрывъ его полотенцемъ, чтобы вѣтеръ не касался его и, ставъ въ дверяхъ, произносятъ три раза: „Заря заряница, красная дѣвица, возьми у раба Божія младенца ночную рыкушу и полупочну, и денную, полуденну — умеси за сине море, за высоки горы. За высокими горами змійно житало сожгитъ и спалитъ. Во вѣки вѣковъ. Аминь“. Если у ребенка колотье въ ушахъ, мать беретъ ножницы или мѣдную иглу и концемъ колеть слегка вокругъ уха, приговаривая: „Исофъ ты, Исофъ, не коли у раба Божья младенца въ уши. Стану колоть ножами, топорами, острыми клепиками, ногтями да ногтями отъ роженія до вѣнчанія, отъ вѣнчанія до скончанія“ (трижды).

„Не всякая байкать умѣетъ, говорятъ пудожанки. У другой и ребячь то не было въ заводѣ, а лучше сбайкаетъ, чѣмъ иная“. Мотивъ колыбельныхъ пѣсенъ однообразный, но каждая женщина, сидя передъ зыбкой и мѣрно раскачивая ее ногой, вносить въ байканье и свою душу, часто сочиняетъ слова пѣсни сама, часто варьируетъ ее, сообразно своему настроенію. Зани-



маясь въ то же время другой работой, женщина поетъ, прибирая слова къ ласковому, усыпляющему мотиву. Изъ этихъ простыхъ пѣсенъ можно узнать положеніе, которое занимаетъ женщина въ семьѣ, достатокъ семьи, идеаль жизни для будущаго ребенка. Въ богатыхъ семьяхъ счастливая мать поетъ веселое „байканье“, мечтаетъ о парчевыхъ сарафанахъ для дочери; забитая, бѣдная женщина поетъ, что Матерь Божья распотѣшила бы ее, еслибы убрала ея Ирушку и въ то же время говорить о томъ, какъ бы она каждый волосокъ дочери украсила бы тремя жемчужинами. Во всѣхъ пѣсняхъ звучитъ горячая материнская любовь. Иной разъ мать невольно поддѣлывается подъ наивныя дѣтскія представленія—и въ пѣсняхъ проходитъ милый дѣтскій міръ съ котикомъ, котораго осторожно пригласили качать выбку и за то покормили кашей и попоили молочкомъ; являются также дѣтскія радости и горе: „пошла Маша во лѣсокъ, повстрѣчался дурачекъ, опрокинулъ бурачѣкъ“ — и вотъ Маша плачетъ надъ рассыпанными ягодами.

Вотъ нѣсколько образцовъ колыбельныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ дер. Вершинино (Кенозеро).

1 (мальчику).

Бай побаяшки,	Станешь въ людшки ходить,
Спитко теплая сугрѣба,	Станешь денежки носить,
Отцу матери замѣна,	Станешь работку работать,
Выростешь большой,	Станешь пашенку пахать.
Будешь хорошій да баской,	

2 (дѣвчкѣ).

Баяшки побая,	Надо пѣстунья толкова,
Сугребушку поспать,	И старушка стогодова,
Спи-тко: зыбочка дубова,	Кабы бабушка родна,
И перинушка пухова,	Была бѣ пѣстунья плотна.

3.

Сонъ да дрема	Изъ заморья шли,
Да младенцу во глаза.	Моему-то младенцу
Сѣрые коты	Много сновъ принесли.

Спи-тко, мой младень,  
Да во весь долгій день,  
Спи-тко съ ангелами

И со архангелами,  
И со ангельской  
Съ Господней Божьей милостью.

## 4 (дѣвчкѣ).

Байки побайки,  
Матери—китайки,  
Отцу—кумачу  
На двѣ ластовки.  
А брату—бархату  
На шапочку.  
А самой молодой

Сарафанъ золотой  
Съ ленточками,  
Съ позументочками.  
Станешь въ бархатѣ ходить,  
Руки въ золотѣ носить,  
Бархатъ—атласъ  
За ногой волочить.

## 5 (мальчику).

Бай побай  
Колыбели не ломай,  
И цѣпочки не ломай.  
Спи поспи и упокой держи,  
Скорѣй вырости.  
Выростешь большой—  
Станешь подъ окошкомъ съ-  
карекъ,  
На полоскѣ пахарекъ,  
Въ темномъ лисѣ лѣсничекъ.

Станешь птичку ловить  
И родителей кормить,  
Спи-тко высыпайся,  
Вставай, не ломайся.  
Зыбочка дубова,  
Качалка шелкова,  
Надо пѣстунья толкова,  
Да старуха стогодова,  
Надо плата сторублева.

## 6.

Сѣрые коты  
Изъ заморья шли,  
Тебѣ сну нанесли,  
Много возрасту.  
Сонъ со дремой  
Поразсорились.  
Сонъ иде по терему,  
А дрема по болоту,  
Сонъ говорить:  
„Я усыплю да усыплю“.

А дрема говорить:  
„Я удремлю и удремлю“.  
Спи поспи,—  
А мы потеряли деньки,  
А не пряли простыньки,  
Не мотались мотки,  
Не ткались поставки.  
Спи высыпайся,  
Ума набирайся.

7.

Успенія Мать  
Уложи младеня спать,  
На тесову на кровать.  
Уложи, усыпи  
На всю темную ночь.  
Какъ я байкала, качала  
И Успенью завичала.  
Богородица Марія,

Уложи дитя скорѣе  
На всю темную ночь,  
На весь бѣлый день  
Да на всю темную ночь.  
Какъ я байкаю, хожу,  
Да никому я не скажу;  
Какъ я байкала качала,  
Божьей милости начало.

8.

Люли полюли,  
Хоть сегодня умри,  
Послѣзавтра морозъ,  
Повеземъ на погостъ,  
Накладемъ въ бѣлыя дощечки,  
Въ тонкій саванокъ,

Подъ перковный уголокъ,  
Въ желтый меленькій песокъ,  
Въ меленькомъ песочкѣ  
Подъ хрустальномъ камешекѣ.  
На погостѣ то звоня  
Моё дитя хороня.

9.

Баю побай,  
Да ржаной коровай,  
Спи, дитя мило,  
Намъ не надобно ино.  
Съ тобой горя много  
Спи да расти

И упокой держи.  
Спи-тко по ночкамъ  
И расти по часочкамъ  
Да по утрянничкамъ  
Да по середочнымъ денькамъ.

10.

Сонъ ходитъ по терему,  
Дрема по высокоу.  
Сонъ со дремой  
Да перессорились;  
Какъ дрема то говорить:  
„Удремлю, удремлю“  
Сонъ-то говорить:

„Усыплю, усыплю“  
На всю темную ночь  
И на весь бѣлый день  
Пусть ко выспится молодень  
И не ломается весь день  
И не крывается.

В. Харузина.

## С М Ъ С Ь.

### **Замѣтка объ одномъ очень рѣдкомъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсень.**

Въ 1882 г., въ Могилевѣ, былъ напечатанъ „Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико - географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельскохозяйственномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніи“.

Матеріалы для этого изданія были собраны по распоряженію Могилевскаго губернатора А. С. Дембовецкаго. Часть собраннаго матеріала, а именно пѣсни, поющіяся въ первые дни свадьбы, по неприличію находящихся въ нихъ выраженій, не могли войти въ книгу, назначенную для широкаго круга читателей. Онѣ напечатаны отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: „Сведобныя пѣсни бѣлорусскія. Дополненіе къ I-й книгѣ „Опытъ описанія Могилевской губерніи“, къ отдѣлу свадебныхъ пѣсень (стр. 545). Могилевъ-на-Днѣпрѣ 1884 г. Типографія Губернскаго Правленія (16 д., стр. 44).

Брошюра эта была напечатана въ числѣ 20 экземпляровъ для разсылки въ ученые учрежденія и общества.

Всѣхъ пѣсень въ этомъ изданіи 169. Онѣ распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Пѣсни въ день свадьбы послѣ обѣда и вечеромъ во время танцевъ. II. При отправленіи молодыхъ въ клѣтъ и во время прибыванія ихъ тамъ. III. На другой день утромъ при появленіи новобрачныхъ: а) если молодая окажется честною, б) если молодая окажется нечестною. IV. Въ тотъ же день послѣ обѣда и вечеромъ.

Немногія изъ этихъ пѣсенъ совершенно приличны. Приведу двѣ изъ нихъ. Въ 6-й пѣснѣ есть слѣдующее обращеніе къ свату:

Казали, сваты богатые,	Жениха у мѣшку несутъ
Анъ ѣны убогіе.	Ноги его торчали.
Кони ихъ безногіе;	Собаки гурчали.
Сами пѣшкомъ идутъ,	

Въ пѣснѣ 93-й описывается отношеніе молодого къ молодой:

Охъ ты, радость моя,	Теперь же у меня
Радость дорогая!	Жена молодая.

Большинство пѣсенъ напечатано съ точной передачей неприличныхъ выраженій народнаго языка. Изданіе ихъ въ такомъ видѣ, безъ всякихъ выпусковъ, составляетъ несомнѣнно научную заслугу. Важный недостатокъ изданія состоитъ въ томъ, что не указано, въ какихъ мѣстностяхъ записывались пѣсни.

Всѣ пѣсни сборника напечатаны въ первый разъ; только двѣ изъ нихъ (пѣсни 125 и 127) представляютъ варианты къ пѣснѣ, напечатанной ранѣе Шейномъ (БѢлорусскія народныя пѣсни, стр. 359, пѣсня 657).

Всѣ пѣсни очень короткія, многія изъ нихъ состоятъ изъ четырехъ стиховъ. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ пѣсенъ составляютъ только отрывки изъ болѣе длинныхъ пѣсенъ, не сохранившихся въ народной памяти въ ихъ полномъ составѣ. На эту мысль наводитъ 4-я пѣсня Сборника, состоящая изъ 6 слѣдующихъ стиховъ:

„А у нашей свашки	Гниды имъ помогаютъ,
Не самъ чепецъ пляшетъ,	А мелкія вошенбчки
Вши его поднимають,	Пробирають рядочки.“

Это начало пѣсни, заимствованной у великороссовъ. На такое заимствованіе указываетъ близкое сходство первыхъ стиховъ пѣсни съ началомъ слѣдующей свадебной великорусской пѣсни:

„Свашенька хорошенька	Какъ на свахѣ, свахѣ
Свашенька пригоженька,	Не самъ чепецъ пляшетъ

Свашенька хорошенька,	Что и шкура не годится.
Свашенька пригоженька, <sup>(1)</sup>	Одинъ только Мартынъ
Вши его подымають,	Давалъ за нее и съ курицей
А гниды толкають,	алтынъ;
Сваха на свадьбу сгѣшила,	Ужъ какъ дружка осердился,
На мутовкѣ рубашку сушила,	Къ Москвѣ рѣкѣ воротился,
На печномъ столбѣ колотила;	Сваху за воротъ схватилъ,
Ѣхала свашенька изъ города,	На шею камень нацѣпилъ,
Свѣсила ноженьки изъ короба;	Опускаетъ головой въ воду,
Увидали свашеньку два щеголя,	Попытать тамъ броду.
Пріударили свашеньку въ два	Какъ навстрѣчу имъ татара
шелепя;	Гонять стадо таракановъ;
Свашенька испугалася,	Дружка сваху промѣнялъ,
На дохлу курицу кидалася;	Двухъ таракановъ за нее взялъ.
Стучить, гремятъ на улицѣ,	Посадили свашеньку въ коро-
Ѣдетъ сваха на курицѣ;	бокъ.
Пестомъ она погоняетъ,	Повезли въ Казавъ городокъ;
На свадьбу поспѣшаетъ;	Соломою ее кормили,
Ужъ какъ дружка-то Захаръ	Вмѣсто пива щелокомъ ее
Гонить ее сзади на базаръ;	понли.
Продать хотъ не изъ рожи,	Сваха съ Волги уходила,
А пусть хотъ бы изъ кожи;	На воробьяхъ на свадьбу при-
Да не одинъ мясникъ божится,	катила.

Пѣсня эта напечатана въ книгѣ: „Веселая Эрата на русской свадьбѣ“. Москва 1801 г.

Е. И. Якушкинъ.

Февраль 1905 г.

### Одинъ изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ снотолкованій и пѣсень.

Учителемъ Суражскаго (Черн. губ.) городского училища А. А. Корсуневъ доставлена была мнѣ рукописная тетрадка, содержащая „Толкованіе сновъ древнихъ и новыхъ астрономовъ“ (л. 1-14)

<sup>1)</sup> Дальше привожу пѣсню безъ этого припѣва, повторяющагося большею частію черезъ два стиха.

и „Псалмы разніе—пѣсни красніе“ (л. 15—48) <sup>1)</sup>. Писана тетрадка въ 4 д. л. на синей бумагѣ съ 1821 годомъ, но, несомнѣнно, позднѣе этого года, хотя м. б. и немного: въ одной изъ псалмъ („Покрову“, л. 21) упоминается императоръ Николай I, т. е. тетрадка могла быть писана вскорѣ послѣ 1825 года. По словамъ А. А. Корсуня, найдена имъ эта тетрадка въ Серединѣ-Будѣ (Черниг губ.). Наибольшій интересъ въ ней представляетъ вторая часть: „Псалмы разніе—пѣсни красніе“, содержащая 76 (по счету рукописи 78) псалмъ и пѣсень <sup>2)</sup>. Между пѣснями преобладаютъ духовныя—псалмы, идущія, по всей вѣроятности, изъ подобной же одной или нѣсколькихъ старшихъ тетрадокъ: указаній ни въ содержаніи, ни въ языкѣ, чтобы псалмы писались съ голоса, нѣтъ: составителемъ сборника могъ быть скорѣе всего какой-либо семинаристъ или получившій семинарское образованіе любитель; назначался сборникъ отчасти и для пѣнія <sup>3)</sup>. Составился этотъ сборникъ на югѣ, какъ видно изъ довольно часто пробивающихся молоруссизмовъ въ языкѣ (особенно въ фонетикѣ) пѣсень. Рядомъ съ пѣснями-кантами, попадающимися въ „Богогласникахъ“ <sup>4)</sup> и рукописныхъ сборникъ кантъ XVIII ст., встрѣчаемъ и „чувствительные“ романсы религіознаго характера, знакомые по печатнымъ пѣсенникамъ начала XIX в. Рядомъ съ этими преимущественно духовными пѣснями попало нѣсколько (именно № 55, 59, 60, 61) отмѣченныхъ собирателемъ терминомъ „свѣдская“. Двѣ изъ нихъ (№ 60, 59) идутъ отъ велирусскихъ пѣсенниковъ, скорѣе всего печатныхъ (№ 60 попался мнѣ въ пѣсенникѣ 1812 г. (Спб.) изд. Иваномъ Заикинымъ, № 312), двѣ же остальные малорусскія народныя. Одна изъ нихъ (№ 61), но въ иной редакціи, пошла уже въ первое изданіе Максимовича (1827). Привожу цѣликомъ послѣднія двѣ пѣсни, интересныя какъ довольно старинныя записи, вѣроятнѣе всего по памяти.

<sup>1)</sup> Тетрадка въ настоящее время передана въ рукоп. отд. Румянцовск. музея.

<sup>2)</sup> Въ числѣ ихъ двѣ приписаны позднѣе и представляютъ повтореніе.

<sup>3)</sup> Кое-гдѣ указано при заглавіи, на голосъ какой пѣсни слѣдуетъ пѣть (что встрѣчается и въ печатномъ пѣсенникѣ).

<sup>4)</sup> Я имѣлъ подъ рукой Почаевское изданіе 1805; отчасти и другія изданія были извѣстны по трудамъ Вл. Гнатюка (Угроссскія вирши) и И. Франка (Карпаторусько письменство).

## № 55 (57).

- |  |   |
|--|---|
| <p>1. Ой, у Нѣжинѣ на валу<br/>Да полола дѣвчина лободу,<br/>Дыбъ (2) на село,<br/>Кивъ-моргъ на него;<br/>Будьто дѣвка его,<br/>Будьто любить его,<br/>Будьто поидеть за него!</p> <p>2. Ой, полола морковку—по-<br/>стеряякъ,<br/>Да сколола ноженьку на<br/>бурякъ.<br/>Дибъ (2) на село....</p> <p>3. Иди, иди матюно по дяка:<br/>Нехай винить зъ ноженьки<br/>буряка.<br/>Дибъ (2) на село...</p> <p>4. Ой, нагорѣ макъ запвѣтаеть:<br/>Ко мнѣ милой дякъ прибѣ-<br/>гаеть.<br/>Дибъ (2) на село... <sup>1)</sup></p> <p>5. Прийди (2), дяченьку, уночи:<br/>Ты жь мою ноженьку излечи.</p> <p>6. Не такъ болить ноженька зъ<br/>бодяку<br/>Якъ же болить серденько по<br/>дяку,</p> <p>7. Прийди, дячевьку, до мене,<br/>Бо не буду жива я безъ тебе!</p> | <p>8. Полсжу я на тепленькой на<br/>печи,<br/>А ты прийди, дяченьку, полечи.</p> <p>9. Ой, и школа не далеко на<br/>гору,<br/>Только къ дяку сама дойти<br/>не могу.</p> <p>10. Ужежъ моя ноженька здо-<br/>рова<br/>Отъ одного словѣчка дя-<br/>кова <sup>2)</sup>.</p> <p>11. А щожъ за работу дати <sup>3)</sup>.<br/>Чимъ же мнѣ дяка даровати?</p> <p>12. Богдай жь ты, дяченьку, здо-<br/>ровъ былъ,<br/>Что ты мою ноженьку излѣ-<br/>чилъ!</p> <p>13. Кумочки-голубочки, прошу<br/>вась,<br/>Чи не бѣгла курочка мимо<br/>вась?</p> <p>14. На куроццы гѣрьечкорябое.<br/>Любылися серденько обоє.</p> <p>15. Тогда (2) ты, мой, дяченьку!<br/>зайди,<br/>Якъ поставлю будочку край<br/>воды!<br/>Дибъ (2) на село....</p> |
|--|---|

## № 61 (62).

- |  |  |
|--|--|
| <p>1. Ой, на горѣ да женцѣ жнуть,<br/>А попидъ горою, попидъ зе-<br/>леною козаки идуть.</p> | <p>2. А по переду Дорошенко<br/>Веде свое высько,<br/>Веде запорыско</p> |
|--|--|

<sup>1)</sup> Такъ послѣ каждаго куплета; далѣе, повтому, опускаю припѣвъ.

<sup>2)</sup> Было: „дяковаго слова“, но поправлено.

<sup>3)</sup> Было: „мнѣ дати“.



- Хорошенько.
3. А передъ его паяъ харужый,  
Подъ нимъ кониченько  
Подъ нымъ вороненькій  
Сильно дужій.
4. А позадь его Сагайдачный,  
Що променявъ жинку  
За тютюнь, за люльку  
Необачный.
5. Ой, вернися, Сагайдачный,  
Озмы свою жинку,  
Верны мою люльку,  
Необачный.
6. Ой, минѣ зъ жипкою не  
взытся,  
А тютюнь и люлька  
Казаку въ дорозѣ знадо-  
бытся
7. Ой, на горѣ да лѣщина,  
Ой, тамъ моя мила  
Орѣшеньки рвала  
Заблудила.
8. Ой, хто въ лѣсѣ, озовися,  
Да выкрешемъ огню,  
Да покуримъ люльки  
Не журися!

Сообщилъ М. Н. Сперанскій.

### Южно-великорусскія „страданія“.

Сѣверно-великорусскимъ „частушкамъ“ („пригудкамъ“) на югѣ Великороссіи соотвѣтствуютъ, какъ одна изъ разновидностей современной народной пѣсни, такъ называемыя „страданія“ или „ихахѣшки“. Последнее названіе эти любимыя деревенской молодежи пѣсенки-двухстишія получили отъ пригѣва „их-ох-о!“ или „оха-оха-ох-ха-ха-ха!“, который слѣдуетъ послѣ каждого куплета. Первое же названіе произошло отъ содержанія пѣсенки или, точнѣе, отъ частаго употребленія въ нихъ слова *страдать*. Это—синонимъ глагола „любить“ (срав. сѣверновеликорусское *жалть* съ тѣмъ же значеніемъ „любить“; характерно, что русскій народъ видитъ въ чувствѣ любви прежде всего элементъ горечи).

Въ печати намъ не извѣстно ни одного собранія „страданій“.

Это обстоятельство и даетъ намъ поводъ предложить вниманію читателей небольшую коллекцію весьма типичныхъ „страданій“, записанныхъ г. Л. Жирицкимъ въ 1897 году въ деревнѣ Красныя Буйцы Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи (руко-

пись г. Жирицкаго хранится въ архивѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Акад. Наукъ).

Записавшій озаглавилъ эту коллекцію „Страдательныя пѣсни“: Онъ отличаетъ ихъ отъ „прибаутокъ“, собраніе которыхъ приводитъ особо. Вотъ примѣры изъ этого послѣдняго собранія:

Эта ливенка-гармонья  
Унесла мое здоровье.  
Я рвалась пѣльны святки  
Къ сваму миламу Васяткѣ.

„Страданія“.

Страдатель мой, страдай са мной,  
Тяжка, горько страдать одной.  
Страдатель мой, страдай са мной.  
Куды пойдѣшь, вазьми съ сабой.  
Я страдала не таперя,  
Двадцать перваво апрѣля.  
Я страдала, страданула,  
Съ моста въ рѣчку сиганула.  
Я страдала, страдать буду,  
Тебе, милай, не забуду.  
Я страдать съ табой сагласна,  
По начамъ хадить апасно.  
Милка спить, а я томлюся,  
Разбудить іѳ баюся.  
Изъ калодца вада льеца,  
Нада мной милый смієнца.  
Черезъ рѣчку, чрезъ масточикъ,  
Падай, милай, валосочикъ.  
Что-жь эта только за страданье,  
По недѣлѣ вѣтъ свиданья?  
Што-жь эта только за страданья:  
Замреть сердца крѣпче камня!  
Вы падайте стаканъ чаю,  
Я по мельнику скучаю.  
Не плачь, дѣвка, не плачь, краля,  
Мой панаша тибѣ хваля.

Тибѣ, милый, нильзя вѣрить,  
 У тебе милашекъ девять.  
 Што-жь ты, дура, аль сбѣсилась:  
 На такова ты польстилась?  
 Хорошъ мальчикъ, хорошъ дужа,  
 Мнѣ такова очинь нужа.  
 Што-жь ты, миленькай, надумалъ?  
 Былъ страдатель, а сталъ кумомъ.  
 Што-жь ты, милый, наворочалъ?  
 На вѣкъ дѣвку апарочилъ.  
 Што-жь ты, милинькай, надѣлалъ,  
 Не глядѣлъ бы на свѣтъ бѣлай.  
 Черезъ тебя, мой ненаглядный,  
 Засохъ садикъ виноградный.  
 Вы скажите маму Колѣ:  
 Не люблю ево я болѣ.  
 Голосъ тонкай, голосъ нѣжнаяй  
 У маей милашки прежней.  
 Што за садикъ, за рябина,  
 Што за дѣвка, за картина!  
 Пашоль дожджикъ, стала грязна,  
 Пашла къ миламу—увязла.  
 Тучи идутъ, дажка нѣту,  
 Продержалъ милай до свѣту.  
 Чѣмъ ты, милка, румянилась?  
 Ты мнѣ очень понравилась.  
 Въ керпишномъ новамъ домѣ  
 Заразили черны брови.  
 Вамъ, падружки, невдагаду:  
 Принесъ милай винаграду.  
 Какъ не стыдно кавалеру  
 Полюбить таку халеру?!  
 Милка божецца, клянется,  
 Отворотятся—смѣется.  
 Ненаглядный мой товаришъ,  
 Зачѣмъ милку атбивасшь?  
 Давай, милка, съ табой знацца,  
 Пускай люди на насъ злятся.

Ужь я шуткай, ужъ я смѣхамъ,  
 На машину сѣлъ, паѣхалъ.  
 Дай гармонью мнѣ въ руки,  
 Паиграю ради скуки.  
 Не плачь, дѣвка, не плачь, красна:  
 Ты са мной была согласна.  
 Милка спить, а я лелѣю,  
 Разбудить ее жалѣю.  
 Конопатую, рябую  
 Нихто къ себѣ не люблю.  
 Безъ вниманья жить не буду,  
 Хоть рябую любить буду:  
 Милый женится, спать ляжетъ,  
 Па комъ страдалъ, все расскажетъ.  
 Голубенокъ ты мой тайнай,  
 На чужой старонкѣ дальней!  
 Падъ зелѣнымъ виноградомъ  
 Я сидѣла съ милымъ рядомъ.  
 Што-жь ты, миленькай, серчаешь?  
 Аль добра ва мнѣ не чаешь?  
 Што-жь я сдѣлала, зладѣйка!  
 Замужъ вышла маладенька!  
 Изъ Москвы пришли газеты  
 Шить малиновы кисеты.  
 Шоль мой милый трохтуаромъ:  
 Не то кликнуть, не то даромъ.  
 Ахъ, мой милай, мой харошай,  
 Хачу—люблю, хачу—брѣошу!  
 Не страдайте, дѣвки, даромъ:  
 Всѣ страдатели съ обманомъ!

Мы напечатали пѣсенки въ той крайне певыдержанной и непослѣдовательной транскрипціи, какую нашли въ рукописи. Цѣль наша—обратить вниманіе на этотъ видъ новѣйшей народной пѣсни. Надѣмся, что г.г. мѣстные этнографы не замедлятъ сообщить: гдѣ, когда, какъ и кто распѣваетъ „страданія“? давно ли послѣднія появились?

Д. Зеленинъ.

### Къ исторіи распространенія тайныхъ сектъ въ Прикамскомъ краѣ.

Занимаясь въ 1898 г. въ архивѣ бывшаго Сарапульскаго Духовнаго правленія, я встрѣтилъ здѣсь нѣсколько актовъ, проливающихъ свѣтъ на исторію появленія въ мѣстномъ краѣ сектанства.

Въ „секретномъ“ отношеніи изъ „Общаго—Сарапульскихъ Уѣзднаго суда и Городового Магистрата Присутствія“ отъ 4 іюля 1829 г. (№ 74) сообщаются слѣдующія давныя. Въ 1826 г. мѣщанинъ г. Сарапула Вас. Ѳед. Вихляевъ „признался“ сарапульскому протоіереев Анисимову въ томъ, что онъ, Вихляевъ, „къ согласію Грекороссійской церкви не относится, но принадлежитъ къ сектѣ, называемой *Духоборческою*“; основалъ же эту секту въ городѣ Сарапулѣ мѣщанинъ Гр. Зылевъ, который въ описываемое время (1826 г.) содержался, за свое „ересиучительство“ въ вятскомъ Успенскомъ монастырѣ. По словамъ Анисимова, къ той-же сектѣ принадлежали еще, кромѣ Василя Вихляева, мѣщане: Иванъ Вихляевъ и Вас. Сѣдовъ, „ученики Зылевскіе“. Послѣдній имѣлъ де жену православную, но рождаемыхъ отъ нея дѣтей къ крещенію не допускалъ. И, вообще, названныя лица „желали расплодить свою ересь, какъ черезъ обращеніе другихъ въ свое заблужденіе, такъ и чрезъ дѣтей своихъ“.

Такъ доносилъ въ вятскую консисторію протоіереев Анисимовъ, одновременно сообщившій о появленіи въ гор. Сарапулѣ ереси *скопческой*.

При инвалидной командѣ гор. Сарапула въ то время проживалъ унтеръ-офицеръ Григ. Ивановъ, котораго „одни почитали скопцомъ, а другіе—франкъ-массономъ“. Извѣстный въ городѣ подъ именемъ „солдата-фармазона,“ Ивановъ этотъ, по словамъ Анисимова, старался распространять среди сарапульскихъ жителей скопческую ересь. Такъ, онъ изъ-за жены своей, родящей дѣтей, яко бы по усыновленію держалъ въ домѣ своемъ возрастныхъ дѣвокъ, о которыхъ ихъ наружный видъ и ненатуральный цвѣтъ лица заставляли догадываться, что онѣ обращены въ его секту“. Родственникъ Иванова, мѣщанинъ Мих. Попковъ „съ

нѣкотораго времени измѣнился въ наружномъ и мужественномъ своемъ видѣ“, а когда ему Анисимовъ „объявилъ свое сомнѣніе о его скопленіи, то хотя онъ, Попковъ, и не сознался въ семъ, но примѣтнымъ образомъ отстаивалъ и защищалъ скопца Иванова, какъ преданный ему человѣкъ,—или уже скопленный или близкій къ тому“.

По поводу этого доноса протоіерея Анисимова сарапульскимъ городничимъ В. А. Дуровымъ, вмѣстѣ съ губерскими чиновниками, произведено было слѣдствіе. Григ. Ивановъ на этомъ слѣдствіи показалъ, что въ 1801 году, въ бытность свою крѣпостнымъ г-жи Голохвостовой (Калужской губ., Мещерскаго уѣзда, дер. Савиной), онъ былъ уговоренъ къ скопчеству крестьянами кн. Голицына и въ 1806 г. однимъ изъ этихъ крестьянъ, Федоромъ Филатовымъ, дѣйствительно, былъ оскопленъ. Потомъ, „желая скрыть свое скопчество отъ своей госпожи и управляющаго“, онъ женился на дѣвицѣ Варварѣ Матфеевой, а въ 1807 г. отданъ былъ въ военную службу.—Всѣ же другіе обвиняемые принадлежность свою къ ереси отрицали. Перемѣну въ своемъ внѣшнемъ видѣ они объясняли „сердечными болями“. Произведено было и медицинское освидѣтельство обвиняемыхъ, какъ то видно изъ поступившей потомъ въ вятскую духовную консисторію жалобы на протоіерея Анисимова въ томъ, что онъ „довелъ до посрамительнаго свидѣтельства дѣтородныхъ удовъ мѣщанина Попкова и дѣвокъ“ и что онъ, вообще, „преслѣдовалъ ереси, распространяющіяся въ Сарапулѣ не по разуму ревностно“.

Свидѣтельскія показанія подтвердили, что Ивановъ предлагалъ оскопленіе многимъ лицамъ, какъ въ городѣ, такъ и въ сосѣднемъ селѣ Нечкинѣ и, наконецъ, въ Ижевскомъ заводѣ, но всѣ отказывались. По словамъ нечкинскаго священника, Ивановъ „обольщалъ въ свою секту людей явленіемъ Христа, предлагающаго никогда неоскудѣваемаго сокровища“. Жившая нѣкоторое время въ домѣ Иванова на правахъ „усыновленной“, дѣвица села Печкина, Лукерья Шагалова, по возвращеніи домой, „совершенно отклонилась, какъ отъ сообщества съ людьми, такъ и отъ церкви; живетъ внѣ жительствова отъ семейства своего, въ особой избѣ, рыбы и мяса не употребляетъ и въ скромные дни питается однимъ молокомъ“.

Судъ отнесся очень гуманно къ обвиняемымъ. Въ протоколахъ цитуются евангельскія слова: „аще бысте вѣдали, что есть: милости хочу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали невинныхъ“. Всѣмъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ.

Главною причиною этой гуманности суда были, нужно думать, контры между городничимъ Дуровымъ и протоіереемъ Анисимовымъ. На послѣдняго даже, какъ уже упомянуто выше, посылались жалобы въ консисторію, но успѣха эти жалобы не имѣли.

Существованіе сильнаго религіознаго броженія среди сарапульскихъ мѣщанъ того времени вѣ всякаго сомнѣнія. О томъ свидѣтельствуетъ и слѣдующее дѣло мѣщанина Ник. Сав. Курочкина, разбиравшееся въ 1827 году. 24 февраля этого года Курочкинъ былъ призванъ по одному дѣлу въ Сарапульскій магистратъ. Здѣсь, будучи одинъ въ комнатѣ, онъ „схватилъ въ руки стоявшую на окнѣ освященную икону Христа Спасителя, ударилъ ее объ полъ и раскололъ пополамъ, такъ что отъ звука сего отворены были двери. Затѣмъ онъ поставилъ икону на окно внизъ головою и, вышедши изъ оной комнаты, говорилъ, что онымъ поклоняться не должно, а только одному Солнцу, и хулилъ оныя язвительно“.

Такъ доносилъ протоіерей Анисимовъ. Судьи были тѣ же самые: городничій Дуровъ съ губернскими чиновниками. Обвиняемый оправдывался, что онъ уронилъ икону ненамѣренно: „когда началъ снимать халатъ, то задѣлъ ее печаянно полою, отчего она и расколосась“. Судьи объясняли поступокъ Курочкина „неосторожностью и припадкомъ сумашествія“, въ обвинительномъ же приговорѣ Курочкинъ присужденъ былъ „за нетрезвое поведеніе къ долговременному содержанію подъ городскою стражею“.

Къ сказанному можно еще прибавить, что въ настоящее время среди населенія гор. Сарапула и его уѣзда сильно распространены самыя разнообразныя секты. Оффиціальныи миссіонерскій отчетъ за 1899 г. говоритъ о существованіи въ Сарап. и сосѣднемъ Елабужскомъ уѣздахъ молоканъ, скопцовъ, хлыстовъ, жидовствующихъ и духоборцевъ. По переписи 1897 года въ

Сарапульскомъ уѣздѣ представителей рационалистическихъ сектъ 89 лицъ мужского пола и 89 женскаго, мистическихъ—2 жен. пола и, кромѣ того, 4217 лицъ не указали своей секты или толка.

Д. Зеленинъ.

### Азань-юрты.

(Западно-сибирская легенда).

Въ книгѣ „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“, лишь 10 лѣтъ тому назадъ изданной, но теперь уже ставшей библиографической рѣдкостью,—извѣстный авторъ ея, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ Діонео, приводитъ интересную легенду, сложившуюся якутами, кочующими по рѣкѣ Лена, и одинаково извѣстную какъ якутамъ, такъ и русскимъ населенникамъ, разбросаннымъ по этой же рѣкѣ. Легенда эта рассказываетъ о завоеваніи русскими Якутской области, причемъ главный интересъ этой легенды содержится въ томъ, что она въ своеобразной формѣ воспроизводитъ и повторяетъ классическую легенду объ основаніи Карагана. Мнѣ лично удалось встрѣтить и записать подобную же легенду въ Западной Сибири въ предѣлахъ Тобольской губерніи; легенда эта приурочена къ обоснованію села Гилевскаго, Тюменскаго уѣзда на мѣстѣ стараго татарскаго селенія Азань-юрты и рассказываетъ о захватѣ русскими татарскихъ земель, прилегающихъ къ этому селу.

Записанная мною легенда несомнѣнно должна быть признана легендой древняго происхожденія,—о позднѣйшихъ заимствованіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Якутская область отстоитъ отъ Тюменскаго уѣзда на много тысячъ верстъ и объ якутахъ мѣстные крестьяне не имѣютъ понятія; о книжномъ вліяніи также нельзя серьезно говорить, въ виду почти полной неграмотности мѣстнаго крестьянства. Эти-то соображенія и побуждаютъ меня предать гласности записанную мною легенду.

Но прежде чѣмъ перейти къ ея изложенію, я позволю себѣ вкратцѣ изложить классическую легенду объ основаніи Карагана и привести полностью изъ книги Діонео его рассказъ о



якутскомъ Кароагенѣ,—это необходимо для проведенія аналогіи между всѣми этими сказаніями. Классическая легенда такова. Царица города Тира Дидона, опасаясь гнѣва своего деверя лютаго Пигмаліона, убившаго Сихея, мужа Дидоны, собрала своихъ единомышленниковъ, захватила съ собой несмѣтные богатства, принадлежавшія ей и алчному Пигмаліону, сѣла на корабль и бѣжала изъ родного города. Дидона пристала у береговъ Сѣверной Африки, къ которымъ примыкаютъ ливійскія степи, и просила гостепримства у одного изъ пунійскихъ царьковъ Ярба. Ярбу не хотѣлось отвести мѣсто для поселенія пришельцевъ, и Дидона пустилась на хитрость: она просила Ярба продать ей столько земли, сколько можно обмѣрить одною воловьею шкурою, и когда сдѣлка состоялась, Дидона изрѣзала шкуру на мелкія тесемки и ими обмѣрила и заняла земли столько, что могла построить значительный укрѣпленный городъ. Такъ царица Дидона обманула царя Ярба, и такъ возникъ Кароагенъ. За это мѣстные жители называли Кароагенъ бирсой, финикійскимъ словомъ, означавшимъ шкуру.

„Столько купили земли, отъ сего прозываемой Бирсой,  
Сколько воловьею шкурою могли окружить на побережьѣ“.

Виргилій. *Энеида*, кн. I.

Якутская легенда о завоеваніи русскими Якутской области, записанная г. Діонео со словъ стараго казака, живущаго на рѣкѣ Ленѣ, изложена такъ:

„Это было послѣ того, какъ Ермакъ Тимофеевичъ забралъ Сибирь и утонулъ въ Иртышѣ. Эсаулъ его Иванъ Кольцо и говоритъ тогда: коли онъ померъ, такъ и мнѣ мою голову почто жалѣть; пойду воевать дальше. Доспѣли казаки карбасы да поплыли пусто (исключительно) по рѣкамъ: одна рѣка кончится,—казаки карбасы на плечи и идутъ на проходъ пока пойдетъ другая. Посрединѣ зимовье построить. Немало рѣкъ такъ они проплыли, много инородцевъ побѣдили, но и самимъ страсть какъ худо бывало; приходилось и такъ, что своихъ же ѣли. Пришли наконецъ въ Якутскую землю. Собралось якутишекъ видимо-невидимо и лопочуть по-своему: „кяпса догоръ“—сказывайте, значить ребята, что хорошаго. „Я съ вами торгъ завести хочу,—говоритъ Иванъ Кольцо,—продайте мнѣ столько земли, сколько захва-

титъ бычья шкура“. Якуты продали. Извѣстно, что и говорить: звѣрье-звѣрьемъ были, звѣрьемъ и остались.

Только Иванъ Кольцо обмануль ихъ: шкуру разрѣзалъ на тонкіе ремни, оцѣпилъ большое поле, настроилъ башни и говорить: „теперь стану войновать съ вами“. Стали войновать“ и т. д. (Діонео: „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Стр. 228—229).

Однако казаки, хоть и владѣли огнестрѣльнымъ оружіемъ, не могли побѣдить якутовъ, которыми предводительствовалъ доблестный царь и богатырь Дыгынъ, и рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Казаки предложили якутамъ миръ; по заключеніи мира, Иванъ Кольцо пригласилъ къ себѣ въ гости Дыгына съ его свитой и всѣхъ ихъ убилъ. Якуты разбѣжались, и область осталась въ рукахъ казаковъ. Въ особой выноскѣ г. Діонео заявляетъ: „Эпизодъ съ бычачьей шкурой *буквально* взятъ съ якутскаго. Интересно слышать легенду о постройкѣ Караагена на крайнемъ сѣверо-востокѣ“. Я полагаю, что не менѣе интересно услышать подобную же легенду о Караагенѣ, сложенную въ Западной Сибири. Я перехожу теперь къ изложенію этой легенды, при чемъ я буду держаться только литературной формы изложенія; нельзя выдержать и сохранить народный стиль и говоръ въ изложеніи разсказа, слышаннаго въ изустной передачѣ не отъ одного, а отъ многихъ лицъ и не только русскихъ, но и отъ татаръ; я озабоченъ лишь фактической точностью въ передачѣ этого сказанія.

Вотъ эта легенда.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село Гилевское, ранѣе было татарское селеніе Азанъ-юрты. Въ давнее время, вѣроятно скорѣ послѣ завоеванія Сибири Ермакомъ, въ Азанъ-юрты пришелъ бѣдный мужичокъ крестьянинъ Гилевъ (имени и отчества его преданіе не сохранило). Гилевъ нанялся въ батраки къ богатому татарину, у котораго и прожилъ немалое время. За время своего проживанія въ батракахъ въ Азанъ-юрты, Гилевъ хорошо ознакомился и сблизился съ татарами этихъ юртъ. Однажды Гилевъ обратился къ татарамъ съ такой просьбой.

— Продайте мнѣ столько земли, сколько можно закрыть семью (7) кожами.

— Зачѣмъ тебѣ?—спросили татары.

— Я хочу на этой землѣ поставить себѣ избу,—объяснилъ Гилевъ.

Посмѣялись татары надъ простакомъ крестьяниномъ и продали ему на вѣчныя времена землю въ такомъ количествѣ, какое можно занять семью кожами.

Тогда Гилевъ взялъ семь воловьихъ кожъ и разрѣзалъ ихъ на тонкіе ремешки, которыхъ получилось столько, что Гилевъ могъ охватить ими всѣ Азанъ-юрты и громадныя пространства около этихъ юртъ: на западъ до границъ села Покровскаго (верстъ на 30), на востокъ до границъ села Липовскаго (верстъ на 30) и на сѣверъ до границъ юртъ Утяшевскихъ (верстъ на 40), и объявилъ татарамъ, что Азанъ-юрты теперь принадлежать ему и что татары должны немедленно убираться изъ этихъ юртъ, такъ какъ онъ самъ хочетъ здѣсь поселиться. Поняли татары свою ошибку и рѣшили убить Гилева. Но Гилевъ своевременно узналъ объ опасности и съ наступленіемъ ночи бѣжалъ: онъ сѣлъ верхомъ на лошадь—пѣгую кобылу, взятую имъ со двора своего же хозяина, и уѣхалъ изъ юртъ. Татары пустились въ погоню за Гилевымъ, но догнать его не могли, Гилевъ благополучно избѣжалъ опасности и скрылся. Татары вернулись домой довольные хоть тѣмъ, что избавились отъ опаснаго человѣка. Однако радость татаръ оказалась преждевременной: отдѣлаться отъ Гилева было не такъ легко; Гилевъ былъ не простой человѣкъ, онъ былъ человѣкъ особенный и знающій: онъ вѣдался съ нечистою силой. Передъ побѣгомъ своимъ Гилевъ запустилъ въ Азанъ-юрты кикимору, которая и помогла Гилеву въ его борьбѣ съ татарами.

Запущенная Гилевымъ кикимора немедленно же принялась по своему хозяйничать въ татарскихъ домахъ, съ наступленіемъ ночи кикимора принималась въ каждомъ татарскомъ домѣ стучать, гремѣть, производила шумъ и крикъ и всяческій непорядокъ, бросала вещи съ мѣста на мѣсто и всѣмъ этимъ окончательно извела татаръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и страшнѣе проявляла себя кикимора. Поняли татары, что все это штуки Гилева. Долго терпѣли они и всѣми мѣрами старались отдѣлаться отъ кикиморы, приглашали даже муллу и совершали моленія, но ничего не могли сдѣлать и не могли отдѣлаться отъ страшной гостии. Въ концѣ запуганные, татары одинъ за другимъ стали бросать родныя мѣста и расселились по сосѣднимъ юртамъ.

Азань-юрты обезлюдѣли. Тогда вернулся Гилевъ и завелъ поселокъ, который и назвалъ своимъ именемъ—село Гилевское. И до сего времени село Гилевское не только у мѣстныхъ жителей, но и далеко въ окрестности извѣстно подъ названіемъ Азань-юрты.

П. А. Городцовъ.

Іюль 1905 г.

## Ч у д ь.

(Западно-сибирская легенда).

Деревня Чеганова Гилеволыповской волости Тюменскаго уѣзда раскинулась по песчаной и холмистой мѣстности, составляющей часть невысокаго, но длиннаго увала, или, по мѣстному выраженію, гривы; увальъ этотъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ и покрытъ сосновымъ лѣсомъ. Въ юго-западной части увальъ оканчивается неровнымъ и обрывистымъ песчанымъ откосомъ, спускающимся къ озеру—рукаву рѣки Тобола. Песчаный обрывъ этотъ даетъ возможность опредѣлить залегающій въ верхней части его культурный слой значительной толщины. На пескѣ я безъ труда усмотрѣлъ одно громадное кострище и неподалеку отъ него два другихъ кострища поменьше. Угольки всѣхъ этихъ кострищъ вѣдрили въ песчаный слой, окрашенный въ буроватый цвѣтъ и лежащій непосредственно подъ культурнымъ слоемъ. Такимъ образомъ кострища эти обнаружались лишь потому, что верхніе слои были разрушены и спесены. На этомъ мѣстѣ разбросано много осколковъ глиняной посуды несомнѣнно древняго происхожденія; орнаментъ посуды разнообразенъ; встрѣчается точечный, пунктирный орнаментъ, а также въ формѣ ломанаго зигзага и въ видѣ параллельныхъ черточекъ. Глиняная посуда была довольно хорошаго обжига, но сдѣлана крайне грубо отъ руки. Никакихъ другихъ издѣлій—кремневыхъ, костяныхъ и металлическихъ—я не нашелъ. На рукахъ у мѣстныхъ крестьянъ въ настоящее время тоже не имѣется никакихъ вещей. Я случайно набрелъ на это мѣсто во время моихъ прогулокъ въ

окрестностях деревни Чегановой и сразу же понял археологическое его значеніе.

Я сталъ бесѣдовать съ крестьянами о значеніи этого мѣста и услышалъ разсказъ о чуди, древнемъ народѣ, обитавшемъ на этомъ увалѣ и исчезнушемъ при появленіи русскихъ. Вотъ этотъ разсказъ.

Во времена очень древнія, когда въ этихъ мѣстахъ не было не только русскихъ, но и татаръ,—на увалѣ жилъ дикій народъ чудь. Люди этого народа были ростомъ малы, почти что въ половину роста нашихъ русскихъ людей, не больше какъ аршина въ полтора величиною. „Чудь“ были люди дикіе и жили въ землянкахъ, которыя они строили такъ: копали яму въ землѣ, посрединѣ ямы ставили столбъ, на которомъ закрѣпляли жерди и доски для крыши; сверху засыпали крышу землей, и жилище готово. Повидимому, люди эти были богатые, у нихъ было много серебряной и мѣдной посуды; осколки этой посуды иногда находили мѣстные крестьяне. Несомнѣнно, „чудь“ занималась хлѣбопашествомъ, такъ какъ иногда крестьяне находили желѣзные сошники, причемъ сошники эти были крайне малаго размѣра, не больше кисти руки взрослого человѣка, и можно, поэтому, полагать, что „чудь“ еще не знала лошадиной тяги и пахала землю не лошадьми, а на себѣ.

Въ тѣ времена въ здѣшнихъ мѣстахъ росъ только красный лѣсъ, чернолѣсъя же и особенно березы люди совсѣмъ не знали—и не видали. Съ теченіемъ времени въ лѣсахъ появилось бѣлое дерево—береза, и чудь стала размышлять о значеніи этого необывалаго явленія и, по разсужденіи, рѣшила, что появился бѣлый царь, который овладѣетъ этими мѣстами подобно тому, какъ бѣлое дерево распространило свое владычество въ этихъ мѣстахъ. Чудь пришла въ ужасъ отъ этого обстоятельства и порѣшила: лучше намъ умереть своею смертью отъ своей руки, чѣмъ принять смерть отъ руки чужеземныхъ пришельцевъ. И вотъ въ одинъ и тотъ же день „чудь“ собралась—каждая семья въ свою землянку, забрали туда всѣ свои пожитки и сокровища, подрубали столбы,—крыша рухнула и задавила дикарей. Такъ прекратила свое существованіе чудь.

Легенда о чуди имѣетъ громадное распространеніе въ пре-

дѣлахъ Тобольской губерніи и извѣстна чуть ли не въ каждой деревнѣ. Даже въ городѣ Тюмени ее знаютъ и приурочиваютъ къ такъ называемому Цареву городищу.

П. А. Городцовъ.

Іюль 1905 г.

### Семь сказокъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

#### 1.

Въ прежнія времена какъ-то одна мышь сидѣла у входа въ свою норку. Въ это время неожиданно пошелъ съ неба градъ п горошинкой града переломило мыши бедровую кость. Мышь съ мѣста пустилась въ бѣгство. Продолжая бѣжать, она встрѣтила медвѣдя.

— Отъ кого ты такъ быстро убѣгаешь?—спросилъ медвѣдь у мыши.

— На нашъ аулъ напалъ непріятель, я ранена въ бедро: вотъ почему я убѣгаю,—отвѣтила мышь.

— О, если непріятель приближается, тогда и я бѣгу съ тобою, сказалъ медвѣдь.

И вотъ, медвѣдь, продолжая путь съ мышью, встрѣтилъ на дорогѣ тигра.

— Отъ кого вы такъ быстро убѣгаете?—спросилъ у нихъ тигръ.

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы ранены оба въ бедро,—отвѣтили (медвѣдь и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказалъ (тигръ).

Продолжая втроемъ путь, они встрѣтили на дорогѣ волка.

— Отъ кого вы такъ быстро убѣгаете?—спросилъ (волкъ) трехъ бѣгущихъ.

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра,—отвѣтили (тигръ, медвѣдь и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказалъ (волкъ).

Убѣгая вчетверомъ, они встрѣтили на дорогѣ лисицу.

— Отъ кого вы такъ быстро вчетверомъ убѣгаете?—спросила (лисица).

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра,—отвѣтили (тигръ, медвѣдь, волкъ и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказала (лисица).

Продолжая путь впятеромъ, они встрѣтили на дорогѣ барсука.

— Отъ кого вы впятеромъ такъ быстро убѣгаете?—спросилъ (барсукъ).

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра, вотъ почему и убѣгаемъ,—отвѣчали (тигръ, медвѣдь, волкъ, лисица и мышь).

Находясь много дней и ночей вшестеромъ въ пути, пріятели очень проголодались и, не зная, какъ утолить голодь, они обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь, дядю-тигра всѣ мы почитаемъ: кто жъ его тронеть; волкъ намъ доставляетъ вѣсти, кто жъ его тронеть; лисица нашъ есаулъ (разсылный): кто жъ ее тронеть; а барсукъ намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть,—сказала мышь.

Итакъ, разорвали его на части и съѣли.

Продолжая свой путь, черезъ нѣсколько дней товарищи опять проголодались и снова обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ, кто жъ его тронеть; медвѣдь наша сестрица: кто жъ ее тронеть; волкъ намъ доставляетъ вѣсти: кто жъ его тронеть, а лисица намъ никто, такъ будемъ рвать ее и ѣсть,—сказала мышь.

Разорвали лисицу и съѣли.

Пропутешествовавъ вчетверомъ еще нѣсколько дней, товарищи снова проголодались и опять обратились къ мыши за совѣтомъ.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ, кто жъ его тронеть; медвѣдь наша сестрица: кто жъ ее тронеть, а волкъ намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть.

Набросились на волка, разорвали и съѣли.

Теперь пріятели продолжали путь втроемъ.

Проведя въ дорогѣ нѣсколько дней, они проголодались и опять обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ: кто жъ его тронетъ, а медвѣдь намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть.

Разорвали медвѣдя и съѣли.

Наконецъ, тигръ и мышь остались вдвоемъ и отправились далѣе въ путь. Прошло нѣсколько дней въ дорогѣ. Тигръ и мышь проголодались.

Уставъ отъ длинной дороги, они улеглись отдохнуть, но только въ разныхъ мѣстахъ.

Оказывается, когда обдирали медвѣдя, мышь украла себѣ про запасъ два глаза медвѣдя. И вотъ, теперь, когда улеглись, стала втихомолку ѣсть припрятанные ею глаза.

— Что ты это кушаешь?—спросилъ тигръ.

— А я не могла болѣе вынести голода, вырвала себѣ оба глаза и вотъ теперь ихъ ѣмъ,—сказала мышь.

— Въ такомъ случаѣ и я вырву себѣ оба глаза,—сказалъ тигръ. И, вырвавъ оба глаза, съѣлъ ихъ.

Послѣ того ослѣпшій тигръ подохъ, а хитрая мышь много-много дней лакомила мясомъ тигра и, спустя много времени, благополучно вернулась къ себѣ въ нору.

## 2.

„Лучше смѣтливый врагъ, чѣмъ глупый другъ“, говоритъ пословица, оставленная намъ предками нашими.

Однажды ни съ того, ни съ сего въ степи, заросшей кустарнымъ лѣсомъ, случился пожаръ. Тамъ въ это время, оказывается, ползала змѣя. Огонь захватилъ ее со всѣхъ сторонъ, и она, не зная, какъ спастись, шипя, кидалась во всѣ стороны. Какъ разъ въ это время проходилъ одинъ человѣкъ и, желая спасти змѣю, взялъ длинный шестъ, привязалъ къ концу торбу и поднесъ къ змѣѣ. Видя свое спасеніе, она сейчасъ же вскочила въ торбу, и человѣкъ такимъ путемъ спасъ ее.

Когда змѣя была выпущена изъ торбы, она все время преслѣдовала человѣка, обвивала его ногу и, шипя, угрожала, что она его ужалитъ на-смерть.

— О, негодная тварь! Развѣ я не сдѣлалъ тебѣ добра? Развѣ за добро не отплачивается добромъ?—сталъ укорять человѣкъ змѣю.



— Я представительница зла, поэтому оплачиваю за добро зломъ,— сказала змѣя.

— Нашъ споръ долженъ выяснитъ кто-нибудь,— сказалъ человѣкъ.

Вотъ они подошли къ одной раскидистой ивѣ и спросили ее:

— О, древо, за добро добромъ оплачивается или же зломъ?!

— За добро оплачивается зломъ. А ежели вы спросите: „почему такъ?“—на это я вамъ скажу слѣдующее. Много уже лѣтъ я расту на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ знойное время года подъ моею тѣнью находятъ себѣ спасеніе всѣ проѣзжающіе спутники. Они отдыхаютъ и спятъ въ прохладѣ, а когда уѣзжаютъ, люди эти безжалостно ломаютъ мои прутья и сучья. Гдѣ же тутъ справедливость, гдѣ же тутъ „за добро—добро“, отвѣтила ива.

— Вотъ, слышишь, я теперь тебя сейчасъ проглочу,—воскликнула змѣя.

— Ты не торопись, мы спросимъ еще кого-нибудь,— сказалъ человѣкъ.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, они встрѣтили черную корову.

— О, созданіе Божіе! за добро добромъ оплачивается или же зломъ?

— Конечно, за добро оплачивается зломъ,—отвѣтила корова.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ человѣкъ.

— Когда меня купилъ человѣкъ, я была еще телкой. Это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Потомъ я выросла и стала рожать, дѣти мои стали тоже рожать; и такъ изъ меня образовалось потомство въ сорокъ душъ. Значитъ, „сколько я принесла хозяину пользы, а онъ въ благодарность даже не кормилъ меня, и теперь, на старости лѣтъ, хочетъ продать на зарѣзъ мяснику. Ну, скажите, гдѣ жъ тутъ справедливость, гдѣ жъ тутъ „за добро—добро?“—кончила корова.

Въ это время змѣя собралась, было, проглотить человѣка, но человѣкъ, сказавъ: „Потерпи еще на этотъ разъ“—сталъ продолжать путь дальше.

Шли они долго, пока не встрѣтили одного человѣка съ бѣлой бородой.

Тогда человѣкъ и змѣя обращаются къ бѣлобородому человѣку съ своимъ вопросомъ.

— Скажи мнѣ, какимъ способомъ ты вытащилъ изъ огня змѣю?—спросилъ бѣлобородый.

— А я привязалъ къ шесту торбу и поднесъ къ змѣѣ, она выпрыгнула туда,—сказалъ человѣкъ.

— Ой, мнѣ что-то не вѣрится, чтобы змѣя могла помѣститься въ торбѣ; а ну-ка, попробуй ее посадить туда,—сказалъ бѣлобородый.

Въ это время змѣя въ одинъ мигъ шмыгнула въ торбу. Тогда два человѣка, крѣпко завязавъ отверстіе торбы, начали изъ всей силы бить торбу о землю. Змѣя подохла.

Когда змѣя подохла, человѣкъ сказалъ бѣлобородому человѣку:

— О, другъ мой, есть пословица, что „жестокому и глупому добра дѣлать нельзя“.

Я вамъ сейчасъ расскажу одну сказку. Въ прежнія времена былъ одинъ царь. Онъ не довѣрялъ людямъ, поэтому тѣлохранителемъ у своей постели поставилъ ученую обезьяну, давъ ей въ руки обнаженную шашку. „Кто бы ко мнѣ ни приближался, ты руби его!“—наказалъ строго царь обезьянѣ.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ царь, находился извѣстный всѣмъ воръ. Вотъ онъ задумалъ украсть царскую казну. А чтобы попасть туда, онъ рѣшилъ подкопать дворецъ. Сдѣлавъ подкопъ, онъ какъ разъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ спалъ царь. Смотритъ, царь спитъ, и по немъ ползетъ большой навозный жукъ, и тутъ же стоитъ обезьяна, замахнувшись шашкою, чтобы убить жука.

— Стой, что ты дѣлаешь!—закричалъ воръ на обезьяну.

Обезьяна вздрогнула отъ неожиданнаго оклика и не могла нанести ударъ, а царь отъ крика проснулся и открылъ глаза.

Смотритъ, стоитъ одинъ человѣкъ.

— Что ты за человѣкъ? по какимъ дѣламъ здѣсь?—спросилъ царь у вора.

— О, тахсыръ (господинъ), я знаменитый воръ и не могу никакъ сдержатъ своихъ воровскихъ порывовъ. Я забрался сюда, чтобы украсть вашу казну. Когда вошелъ въ эту комнату, то увидѣлъ, что по васъ ползетъ навозный жукъ. Обезьяна, вашъ тѣлохранитель, завидя жука, замахнулась на него шашкой,

чтобы нанести ударъ, а я въ этотъ моментъ вскрикнулъ: „Стой, что ты дѣлаешь?“ Обезьяна испугалась и выронила изъ рукъ пашку. И вотъ такимъ способомъ спасъ васъ отъ смерти,—сказалъ воръ.

— Спасибо тебѣ, ты молодецъ, воскликнулъ царь—и, давъ вору много денегъ, отпустилъ его съ миромъ.

Разсказавъ эту сказку, человѣкъ, обратясь къ бѣлобородому, сказалъ:

— Ужъ подлинно, что „жестокому и глупому добра дѣлать нельзя“.— Затѣмъ продолжалъ:—Вѣдь вотъ и корова на подобіе обезьяны, не что иное—какъ глупый другъ. Гдѣ жъ видано, чтобы Богъ запретилъ человѣку рѣзать или продавать свою корову?

Поговоривъ такъ, спутники разошлись по разнымъ сторонамъ (Обѣ эти сказки переведены съ рукописи киргиза Ауліеатинскаго уѣзда, Чунгирской волости, Ирмухамеда Нуршанова).

## 3.

Въ прежнія времена былъ одинъ ханъ; у него была красавица дочь. Въ дѣвицу эту были влюблены всѣ цари, всѣ богатыри и всѣ дивы. Въ тѣ времена жилъ одинъ величайшій дивъ, который также былъ влюбленъ въ эту дѣвицу. Вотъ онъ послалъ къ хану свата, сказавъ: „пусть онъ выдастъ за меня дочь свою“.

— Дочь свою я не выдавалъ даже за царскихъ сыновей, а за кефира (невѣрнаго) дива, никогда не выдамъ. Кромѣ того, я далъ полную волю дочери моей: за кого она захочетъ, за того и выйдетъ,—сказалъ ханъ посланному.

Когда сватъ вернулся отъ хана и доставилъ его отвѣтъ, дивъ очень разгнѣвался и рѣшилъ идти войною на хана. И вотъ, собравъ большое войско, онъ предпринялъ походъ на городъ хана. Когда дивъ подошелъ къ городу, то увидѣлъ многочисленное войско. Оказывается, ханъ, на всякій случай, тоже приготовился встрѣтить врага.

Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжалась кровопролитная война, и дивъ въ концѣ концовъ одержалъ побѣду и занялъ городъ.

Когда дочь хана узнала о побѣдѣ дива, дабы не подвергнуть свой народъ гибели, она послала къ диву своего человѣка съ извѣщеніемъ, что готова выйти въ замужество за такого богатыря, какъ онъ, дивъ, но съ однимъ лишь условіемъ, чтобы онъ праздновалъ ея свадьбу 40 дней и устраивалъ для народа веселье въ теченіе 40 дней, такъ какъ она ханская дочь.

Дивъ согласился на предложеніе дѣвицы и приступилъ къ свадебному торжеству. Когда всѣ торжества приближались уже къ концу и дивъ собирался обвѣнчаться по языческому обычаю съ ханскою дочерью, пріѣхалъ въ городъ извѣстный богатырь, по имени Кызыль-батырь, со своими приближенными людьми и, прямо проѣхавъ къ урдѣ (дворцу) ханской дочери, вызвалъ ее на улицу.

Узнавъ объ этомъ, дивъ, облачившись въ доспѣхи, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо въ урду къ дѣвицѣ, чтобы снести и ей голову и Кызыль-батыру. Когда дивъ приближался къ урдѣ, то увидѣлъ ханскую дочь разговаривающею съ Кызыль-батыромъ.

— О, Кызыль-батырь, ты представитель богатырей отъ мусульманъ, а я представитель богатырей отъ дивовъ, и оба мы влюблены въ одну и ту же дѣвицу. Я вовсе не желаю застрѣлить тебя врасплохъ, а горю нетерпѣніемъ помѣриться съ тобою силами!—воскликнулъ дивъ, подѣзжая.

— Это ты дѣло говоришь,—отвѣтилъ Кызыль-батырь.

— Такъ какъ я старше тебя, то и стрѣлять буду первый,—замѣтилъ дивъ.

— Стрѣлай,—сказалъ Кызыль-батырь.

Когда дивъ выстрѣлилъ въ Кызыль-батыра, то боевой конь его (тулфаръ) подскочилъ къ небу, такъ что стрѣла пролетѣла подъ лошадей, не причинивъ никакого вреда Кызыль-батыру.

Послѣ того настала очередь стрѣлять Кызыль-батыру. Онъ выстрѣлилъ и убилъ дива. Потомъ Кызыль-батырь тутъ же обвѣнчался съ ханскою дочерью.

Оказывается, дочь хана съ умысломъ выговорила 80 дней на свадебное торжество, чтобы дождаться прибытія своего возлюбленнаго Кызыль-батыра, который могъ бы ее спасти и вступить съ нею въ бракъ, чего она, благодаря уму своему, и добилась. Недаромъ говоритъ пословица: „Конецъ терпѣнья—золото“.

(Переведено съ рукописи киргиза Казалинскаго уѣзда, Кучербаевской волости, Ходжабая Амалдыкова).

4.

Въ прежнія времена одинъ человѣкъ, слѣпой на оба глаза, предъявилъ свои права на жену одного человѣка со здоровыми глазами.

— О, люди справедливые, жена моя будучи недовольной, что я слѣпой, познакомилась съ постороннимъ мужчиной, сбѣжала съ нимъ и неизвѣстно гдѣ скрывалась. Сегодня я случайно нашель ее,—кричалъ въ слезахъ на улицѣ слѣпой человѣкъ, ухватившись за платье своей жены.

Все собравшіеся на улицѣ на крикъ слѣпому люди были увѣрены, что слѣпой говоритъ правду.

Слѣпой повель женщину вмѣстѣ съ мужчиной къ бію (судьѣ) и говорить:

— О, таксыръ (господинъ)! Вотъ эта женщина была моя жена, а этотъ неизвѣстный мужчина, сбивъ ее съ пути, забралъ ее къ себѣ. Сегодня только я ее нашель и привель къ вамъ. О, таксыръ, разберите дѣло мое и возвратите мнѣ жену!—сказалъ слѣпой бію.

Бій усѣлся и сталъ разбирать дѣло.

— Что вы скажете на это?—спросилъ бій у женщины и у зрячаго мужчины.

Тогда женщина говорить:

— Я жена вотъ этого зрячаго человѣка, а слѣпому я совсѣмъ не знаю.

Человѣкъ со здоровыми глазами говорить:

— Женщина эта дѣйствительно жена моя, съ которою я повѣчанъ и за которую я заплатилъ калымъ. Слѣпому этого я пріютилъ у себя изъ жалости, желая совершить богоугодное дѣло. Значить, за все мое добро вотъ онъ чѣмъ отплачиваетъ мнѣ.

Послѣ того бій всѣхъ трехъ тяжущихся разсадилъ въ трехъ отдѣльныхъ юртахъ и незамѣтно имъ поставилъ снаружи людей подслушивать.

— О, Боже, чѣмъ я тебя прогнѣвала, что ты послалъ ко

мнѣ какого-то слѣпого? О, не допусти, Господи, чтобы я попала въ руки этого слѣпого,—рыдала женщина въ своей юртѣ.

— О, лживый слѣпой, Всесильный Богъ покараетъ тебя, ты получишь отъ Него возмездіе. Зачѣмъ ты мстишь мнѣ за мое къ тебѣ добро?—разражался вздохами зрячій человѣкъ.

— О, ты слѣпой! ты затѣялъ ловкое дѣло. Если Богъ поможетъ, будешь ты имѣть жену,—ехидничалъ вслухъ слѣпой.

Подслушивающіе люди объ услышанныхъ ими разговорахъ подробно сообщили бію и заявили, что женщина принадлежитъ мужчинѣ съ зрячими глазами.

Когда біи потребовалъ къ себѣ всѣхъ трехъ тяжущихся людей и объявилъ имъ о томъ, о чемъ они размышляли вслухъ, оставаясь каждый въ отдѣльной юртѣ, раздосадованный слѣпой, за свою оплошность, прикусилъ свой палецъ до крови и застылъ въ такомъ положеніи.

Тогда біи вручилъ женщину зрячему человѣку, какъ его жену, а слѣпого подвергъ наказанію за клевету.

(Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда, Акташской волости, Мулла-Али Махди-баева.)

## 5.

Однажды озерная лягушка и сусликъ завели между собою тѣсную дружбу. Въ одинъ изъ дней сусликъ говоритъ лягушкѣ:

— О, другъ, я давно жажду услышать твое пѣніе. Да вотъ все не удавалось свидѣться съ тобою. Знаешь, вѣдь, дѣла житейскія, все приходится рыскать по степи, ради глотки своей. Такъ вотъ, чтобы мнѣ не сожалѣть и не раскаиваться потомъ, дай ты мнѣ знать, когда придетъ охота тебѣ пѣть.

Лягушка, сказавъ: „хорошо“, раздобыла длинную нитку, одинъ конецъ ея привязала къ ногѣ суслика, а другой конецъ къ своей ногѣ.

— Когда я дерну за нитку, ты будь готовъ слушать мое пѣніе,—сказала лягушка и нырнула на дно озера.

Въ одинъ изъ дней (сусликъ), по знаку лягушки, прибѣжалъ къ озеру и плотно прильнулъ къ берегу, чтобы послушать пѣніе лягушки. Въ это время откуда ни возьмись, появилась на небѣ птица-мышеловъ, схватила суслика и поднялась вверхъ. За сус-

ликомъ потянулась и квакающая лягушка; вѣдь, помните, она тоже привязала одинъ конецъ нитки къ своей ногѣ.

— Тысячу разъ будь проклятъ отецъ того, который заводитъ дружбу съ постороннимъ существомъ,—повторяла лягушка, увлекаемая мышеловомъ къ небесамъ.

Итакъ, лягушка, по глупости своей, погибла вмѣстѣ съ сусликомъ.

(Переведена съ рукописи сарга города Чимкента, Мулла Османа.)

6.

Въ древнія времена жилъ одинъ царь, котораго звали Абдуль-Меджидомъ. Однажды въ тѣ времена одинъ человѣкъ купилъ у другого человѣка кусокъ земли. Когда этотъ человѣкъ сталъ распахивать купленную свою землю, нашель въ землѣ корчагу, наполненную золотыми тиллями. Тогда купившій землю человѣкъ пришелъ къ продавшему и говорить:

— Въ нѣдрахъ проданной тобою земли я нашель корчагу, наполненную золотыми тиллями. Ты, должно быть, ихъ тамъ забылъ. Приди и возьми.

Продавшій землю отвѣтилъ:

— Я тебѣ продалъ землю какъ есть. Сколько разъ я пахаль эту землю; если бы тилли принадлежали мнѣ, то я развѣ не нашель бы ихъ? Нѣтъ, это твое счастье, бери ихъ себѣ.

Купившій землю сказалъ:

— Я вѣдь покупалъ только одну землю, а тилли твои, я не возьму.

Поспоривъ такъ, оба человѣка пришли къ царю Абдуль-Меджиду.

Царь, узнавъ, въ чемъ дѣло, обратился къ своимъ визирямъ съ вопросомъ:

— Если эти два человѣка отказываются принять тилли, найденныя въ землѣ, то кто же ихъ долженъ получить?

Тогда одинъ изъ визирей сказалъ:

— Богатство, извлеченное изъ земли, должно принадлежать царю“.

На это царь Абдуль-Меджидъ въ гнѣвѣ отвѣтилъ:

— Не боишься ты Бога, дуракъ ты этакій. Продавшій землю отъ этого золота отказывается, купившій землю тоже отказывается. Зачѣмъ же оно будетъ принадлежать мнѣ. Вѣдь не зарывалъ же это золото кто-либо изъ моихъ предковъ.

— О, государь мой, надо бы спросить продавца и покупателя земли, имѣютъ ли они сыновей и дочерей. Если они имѣютъ, то надо ихъ дѣтей поженить и золото найденное раздѣлить между ними,—сказалъ другой визирь.

Царь спросилъ:

— „Кто изъ васъ имѣетъ дочь и кто сына?

Тогда, продавшій землю отвѣтилъ, что онъ имѣетъ сына, а купившій землю сказалъ, что онъ имѣетъ дочь.

Царь потребовалъ къ себѣ сына и дочь помянутыхъ двухъ человѣкъ и приказалъ повѣнчать ихъ.

Сына звали Гаруномъ, а дочь Салимъ.

Помянутыя тилли царь приказалъ отдать молодымъ.

Увидѣвъ тилли, Салимъ произнесла:

— О, Гарунъ я имѣю кое-что сказать тебѣ.

— Говори,—сказалъ Гарунъ.

— Какъ же мы примемъ это золото, когда не приняли его наши отцы. Вѣдь неизвѣстно, отъ кого осталось это богатство. Если мы въ этомъ тлѣнномъ мірѣ проживемъ, пройдемъ это богатство, которое вовсе намъ не принадлежитъ, какой же мы дадимъ отвѣтъ въ загробномъ мірѣ? Нѣтъ, другъ мой, мы лучше заявимъ просьбу царю, чтобъ онъ насъ избавилъ отъ этого добра. Скажемъ ему, что Всевышній, создавая человѣка, заранѣе отмѣчаетъ на его челѣ, сколько ему прожить и питаться. И что, молъ, когда продуктъ питанія изсякнетъ, тогда и мы должны умереть. А чужого добра намъ не надо,—сказала Салимъ.

Представъ передъ царемъ, Салимъ начала:

— О, Государь, будь справедливъ къ намъ, избавь ты насъ отъ бѣды. Возьми обратно данное тобою намъ золото, отъ котораго отказались отцы наши. Ты знаешь, государь: создавая насъ, Творецъ Всевышній впередъ опредѣлилъ намъ количество питанія, и мы, истощивъ это питаніе, должны умереть.

Царь, пораженный честностью и скромностью Салимы, воскликнувъ: „Хвала тебѣ отъ Бога!“ принялъ обратно золото отъ



Гаруна и Салимы и, наградивъ ихъ щедро отъ себя, отпустилъ домой.

— Что же мы теперь станемъ дѣлать съ этими тиллями?—спросилъ царь у визирей.

Тогда одинъ изъ визирей посоветывалъ зарыть эти тилли въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда они были извлечены; другой визирь по имени, Абдуль-Алимъ, сказалъ, что нельзя зарывать обратно въ землю богатство, которое Самъ Господь обнаружилъ. Это золото надобно употребить на какое-нибудь доброе дѣло. Было бы очень полезно устроить огромный садъ, засадивъ его разными фруктовыми деревьями, и дать возможность пользоваться плодами разнымъ вдовамъ и сиротамъ.

Советъ этотъ очень понравился царю и визирямъ.

— О, мой всевѣдущій визирь Абдуль-Алимъ! возьми это золото и распорядись имъ по своему усмотрѣнiю такъ, чтобы было хорошо и полезно,—сказалъ царь.

Послѣ того визирь Абдуль-Алимъ объявилъ по всей странѣ, что хочетъ приобрѣтать фруктовыя деревья. И вотъ къ нему стали доставлять изъ горъ и изъ всѣхъ садовъ деревья. Накупилъ онъ ихъ 90.000 корней и заплатилъ 90.000 тиллей.

Выбравъ самое лучшее мѣсто, онъ приказалъ разсадить деревья. А оставшіяся тилли онъ роздалъ тридцати лучшимъ садовникамъ, чтобы они въ три года привели садъ въ лучшее состояніе.

По истеченіи трехъ лѣтъ садъ сталъ великолѣпенъ, онъ такъ разросся и такъ былъ густъ, что было темно ходить по немъ, а фрукты такъ и унизывали деревья.

Въ одинъ изъ дней, когда въ саду отъ густоты деревьевъ стало совсѣмъ мрачно и темно, по могуществу Бога, вдругъ появилось въ разныхъ мѣстахъ сада 10.000 деревьевъ, унизанныхъ алмазами и прочими драгоценными перлами. Отъ блеска лучей этихъ драгоценныхъ камней нельзя было отличить день отъ ночи, ночь отъ дня. Всѣ плоды на деревьяхъ, скрывающіеся до того между листвою, можно было различать совсѣмъ ясно.

Видя такое чудо, визирь Абдуль-Алимъ совсѣмъ растерялся. Онъ и радовался, и страхъ его какой-то забиралъ.

Наконецъ, онъ предсталъ передъ царемъ и сказалъ:

— О, мой государь, не угодно ли будетъ тебѣ оказать мнѣ милость и осмотрѣть мой садъ.

Царь Абдуль-Меджидъ обѣщался прибыть въ сопровожденіи своихъ визирей и прочихъ сановниковъ.

Визирь Абдуль-Алимъ приготовился принять своего повелителя елико возможно пышно. Какихъ только онъ яствъ, какихъ только кушаній онъ не приготовилъ.

Вотъ пріѣхалъ царь и сталъ любоваться садомъ. Немного погода, одинъ изъ садовниковъ передъ нимъ выставилъ на ска-терти фрукты.

Посмотрѣвъ на чудные фрукты, царь произнесъ, обращаясь къ садовнику:

— О, другъ мой, эти плоды предназначены не мнѣ и не мнѣ подобнымъ. Ими должны пользоваться бѣдныя, немощныя вдовы и сироты.

Въ это время одинъ человѣкъ, чтобы доставить царю, сорвалъ съ дерева одинъ плодъ, унизанный алмазами. Какъ только онъ сорвалъ этотъ плодъ, у него тутъ же омертвѣли обѣ руки. Несчастный человѣкъ упалъ на землю и зарыдалъ горькими слезами. Дали сейчасъ же знать о случившемся царю Абдуль-Меджиду. Увидя пострадавшаго человѣка, царь тутъ же, совершивъ намазъ (молитву) въ два поясныхъ поклона, обращаясь въ слезахъ къ небу, воскликнулъ:

— О, Боже милостивый, умоляю Тебя, ради пророка Аврета Исмаила, исцѣли этого несчастнаго раба Твоего.

Богъ внялъ мольбѣ царя и исцѣлилъ руки пострадавшаго человѣка.

Послѣ того царь объявилъ всѣмъ, чтобы они пользовались плодами того сада, но, Боже упаси, чтобы плодовъ, унизанныхъ драгоценными перлами, они не трогали, иначе у нихъ отсохнутъ руки.

Садъ этотъ долженъ просуществовать до самого страшнаго суда, и онъ, говорятъ, носить названіе *Мазандаранъ*. Въ немъ, сказываютъ, живутъ дикіе люди, обезьяны и много другихъ твореній.

Да, правдивость и честность всегда хороши.

(Переведено съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акджарской волости, аула Чаръ-Фуладъ, Мулла-Кубея Токфулатова )

## 7.

Въ древнія времена жилъ знаменитый охотникъ, по имени Истанъ. Однажды, охотясь въ горахъ, онъ запоздалъ и не могъ вернуться домой. Оставшись тамъ же, въ горахъ, онъ сталъ себѣ варить дичь. Когда мясо поспѣло и Истанъ сталъ его ѣсть, къ нему подошла одна молодая женщина. Всмотрѣвшись хорошенько въ женщину, охотникъ увидаль, что женщина эта совсѣмъ не похожа на обыкновенныхъ женщинъ. Чтобы разглядѣть ее, охотникъ далъ ей, воткнувъ на ножикъ, кусочекъ мяса. Она приняла это мясо, тщательно закрывъ руку рукавами платья. Затѣмъ охотникъ, взявъ въ одну руку ножъ, а въ другую руку кусочекъ мяса, опять подаль молодой женщинѣ, но она на этотъ разъ разинула ротъ, но въ руки мяса не взяла. Послѣ того женщина ушла.

Охотникъ подумаль, что, вѣроятно, это не человѣкъ, а какое-либо вредное существо. Поэтому, прежде нежели лечь спать, охотникъ добылъ большой кусокъ дерева, обдѣлалъ изъ него подобіе человѣка, уложилъ на землю, покрылъ своимъ халатомъ, а самъ спрятался въ ямѣ. Когда настала ночь, онъ увидѣлъ идущую къ нему молодую женщину. Она шла очень осторожно, оглядываясь кругомъ. Вотъ она подошла къ куску дерева, покрытому халатомъ и, обняла его, но, когда увидѣла, что это не человѣкъ, швырнула кусокъ дерева со злобою въ сторону. Въ это время охотникъ выстрѣлилъ изъ ямы въ женщину, она упала и померла.

Когда Истанъ осмотрѣлъ ее, то оказалось, что всѣ десять пальцевъ ея были мѣдные. Это, оказывается, былъ не человѣкъ, а *джезь-тырнакъ* <sup>1)</sup>. Хорошо еще такъ счастливо отдѣлался охотникъ Истанъ.

(Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда, Погай-Куринской волости, Иркембека Аженбекова.)

А. Диваевъ.

Мартъ 1906 года.  
Ташкентъ.

<sup>1)</sup> *Джезь-тырнакъ*—въ буквальномъ переводѣ—мѣдные погни. О джезь-тырнакахъ существуетъ много разсказовъ у киргизовъ, и всѣ они почти аналогичны. Джезь-тырнаковъ можно приравнять къ мнѣческимъ лѣснымъ русалкамъ.

## Критика и библиографія.

**Greysig, K. Die Entstehung des Gottesgedankes u. der Heilbringer.** Berlin. 1905. 202 S.

Частичное изслѣдованіе въ области мѣологіи, предпринятое авторомъ,—изученіе вѣрованія народовъ древней Америки,—само-собою непроизвольно расширило рамки его научной работы и привело его къ широкой постановкѣ вопроса о развитіи религіозной мысли въ человѣчествѣ. Брейзигъ высказываетъ свой взглядъ въ послѣдней главѣ своей книги, широкимъ размахомъ набрасываетъ картину, раскрываетъ далекія перспективы. Подтвердить или опровергнуть его смѣлыя гипотезы предстоитъ будущимъ работникамъ въ области исторіи религіи. Для насъ важно познакомить читателя съ новыми путями, которыя предлагаются научной мысли. Отвергнуть ихъ, какъ непригодныя, можно только по тщательномъ изслѣдованіи въ указанномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, въ исторіи религіи предстоитъ отвѣтить еще на многіе и многіе вопросы, казавшіеся раньше безспорными, но, при увеличеніи нашего знакомства съ вѣрованіями низшихъ народностей, оказавшимися неправильно рѣшенными. Обобщающія работы, вродѣ лежащаго передъ нами труда, въ которыхъ привлекается весь обширный матеріалъ по религіознымъ явленіямъ, доставляемый мѣологіей культурныхъ народовъ древности и Америки, вѣрованіями мало-культурныхъ племенъ и народностей, современными переживаніями древняго языческаго міросозерцанія въ фольклорѣ—подобныя работы важны тѣмъ, что, разрабатывая одинъ какой-нибудь вопросъ, бросаютъ перѣдко свѣтъ на общій ходъ эволюціи религіозной мысли.

Брейзигъ заинтересовался одной мѣической фигурой, извѣстной многимъ мѣологіямъ. Эту фигуру онъ называетъ Heilbringer—герой-благодѣтель. Чтобы прослѣдить главную мысль Брейзига, надо опредѣлить, какой циклъ мѣиовъ привлеченъ имъ въ кругъ его изслѣдованій. На первомъ мѣстѣ стоятъ мѣические рассказы о существѣ, обладающемъ сверхъестественною силою, отличающемся мудростью, сумѣвшемъ сотворить землю; иногда человѣка; доставить человѣчеству солнце, мѣсяцъ, звѣзды, огонь; научившемъ людей многимъ полезнымъ искусствамъ. Существо это весьма часто является прародителемъ племени или народа, про-

славяющаго его въ своихъ мифахъ—но далеко не всегда этотъ родоначальникъ является человѣкомъ. Гораздо чаще—это въ одно и то же время сверхчеловѣкъ и сверхзвѣрь (Uebersenschen и Ueberthier), легко принимающій свой могущественный звѣриный образъ, какъ, на примѣръ, Эль, Великій заяцъ. Иногда мифъ, признавая его уже за человѣка, еле-еле скрываетъ въ немъ звѣриныя черты, какъ, на примѣръ, происхождение отъ ягуара у Кери и Камэ. Этотъ мифологическій мотивъ обыкновенно часто соединяется съ мотивомъ о борьбѣ героя съ своимъ братомъ, или другимъ родственникомъ, или звѣремъ: дракономъ, змѣей, гипопотамомъ и пр., обладающими сверхъестественной силою. По нѣкоторымъ чертамъ можно представить, что братъ героя въ человѣческомъ образѣ есть лишь болѣе позднее явленіе, что первоначально онъ и былъ тѣмъ сверхъестественнымъ животнымъ, какимъ его знаютъ мифы другихъ народовъ; отсюда можно заключить, что и самъ герой нѣкогда имѣлъ ясный звѣриный образъ. Наконецъ, мифъ объ этомъ героѣ встрѣчается весьма часто въ соединеніи съ представленіемъ о всемирномъ потопѣ. Нѣкоторые народности знаютъ потопъ, покрывавшій вселенную до сотворенія земли (Urflut), другія повѣствуютъ о потопѣ, посланномъ въ наказаніе людямъ (Sintflut), но и тотъ и другой мотивъ, по указанію Брейзига, находится въ тѣсной связи съ борьбою съ дракономъ (Drachenkampf).

Перечисленные мифологическіе мотивы встрѣчаются на всемъ земномъ шарѣ. Брейзигъ прослѣдилъ ихъ въ различныхъ разновидностяхъ, отыскавъ болѣе или менѣе ясныя ихъ слѣды у краснокожихъ народностей Сѣверной и Южной Америки, у семитскихъ и хамитскихъ народовъ, у арийцевъ. У многихъ народовъ герой-благодѣтель развился уже въ божество, иногда главное, иногда второстепенное. Во многихъ случаяхъ почитаніе ему впоследствии замѣнялось почитаніемъ другого божества—и герой-прародитель затемнился въ представленіи народа. Въ иныхъ случаяхъ стремленіе къ символизаци болѣе низкихъ религіозныхъ представленій, проявляющееся, какъ извѣстно, весьма рано, привело къ воззрѣнію, что герой символизируетъ то или другое свѣтило. Брейзигъ разбираетъ интересующіе его мифы, находитъ въ нихъ разныя наслоенія, опредѣляетъ, относятся ли они къ болѣе древнему или къ болѣе новому періоду религіозной жизни народа. Весьма интересенъ его взглядъ на усиленно выставленное за послѣднее время вліяніе вавилонской мифологіи на священное преданіе евреевъ. По мнѣнію Брейзига, нѣкоторыя мѣста въ первыхъ главахъ Бытія, а также книга Іова переносятъ читателя въ тотъ же кругъ представленій, какъ и нѣкоторые мифы малокультурныхъ народовъ о героѣ-благодѣтелѣ. Нѣтъ сомнѣній, что между древне-еврейскимъ священнымъ преданіемъ и вавилонскими мифами существуетъ большое сходство—но весьма важнымъ является мнѣніе Брейзига, что по типу еврейское преданіе древнѣе вавилонскаго. Между тѣмъ, хронологическая древность носомнѣнно остается за вавилонскими мифами. Какъ же объяснить это явленіе? Брейзигъ держится того мнѣнія, что существовала еще болѣе древняя версія, изъ которой заимствовали мифъ вавилоняне и которую

въ болѣе чистомъ видѣ сохранилъ заимствовавшій ее еврейскій народъ. Эту прасемитскую (ursemitisch) версію удалось, по мнѣнію Брейзига, открыть недавно у африканской народности масаи. Извѣстно, что недавно вышедшая въ свѣтъ книга Merker'a, Die Masai, содержитъ въ себѣ преданія масаи, въ которыхъ нельзя не усмотрѣть большую близость съ библейскими сказаніями, что эти записи добросовѣстнаго изслѣдователя обратили на себя вниманіе этнографовъ, вызвали даже нѣкоторыя сомнѣнія. Для Брейзига семитическое происхожденіе масаи объясняетъ этотъ фактъ весьма возможнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ его предположеніе небезынтересно. Въ египетской, греческой, германской мифологіи Брейзигъ, какъ намъ кажется, весьма удачно прослѣживаетъ образъ героевъ-благодѣтелей и типичныя стороны ихъ мифа. Онъ разсматриваетъ религіи народовъ древности съ выставившейся не разъ за послѣднее время точки зрѣнія: какъ египетская, такъ и греческая мифологія создались изъ многочисленныхъ мѣстныхъ преданій, служившихъ основаніемъ локальныхъ культовъ. Такой взглядъ, примѣненный къ изслѣдуемому имъ вопросу, далъ возможность въ мифахъ о богахъ: Ра, Сетѣ и Горѣ, Аполлонѣ, Діонисѣ, Зевсѣ, Геркулесѣ усмотрѣть черты героя-благодѣтеля, борьбу съ чудовищемъ, потопъ, сотвореніе людей. Мѣстный культъ героя, б. м. считавшагося прародителемъ населенія, постепенно видоизмѣнялся: ему придавали символическое значеніе и, наконецъ, при сліянніи въ одинъ народъ, въ одно государство создавался единый пантеонъ, гдѣ божества занимали опредѣленное мѣсто, подчинены были «царю боговъ», «отцу вселенной». Но первобытныя черты, затемненные толкованіями жрецовъ, непонятныя почитателямъ, сохранились иногда съ удивительною яркостью и чистотою, даже въ такой развитой мифологіи, какъ эллинская—и въ подчиненныхъ богахъ и герояхъ пантеона сквозитъ образъ героя-прародителя и благодѣтеля, демиурга, стоявшій въ самомъ началѣ эволюціи вѣрованій.

Глубочайшую древность приписываетъ Брейзигъ фигурѣ героя-благодѣтеля. Если сравнить его съ другими мифическими представленіями первобытныхъ народностей, онъ поражаетъ своимъ реализмомъ. Способностью къ абстракціи не могъ обладать первобытный человѣкъ, по мнѣнію Брейзига. Персонификація—явленіе весьма древнее, но на самой низшей ступени развитія человѣческая мысль была еще неспособна къ ней. Представленіе о свѣтилахъ, какъ о челоукоподобныхъ существахъ, могло возникнуть лишь гораздо позднѣе. Скорѣй всего можно предположить, что эти антропоморфическія представленія явились слѣдствіемъ позднѣйшаго сліянія образовъ свѣтилъ съ образами болѣе раннихъ мифическихъ фигуръ, можетъ быть, героевъ-благодѣтелей. Что же касается до этихъ послѣднихъ, положившихъ, по мнѣнію Брейзига, начало идеѣ о божествѣ, они вполнѣ челоучны, вполнѣ близки къ первобытному челоуку. Понятіе о божествѣ, заканчиваетъ Брейзигъ, возникло не изъ представленій о душахъ и духахъ, не изъ лишенныхъ содержанія отвлеченныхъ понятій о природѣ, не изъ самыхъ нѣдръ жизни челоука. Каковъ же источникъ возникновенія такой крупной

миеологической фигуры, какъ фигура героя-благодѣтеля? Брейзигъ склоненъ видѣть реальныя основанія этому представленію. Развѣ на зарѣ человѣчества не могъ существовать человѣкъ, который дѣйствительно оказалъ крупныя заслуги своей группѣ, додумался до вытиранія изъ дерева огня, избавилъ своихъ сородичей отъ бѣдственнаго ужаса наводненія (какіе величественныя размѣры принимаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти послѣднія, показываетъ примѣръ хотя бы южно-американскихъ рѣчныхъ разливовъ), велъ успѣшную борьбу съ сильнымъ противникомъ? Даже близость героя-прародителя и благодѣтеля къ звѣрю, осторожно высказываетъ свою мысль Брейзигъ, можетъ быть, есть слѣдствіе дѣйствительной близости человѣчества къ животному міру, и не есть ли этотъ, ставшій потомъ мифическимъ, герой тотъ человѣкъ, который первый явно переступалъ грань, раздѣлявшую человѣчество отъ его звѣрообразныхъ предковъ и сородичей. Вѣдь, мифъ, сказка не есть произвольное созданіе человѣка; это—разсказъ, повѣствующій о событіяхъ ежедневной жизни, разсказъ вполне правдивый въ устахъ разсказчика и пользующійся полной вѣрой слушателей. Каковы причины общераспространенности этого мифическаго разсказа? Какъ и относительно другихъ сюжетовъ, можно выставить, по мнѣнію Брейзига, три объясненія такой распространенности: заимствованіе, самостоятельное возникновеніе одного мотива въ разныхъ мѣстностяхъ и, наконецъ, конечно, въ качествѣ только гипотезы, созданіе всѣхъ этихъ мотивовъ въ такое далекое время, когда человѣчество составляло нѣчто единое—небольшую группу, отпрыски которой, разойдясь по разнымъ направленіямъ и отбросивъ отъ себя все новыя вѣтки, населили весь земной шаръ. Существованіе такой *Urmenschheit* подтверждается до нѣкоторой степени, говоритъ Брейзигъ, положеніями нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ семьи, выводящихъ все человѣчество отъ одной семьи или, по крайней мѣрѣ, группы. Но, низводя идею о божествѣ до представленія о вполне человѣчномъ героѣ-благодѣтелѣ, Брейзигъ не думаетъ утверждать, что этотъ образъ сверхчеловѣка и сверхзвѣря является наиболее древнимъ въ эволюціи религіозной мысли человѣчества. Весьма возможнымъ представляется ему, что и этотъ культъ звѣря-человѣка имѣетъ предшественниковъ. Онъ указываетъ на культъ деревьевъ и растений, который уже потому, по его мнѣнію, можетъ считаться болѣе древнимъ, что его слѣды почти стерлись, тогда какъ слѣды золатринъ еще весьма жизненны во всѣхъ миеологіяхъ и народныхъ вѣрованіяхъ. Весьма интересенъ недавно открытый въ Австраліи фактъ, освѣщающій нѣкоторымъ образомъ представленіе низшихъ расъ о сверхъестественныхъ звѣрообразныхъ существахъ. *Alcheringa* у австралійцевъ (см. *Spencer u. Gillen, The native Tribes of Central Australia. 1899, p. 513*) носятъ при себѣ священный кусокъ дерева *churinga*, въ которомъ содержится духовная часть ихъ существа. Когда же *alcheringa* кончаетъ свое существованіе, вырастаетъ изъ него дерево, изъ котораго, въ свою очередь, возникаетъ новое духовное существо, *agumburinga*, которое находится въ тѣснѣйшей связи и съ *alcheringa* и съ его *churinga*. Такимъ

образомъ, говоритъ Брейзигъ, на извѣстной ступени развитія, дерево и животное не отличаются по своей сущности, и между ними предполагають то же отношеніе, какъ позднѣе между животнымъ и человѣкомъ. Далѣе—хотя доказать это едва ли есть возможность—можно все же предположить, что еще древнѣе, чѣмъ почитаніе деревьевъ и растительности, почитаніе камней. Камень при этомъ являлся не мѣстомъ обитанія духа, а настоящей личностью, хотя и существовало одновременное представленіе о живущемъ въ немъ существѣ болѣе высокаго порядка.

*В. Х—нн.*

**Vellay, Ch. Le culte et les fêtes d'Adonis-Thammouz dans l'Orient antique.** („Annales du Musée Guimet“. Bibl. d'Etudes. T. XVI). Paris, Leroux, 1904. XI+304.

Интересная серія изслѣдованій, выходящихъ томами подъ общимъ названіемъ *Annales du Musée Guimet*, обогатилась новымъ трудомъ—о культѣ Адониса на древнемъ Востокѣ. Трудъ интересный, тщательно и добросовѣстно составленный. Мы остановимся коротко на главныхъ положеніяхъ автора. Нѣкоторые писатели, какъ Ренанъ, Хвольсонъ и Корсини говорили о сліянніи въ лицѣ Адониса двухъ божествъ—Адониса и Таммуца. Другіе, какъ Maury, Creuzer, I. Soury, Lenormant, видѣли въ этой мифологической личности одно божество. Этому послѣдняго взгляда придерживается и Vellay. На основаніи источниковъ онъ стремится доказать, что мифъ объ Адонисѣ, извѣстный намъ въ его греческой поэтической версіи, скрываетъ величественный обликъ главнаго финикійскаго божества, бога солнца Таммуца. Почти всѣ финикійскія главныя божества обозначались словомъ *Adôn* или *Baal*, что значить: господинъ, владыка. Культъ солнечнаго бога, развившійся въ Финикии, въ горныхъ ущельяхъ Ливана, благодаря дальнимъ и близкимъ морскимъ поѣздкамъ финикійцевъ распространился по берегамъ и островамъ Средиземнаго моря до Карфагена, до Италіи включительно. Принесенный извнѣ въ предѣлы Эллады, онъ проникся эллинскимъ духомъ, принялъ болѣе мягкія, изящныя формы и вотъ начинается обратное шествіе культа, но уже перерожденнаго. Грозное, всесильное божество солнца, обозначаемое родовымъ именемъ всѣхъ финикійскихъ божествъ—господинъ-Адонисъ—является уже въ видѣ красавца-юноши, героя, а не богомъ, смертнымъ любимцемъ безсмертной богини, почитаемымъ преимущественно женщинами. Культъ снова завоевываетъ берега Азіи, проникаетъ въ Александрію и на египетской почвѣ сливается съ культомъ Озириса до такой степени, что нѣкоторые начинаютъ выводить его изъ культа Озириса. Но и въ новомъ своемъ видѣ культъ Адониса, по мнѣнію Vellay, выступаетъ ярко какъ культъ солнечнаго божества. Весь культъ въ его внѣшнемъ проявленіи, говоритъ Vellay, является символомъ отмирающей, при наступленіи зимы, солнечной силы, которая воскресаетъ весной. Представленіе о воскресающемъ божествѣ обще нѣсколькимъ религіямъ. На это представленіе наталкивала человѣчество сама природа изъ своемъ ежегодномъ весеннемъ возрожденіи. Озирисъ, Діонисъ, Заг-



ревсь, Мелькартъ (перешедшій впоследствии къ грекамъ подъ видомъ Геркулеса)—все это страдающіе и воскресающіе боги. Но Адонисъ является не только солнечнымъ божествомъ; отъ его солярнаго характера вытекаетъ представленіе о немъ, какъ о божествѣ производительной силы. Въ то же время онъ—божество теллурическое, знаменующее собой связь между землей и солнечной теплотой, ниспосылаемой съ неба. Эта мысль нашла себѣ выраженіе въ мифѣ о любви къ нему Афродиты. Парныя божества, одно изъ которыхъ представляетъ мужское, другое—женское начало, встрѣчаются въ мифологіяхъ народовъ древности, таковы, на примѣръ, фригійскіе Атисъ и Кибела, Озирисъ и Изиды и проч. Въ одномъ божествѣ, кромѣ того, какъ бы сливаются оба начала—отсюда представленіе о самоодвѣющемъ божествѣ, творящемъ все отъ себя, соединеніе божества съ природой, которая является лишь его эманацией. Vellau видитъ подобныя черты и въ мифѣ объ Адонисѣ; ими онъ объясняетъ нѣкоторыя стороны его культа. Основываясь на этомъ характерѣ божества, онъ сближаетъ съ его почитаніемъ культъ производительной силы. Культъ Адониса въ теченіе вѣковъ подвергся большимъ измѣненіямъ и пережилъ длинную эволюцію. Въ древности это былъ культъ чувственный; позднѣе—въ эпоху Антониновъ, онъ принялъ спиритуалистическій и символическій характеръ. Въ это время онъ являлся прославленіемъ и идеализаціей смерти, цѣлаго круга идей, основанныхъ на представленіи о тайнахъ иного бытія въ связи съ египетскими вѣрованіями объ Озирисѣ и Агаеодэмонѣ. Культъ Адониса проникся идеями нео-платонизма—и въ этомъ своемъ видѣ онъ прожилъ еще нѣсколько вѣковъ на родной ему азіатской почвѣ. Торжествующая христіанская церковь еще въ IV в. преслѣдовала почитателей Адониса, которые въ это время скрывались въ пещерахъ Ливанскихъ горъ для совершенія своихъ мистерій.

Три главныхъ центра было въ древности, въ которыхъ сосредоточивался культъ Адониса: Виблосъ, Авины и Александрія. Въ отдѣльныхъ словахъ своего издѣданія Vellau описываетъ вишія формы выраженія культа Адониса въ этихъ трехъ городахъ, ихъ различія, эпоху празднованія Адоніи (весна и осень), продолжительность ихъ. Далѣе онъ обращается къ памятникамъ искусства, касающимся культа Адониса. Какъ извѣстно, изобразительныя искусства не процвѣтали у семитскихъ народовъ; финикіяне, трезвый и практическій народъ мореплавателей, мало прилежали искусству. Мифъ Адониса, перейдя съ острововъ Архипелага въ Элладу, вдохновилъ художниковъ, создавшихъ типъ Адониса-юноши. Этотъ эллинскій типъ вернулся впоследствии въ Азію. Но сравнительно съ распространенностью культа Адониса, сохранилось все-таки не очень много памятниковъ искусства, изображающихъ его. Это объясняется отчасти обычаемъ бросать въ источники изображенія Адониса, употребляемые въ цѣляхъ культа во время Адоніи. Подобныя изображенія дѣлались изъ дешеваго матеріала, на примѣръ, изъ воска, и не имѣли цѣнности. Богатѣе богатый матеріалъ даютъ разные камни. Встрѣчаютъ также египетскія зеркала, на которыхъ трактованъ мифъ объ Адо-

нисъ и Афродитѣ. Но чаще всего встрѣчается этотъ мифологическій сюжетъ въ стѣнной живописи древнихъ и на керамикѣ.

Не входя въ критическій разборъ книги Vellay, мы не можемъ, однако, не высказать своего мнѣнія, что при настоящемъ положеніи исторіи религій нежелательно ограничивать изученіе вопросовъ классической мифологіи рамками народовъ классической древности и древняго Востока. Вѣрованія мало-культурныхъ народовъ представляютъ весьма много интересныхъ аналогій къ вѣрованіямъ народовъ древняго міра, способныхъ пролить истинный свѣтъ на многіе казавшіеся прежде неразрѣшимыми вопросы классической мифологіи. Желательно было бы поэтому параллельное изученіе культа Адониса съ аналогичными культами другихъ народовъ, имѣющими цѣлью увеличить производительность земли и всей природы. Фрезеръ въ своемъ трудѣ *The Golden Bough* сдѣлалъ это отчасти, указавъ на сходство въ обрядахъ, сопровождающихъ Адоніа, съ подобными же обрядами въ другихъ странахъ. Мы укажемъ также на одно мѣсто въ трудѣ Vellay, показавшееся намъ увлеченіемъ солярной теоріей. Объясняя то мѣсто въ мифѣ объ Адонисѣ, гдѣ говорится о пораненіи его кабаномъ, Vellay говоритъ, что «подъ этой поэтической формой скрывается первоначальное представленіе о лѣтѣ и солнцѣ, погибающемъ отъ зимняго ненастья» — и далѣе: кабанъ или свинья считается проклятымъ животнымъ, ѣсть которое запрещено. Намъ представляется болѣе удачнымъ взглядъ Фрезера и Линга, которые, какъ извѣстно, въ животномъ, сопутствующемъ божеству въ его мифѣ, такъ или иначе связанномъ съ божествомъ, видятъ указаніе на зооморфный образъ божества въ древности, а самое животное, котораго запрещено касаться, которое не употребляется въ пищу, считаютъ не проклятымъ, не нечистымъ, но священнымъ. Въ частности о кабанѣ, связанномъ въ мифѣ съ Адонисомъ, см. у Фрезера: *The Golden Bough* II. pp. 49—50. Но и у Vellay есть указанія на почитанія кабана во время празднествъ въ честь Адониса. Такъ, напримѣръ, (р. 98) онъ говоритъ объ обычаяхъ выставлять рядомъ съ изображеніями умершаго Адониса изображенія кабана. Въ *Appendice II* онъ приводитъ указанія Махера на то, что хотя египтяне, египтяне и финикійцы и не употребляли въ пищу свинину, существовалъ, однако, обычай въ опредѣленные дни въ году приносить въ жертву свинью и съѣдать ея мясо. Все это черты, знакомыя намъ по вѣрованіямъ многихъ мало-культурныхъ народовъ. Обряды, напоминающіе тѣ, которые имѣли мѣсто при празднованіи Адоніа, напр., такъ называемые сады Адониса, были отмѣчены изслѣдователями въ Провансѣ и Сардиніи. Vellay объясняетъ ихъ, какъ переживаніе культа Адониса, который, по его мнѣнію, долженъ былъ процвѣтать въ этихъ мѣстностяхъ, бывшихъ, очевидно, подъ сильнымъ финикійскимъ вліяніемъ. Интересно было бы прослѣдить, на сколько вѣрна эта мысль автора и не являются ли подобныя обычая, какъ сѣяніе *blé de st. Barbe* въ Провансѣ, самостоятельнымъ аграрнымъ обрядомъ, принявшимъ форму сходную съ «садами Адониса».

В. Х—на.

**Da Costa et P. Besnard: Contes solognots.**

Въ апрѣльской книгѣ фр. ж. «La grande Revue» помѣщено нѣсколько сказокъ, собранныхъ въ провинціи Орлеанъ (Франція), въ Солоньи (мѣстность по берегу Луары). Жители этой мѣстности сохранили еще немало различныхъ суевѣрій, старинныхъ легендъ, сказокъ и пѣсень. Добродушные и тихіе по природѣ, они рассказываютъ, до сихъ поръ, незамысловатыя сказки, главный интересъ которыхъ и заключается въ этой незатѣйливости. Творческая фантазія пользуется самымъ простымъ обыденнымъ матеріаломъ, располагаетъ его безо всякихъ прикрасъ и выводитъ изъ него хитрое наставленіе.

Изъ трехъ сказокъ, помѣщенныхъ въ «La grande Revue», хороша своей наивностью сказка о животныхъ и вещахъ, которыя говорятъ— «Les bêtes et les chouses qui parlent».

У крестьянина не хватилъ картофеля, чтобы откормить свинью и онъ ночью пошелъ воровать къ сосѣду. По дорогѣ телѣга, скрипя, говорила ему ясно объ опасности предпріятія, но крестьянинъ все-таки наворовалъ картофеля. Вернувшись, онъ услышалъ укоры и угрозы отъ пѣтуха, часовъ, сверчка, кастрюли и т. д. Неодобреніе всѣхъ домашнихъ вещей и существъ такъ его поразило, что на слѣдующую ночь онъ вернулъ награбленный картофель и успокоился, услышавъ одобрительныя рѣчи всего своего хозяйства.—Сказка эта не заключается какимъ-либо наставленіемъ, но оно само-собою вытекаетъ изъ рассказаннаго, и вся сказка представляеть собою художественное изображеніе спокойной совѣсти преступника. Приведенныя въ «La grande Revue» сказки съ береговъ Луары суть лишь образцы существующаго тамъ сказочнаго богатства и знакомство съ этими образцами можетъ быть очень полезно для занимающихся сказочной литературой. Это—сказки современной формации, но по существу онѣ старыя сказки, какъ по плану, такъ и по развитію этого плана, и по нимъ интересно прослѣдить основныя законы сказочной традиціи.

Напечатаны онѣ на народномъ нарѣчій мѣстности.

*Е. Е.*

**Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Heft I, 1906.**

Первая книга этого интереснаго журнала составлена содержательно и разнообразно. Въ ней помѣщено, кромѣ крупныхъ статей, множество мелкихъ замѣтокъ, которыя представляютъ собою иногда очень интересный и полезный матеріалъ для литературныхъ и этнографическихъ работъ, тѣмъ болѣе, что короткія сообщенія, въ большинствѣ случаевъ, снабжены цѣнными указаніями на библиографію предмета. Въ разсматриваемой книгѣ, въ мелкихъ сообщеніяхъ, останавливаютъ вниманіе нѣсколько легендъ изъ Куявіи (Куявіен) о вампирѣхъ и кладахъ и легенда о бл. Августинѣ и морскомъ мальчикѣ; послѣдняя представляеть собою очень распространенный древній сюжетъ, существующій въ различныхъ обработкахъ во многихъ мѣстностяхъ.

Изъ крупныхъ статей не безъ пользы можетъ быть прочтена статья Роберта Мильке (Robert Mielke) «Alte Bauüberlieferungen», о постройкѣ крестьянскихъ жилыхъ помѣщеній въ Германіи, о формахъ оконъ, двери, объ ихъ положеніи и значеніи. Статья эта еще не окончена и можно думать, что ея дальнѣйшая разработка дастъ полезныя свѣдѣнія о народной архитектурѣ.

Сообщеніе Пьетро Тольдо (Pietro Toldo), начатое въ предыдущихъ книгахъ, подъ заглавіемъ: «Aus alten Novellen und Legenden» даетъ все новый и новый матеріалъ для литературной исторіи легендъ и новеллъ, которыми такъ богаты средневѣковые сборники Зап. Европы, и которыя интересны живучестью и гибкостью своихъ мотивовъ.

Наконецъ, статья Рихарда Воссидло (Richard Wossidlo) имѣетъ практическій интересъ для лицъ, занимающихся собираніемъ этнографическаго и особенно фольклористическаго матеріала. 20-тилѣтній опытъ автора привелъ его ко многимъ полезнымъ приемамъ, облегчающимъ работу собирателя, о которыхъ онъ и сообщаетъ читателямъ. Знакомство съ этими приемами не бесполезно и для русскихъ собирателей.

#### Heft II (1906).

Во второмъ номерѣ названнаго журнала мы находимъ, такъ сказать, добавленіе къ недавно появившейся въ печати книгѣ Р. Ehrenreich'a о мифахъ и сказкахъ американскихъ индійцевъ, это—тексты сказокъ, записанные въ Юж. Америкѣ у индійскаго племени араукацевъ. Содержаніе приведенныхъ R. Lehmann-Nitsche сказокъ оказывается совершенно не оригинальнымъ, это—воспроизведеніе темъ, давно извѣстныхъ въ Европѣ, воспроизведеніе неточное и значительно измѣненное. Такъ, напр., подъ заглавіемъ «Исторія собаки и крысы» мы находимъ извѣстную сказку о козѣ, отправившейся за орѣхами, пропавшей и вернувшейся лишь тогда, когда за нею были посланы и волкъ, и человѣкъ, и огонь и т. д. Американская сказка представляетъ собою пересказъ съ конца своего европейскаго образца. Сказка, озаглавленная именами нѣкоторыхъ животныхъ, есть не что иное, какъ сжатое изложеніе сказки, подробно записанной Гриммомъ «Бременскіе музыканты». Другія сказки, рассказываемыя индійцами; точно такъ же имѣютъ своими образцами темы европейскія, что, конечно, свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, которое внесли европейцы своимъ появленіемъ въ Америкѣ. Сказки, записанныя R. Lehmann-Nitsche, отмѣчены христіанскимъ колоритомъ, въ чемъ нужно видѣть слѣды дѣятельности миссіонеровъ и, къ сожалѣнію, онѣ не носятъ туземнаго отпечатка. Записи снабжены замѣчаніями автора, характеризующими то индійское племя, среди котораго были записаны напечатанныя сказки.

*E. E.*

Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen  
CXVI Band, 1—2 Heft (herausgegeben von Alois Brandl u. Heinrich  
Morff) Braunschweig. 1906.

Въ отмѣченной книгѣ большой интересъ представляетъ собою статья Friedrich von der Leyen'a «Zur Entstehung des Märchens», начавшаяся въ послѣдней книгѣ Archiv'a за 1905 г. Такъ какъ статья эта еще неокончена, то нельзя ничего сказать о конечныхъ выводахъ, дѣлаемыхъ авторомъ. Часть работы Leyen'a, напечатанная въ Archiv'ѣ, отчасти лишь знакомитъ насъ съ воззрѣніями автора на происхождение сказки. Родиюю ея онъ считаетъ Индію. Разбирая многія сказочныя темы (объ оживленіи умершихъ, испытаніи проникательности и тонкости чувствъ, объ умной дѣвушкѣ, мѣтко отвѣчающей на трудные вопросы и загадки и т. д.) и приводя длинный рядъ параллелей, авторъ указываетъ на то, что въ Индіи всѣ эти темы разработаны очень подробно и сказки представляютъ тамъ вполне законченные отдѣльные съ вѣшной стороны рассказы, между тѣмъ, какъ пересказы ихъ у другихъ народовъ, зачастую являются въ сокращенномъ видѣ, съ неясностями и пропусками. Разсматривая сказочную тему: благодарныя животныя—тему очень распространенную у всѣхъ народовъ земного шара—авторъ обращаетъ вниманіе на оригинальное и подробное развитіе этой темы въ Индіи и предполагаетъ, что она была очень разработана въ буддійскихъ кругахъ. Тема, взятая Leyen'омъ очень интересна и имѣетъ большое значеніе для изученія сказокъ; какъ она будетъ разработана авторомъ покажутъ слѣдующія главы, пока же можно отмѣтить очень важное для читателей указаніе въ ней параллелей сказокъ на извѣстную тему у разныхъ народовъ, замѣчанія объ особенностяхъ той или другой параллели и иногда подробное изложеніе индійскихъ сказокъ.

*Е. Е.*

**В. А. Гатцукъ** (собралъ и изложилъ). Сказки Кавказа. Жемчужное ожерелье. Изданіе А. С. Панафидиной. 9 выпусковъ М. 1904—1905 г. Цѣна наждаго выпуска 25 коп.

Подъ заглавіемъ «Жемчужное ожерелье» издано девять выпусковъ сказокъ различныхъ племенъ Кавказа. Сюда вошли сказки осетинъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, грузинъ (свановъ, мингрельцевъ,) армянъ, горскихъ евреевъ, татаръ, кумыковъ, дагестанцевъ и др. Всего я насчиталъ 56 сказокъ. Текстъ иллюстрированъ рисунками, характеризующими не только героевъ сказокъ, но и бытъ тѣхъ племенъ, устное творчество которыхъ послужило матеріаломъ «Жемчужнаго ожерелья».

Трудъ г. Гатцука не представляетъ механическаго собранія кавказскихъ сказокъ, заимствованныхъ изъ различныхъ печатныхъ источниковъ. Составитель сборника заданъ цѣлью ознакомить «большую публику» съ міровоззрѣніемъ и поэтическимъ творчествомъ кавказскихъ племенъ. Въ этихъ видахъ онъ отказался отъ мысли приводить сказки текстуально и излагалъ ихъ, перерабатывая, не отрываясь отъ почвы народнаго творчества, сдерживая свою фантазію въ предѣлахъ, соответствующихъ бытовымъ особенностямъ, религиознымъ вѣрованіямъ, (семейному праву, степени культурнаго развитія того племени, сказкѣ котораго придавалъ художественную форму. Иногда онъ связывалъ отрывки, (напримѣръ:

«Дорогой перстень» различныхъ сказокъ принадлежащихъ одному племени), но такъ искусно, что получается вполне цѣльное и законченное впечатлѣніе.

При такой мозаичной работѣ авторъ обнаружилъ тонкое литературное чутье и недюжинный художественный талантъ. Картины природы и быта Кавказа очерчены имъ съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Можно было бы, конечно, выбрать нныя сказки, болѣе характерныя и типичныя (напримѣръ: «Въ кузницѣ цыганъ нужиѣ князя») для того или другого племени Кавказа, столь пестраго въ своемъ этнографическомъ составѣ.

Нерѣдко сказка, означенная осетинской, представляетъ полную аналогію подобной сказкѣ, обращающейся среди грузинъ (напримѣръ, «Муравей и кузничикъ»); есть сказки, источникъ которыхъ сохранился лишь въ письменности и успѣлъ исчезнуть въ устной передачѣ, (напримѣръ, Тригило»). Слѣдовало бы точнѣе опредѣлить письменное происхожденіе «сказокъ дагестанскихъ», ибо Дагестанъ является небольшимъ этнографическимъ калейдоскопомъ. Составитель сказокъ за рѣдкимъ исключеніемъ удачно объясняетъ оставленные имъ термины для обозначенія бытовыхъ и религиозныхъ особенностей, но есть и не вполне точныя толкованія ихъ (въ родѣ «чуги», «кожаная зурна»), неправильныя транскрипціи («идеми», вмѣсто дэви, «хаджи», вмѣсто каджи, «Мкемъ», вмѣсто Микемъ), смѣшеніе фамилій (напримѣръ, въ горско-еврейской сказкѣ герой носитъ грузинскую фамилію).

Эти погрѣшности не умаляютъ достоинствъ «Жемчужнаго ожерелья» г. Гатцука, въ художественной обработкѣ излагающаго сказки кавказскихъ племенъ, при томъ болѣе стройно и изящно, чѣмъ это сдѣлано его предшественниками. Пожелаемъ широкаго распространенія этому труду г. Гатцука и будемъ ждать X выпуска, который будетъ отведенъ герою кавказскихъ сказокъ—Амирану.

*А. Хак—овъ.*

**Н. Н. Виноградовъ.** Народная драма «Царь Максимианъ и непокорный сынъ его Одольфъ». (Извѣстія Отдѣл. русск. яз. И. Акад. Наукъ. 1905 г., томъ X-го кн. 2-я, стр. 301—338).

Отдѣленіе русскаго языка и слов. И. А. Наукъ усердно занято изданіемъ матеріаловъ по исторіи отечественной словесности и языка. При слабой производительности нашихъ ученыхъ, для изслѣдованія уже изданныхъ матеріаловъ потребуется, вѣроятно, не одно столѣтіе.

Особенный интересъ проявляетъ за последнее время Отдѣленіе къ исторіи русскаго театра. Посчастливилось и театру народному: въ 1904 г. (т. IX, кн. 3, стр. 266—298) И. Абрамовымъ напечатана «святочная комедія» «Царь Максимианъ», записанная въ Городненскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи; въ 1905 году Н. Виноградовымъ изданъ списокъ той же самой пьесы, принесенной въ Кострому изъ Петербурга не позднѣе, по соображеніямъ издателя, 1818 г. Такимъ образомъ, съ напеча-

танными прежде (Этногр. Обзор. 1891, 1896 и 1898 г.г.) мы имѣемъ теперь уже до десяти вариантовъ этой пьесы.

Изданный г. Виноградовымъ списокъ пьесы не имѣлъ, въ сущности, никакого вліянія на игру костромскихъ актеровъ, такъ какъ послѣдніе имъ не пользовались; и въ той комедіи, которая извѣстна теперь въ Костромѣ, «сравнительно со спискомъ осталась неизмѣнной, можно сказать, только идея пьесы и нѣкоторые очень немногія выраженія» (стр. 303). Такимъ образомъ, данный текстъ представляетъ собою болѣе интереса для историка литературы, нежели для этнографа. Самъ издатель, на основаніи краткости напечатаннаго имъ варианта и отсутствія въ послѣднемъ вводныхъ сценъ, приходитъ къ заключенію, что данный вариантъ является «наиболѣе старымъ и близкимъ къ прототипу, а, слѣдовательно, и имѣющимъ болѣе значенія при рѣшеніи вопросовъ, возникающихъ при изученіи данной пьесы». (стр. 338).

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить издателю о неумѣстности такихъ словъ, какъ *атрофизация* (стр. 335; такого слова не существуетъ ни въ одномъ изъ европейскихъ языковъ и оно является въ собственномъ смыслѣ «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»), *цитация* (стр. 337). Ужъ не пародировалъ ли издатель языкъ издаваемой имъ пьесы съ ея «кумирническими» богами?!

Д. Зеленинъ.

**Воронцова(Григорьева).** «Троицкіе иконописцы и ихъ отношеніе къ Москвѣ». («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія». Май 1906 г.).

Въ этой статьѣ авторъ даетъ нѣсколько интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи иконописанія на Русѣ.

Искусство иконописанія процвѣтало главнымъ образомъ въ монастыряхъ, гдѣ благоговѣйное усердіе инокъ хранило иконописныя традиціи.

На ряду съ монастырями и нѣкоторые города славились своими искусниками расписывать храмы.

Кромѣ Москвы, Новгорода и Суздаля, пользовались извѣстностью города: Ярославль, Ростовъ, Кострома и нѣкоторые въ Поморьѣ.

Въ монастыряхъ иконописцы не представляли собою какой-нибудь строго организованной школы, работали не сообща, а въ одиночку по своимъ кельямъ.

Троице-Сергіевская Лавра, благодаря своимъ сношеніямъ съ Москвою, посѣщеніямъ царскимъ и приливу богомольцевъ, была поставлена въ необходимость постоянно имѣть иконы, какъ для подношеній, такъ и для продажи; вслѣдствіе этого обстоятельства иконописаніе въ пей практиковалось въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Троицкая Лавра съ 15 в. выдвигаетъ группу иконописцевъ, которымъ поручаются въ Москвѣ различныя работы по благоуукрашенію храмовъ.

Въ 16 в. производство иконъ въ Троицкой Лаврѣ расширяется, а съ 17 в. всякіе мастерские люди, необходимые при иконописаніи (токари, олифщики и т. п.) уже поселяются въ монастырскомъ селѣ Клементьевѣ и имъ выдается отъ монастыря жалованье. Число дворовъ та-

нихъ мастеровъ увеличивается, такъ какъ кустарное производство иконъ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Дѣла Оружейной Палаты съ 1659 г. даютъ значительное количество свѣдѣній о лаврскихъ иконописцахъ, сколько ихъ, когда и для какихъ работъ они являлись въ Москву, какія работы имъ давались на домъ.

Изъ этихъ записей Оружейной Палаты авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1. Лаврскіе иконники, если и считались искусными въ писаніи образовъ, все-таки писали по извѣстному шаблону, не были привычны къ сложнымъ композиціямъ, не имѣли богатаго выбора переводовъ.

2. Работы велись подъ опытнымъ руководствомъ мастеровъ Оружейной Палаты, вслѣдствіе чего типичныхъ чертъ въ монастырской иконописи быть не могло

*Е. Е.*

**Старина и новизна**, историч. сборникъ при О-вѣ ревнителей историч. просвѣщенія въ память Алаксандра III. Книга 10. 1905.

Главный интересъ названнаго сборника заключается въ обширной перепискѣ князя Петра Ивановича Хованскаго, его семьи и родственниковъ. Письма эти, числомъ 170, найдены въ столбцахъ Приказнаго стола Разряда, куда они, вѣроятно, попали послѣ казни Хованскаго въ 1682 г.—Переписка эта прекрасно знакомитъ читателя съ обыденнымъ разговорнымъ языкомъ эпохи, языкомъ разныхъ слоевъ общества—здѣсь есть письма ключницы, сообщающія мелочи домашняго хозяйства (о курахъ и уткахъ, пряжѣ и тканѣхъ узоровъ и т. д.), письма старосты о состояніи имѣній, письма, касающіяся общественныхъ и семейныхъ дѣлъ: всѣ они написаны обстоятельно, искренно, и живо характеризуютъ отношенія корреспондентовъ. Для изученія языка и хозяйственнаго быта второй половины XVIII-го в. письма кн. Хованскаго и его родственниковъ представляютъ обильный и полезный этнографическій матеріалъ.

Интересны также помѣщенные въ этомъ сборникѣ повѣсть и пѣсня объ Азовѣ, изъ собранія рукописей кн. Уварова. Эти произведенія неизвѣстнаго автора, по замѣчанію ихъ напечатавшаго А. Орлова, занесены въ рукописный сборникъ не позже 30 лѣтъ послѣ описаннаго событія. Повѣсть не околочена, изложеніе ея непослѣдовательно и она представляетъ собою какъ бы передѣлку оригинала; книжный оттѣнокъ очень замѣтенъ, какъ въ повѣсти, такъ и въ пѣснѣ, но черты народнаго творчества смягчаютъ книжную рѣчь; во многихъ мѣстахъ замѣтна хорошо выдержанная ритмичность, встрѣчаются часто народныя эпитеты и обороты. Нѣкоторыя выраженія, напр.: «какъ галеча стада полетитъ»... заставляютъ предполагать вліяніе крупныхъ памятниковъ народнаго творчества. Устная поэзія отразилась своими типическими сравненіями и употребленіями. Пѣсня о взятіи Азова сложена искусственно, о чемъ можно судить по начальнымъ строкамъ:

Возлеталъ есть орелъ славный отъ роскиска страны,  
Побѣждаетъ черны враны злыя бесурмены.



Черны врамы бесурмены отъ орла паряще убѣгающіи  
Со страхомъ, какъ отъ огня поляще.

Несмотря на ясное книжное вліяніе, приведенныя повѣсть и пѣсня о взятіи Азова интересны, какъ матеріалъ для изученія различныхъ формъ литературнаго творчества XVII в. и знакомство съ ними можетъ повести къ нѣкоторымъ сопоставленіямъ и выводамъ.

*Е. Е.*

**Каталогъ Екатеринославскаго Областнаго Музея, имени А. Н. Поля. Археологія и Этнографія. Екатеринославъ. 1905.—Краткій Указатель Коллекцій Отдѣла имени А. Ѳ. Лихачева въ Казанскомъ Городскомъ Музеѣ. Казань. 1905.—Отчетъ Городецкаго Музея Волинской губ., барона Ф. Р. Штейнгеля. Съ 25 поября 1898 г.—25 поября 1904 г. Кіевъ 1905.—Кіевскій Художественно-Промышленный и Научный Музей. Отд. Археологіи. Кіевъ 1906 г.**

Передъ нами нѣсколько каталоговъ провинціальныхъ музеевъ Европейской Россіи. Они говорятъ намъ о выдающихся культурныхъ центрахъ, возникшихъ въ разныхъ городахъ на общую пользу, объ учрежденіяхъ, объединившихъ вокругъ себя, по большей части, совершенно безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей. Ихъ стараніями, попеченіями, жертвами возникли эти хранилища, систематизированы и описаны коллекціи. Екатеринославскій Музей будетъ служить достойнымъ памятникомъ мѣстнаго крупнаго дѣятеля А. Н. Поля; съ нимъ навсегда будетъ связано имя Д. И. Эварницкаго, съ горячей любовью къ Новороссіи, отдавашагося устройству музея покойнаго Поля. Казанскій Городской Музей обязанъ возникновенію одного изъ интереснѣйшихъ своихъ отдѣловъ покойному А. Ѳ. Лихачеву («его коллекція болгарскихъ древностей единственная въ мірѣ по своей полнотѣ и разнообразію»). Честь созданія Городецкаго Музея принадлежитъ бар. Ф. Р. Штейнгелю. Въ накопленіи и систематизаціи этого интереснѣйшаго Музея принималъ живое участіе Н. Ф. Бѣляшевскій, въ послѣднее время перенесшій свою дѣятельность въ Кіевскій музей. Въ это послѣднее учрежденіе имъ вложено также не мало заботы и труда. Любовное отношеніе къ устраиваемымъ учрежденіямъ со стороны ихъ основателей, любовь къ наукѣ въ руководителяхъ музея сказывается въ ихъ ростѣ, въ постоянныхъ заботахъ о пополненіи коллекцій, объ улучшеніи въ систематизаціи или въ ихъ распредѣленіи. Провинціальные Музеи являются серьезными двигателями научной работы не только въ своихъ родныхъ городахъ и областяхъ, но и для всей Россіи. Мы упоминали уже объ единственной, въ своемъ родѣ, болгарской коллекціи А. Ѳ. Лихачева въ Казани. Городецкій Музей представляетъ богатый матеріалъ для изученія Волини. Въ Екатеринославскомъ музеѣ имени А. Н. Поля собрана, между прочимъ, богатая этнографическая коллекція по Новороссіи. Въ виду выдающагося интереса, представляемаго подобными областными хранилищами, намъ хотѣлось бы высказать нѣсколько мыслей о имѣющихся у насъ подъ руками

каталогамъ провинціальныхъ музеевъ. Представляя въ общемъ обычный типъ указателей, они, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворяютъ тѣмъ двумъ цѣлямъ, которыя должны бы имѣть въ виду каталоги музеевъ. Прежде всего, они зачастую могутъ служить лишь весьма малымъ содѣйствіемъ публикѣ, руководить которой при осматриваніи коллекцій они призваны. Чаще всего они вовсе не объясняютъ самый предметъ.

Осматривающій и безъ помѣтки каталога видитъ, что данный предметъ есть браслетъ, серьга, кусокъ матеріи, братина, ножъ и т. п. Такъ какъ каталогъ ему больше ничего не объясняетъ, онъ безъ вниманія проходитъ иногда мимо очень интереснаго археологическаго или этнографическаго предмета. Небольшое примѣчаніе въ каталогѣ, всего нѣсколько словъ могли бы ему освѣтить значеніе выставленнаго, связать данный предметъ въ его представленіи съ рядомъ другихъ, возбудить болѣе болѣе интересъ, способность къ сравненію и обобщенію. Посѣщеніе музея было бы вдвое полезнѣе съ такимъ каталогомъ въ рукахъ. Подобный объяснительный характеръ носятъ уже каталоги нѣкоторыхъ заграничныхъ археологическихъ и этнографическихъ музеевъ. Очень желательнымъ является предпосылка каждому отдѣлу небольшого вступленія, объясняющаго его для посѣтителей неспеціалистовъ. Такія небольшія вступленія мы встрѣчаемъ въ каталогѣ Кіевского Музея—но зато въ перечисленіи предметовъ этотъ же каталогъ отличается удивительной краткостью. Мы видимъ еще одну задачу, которую могли бы исполнить каталоги. При постепенномъ и весьма желательномъ увеличеніи числа провинціальныхъ научныхъ центровъ, посѣщеніе ихъ является все болѣе и болѣе затруднительнымъ для ученыхъ. Необходимо, чтобы каталогъ далъ имѣющему его въ рукахъ полное представленіе о хранящихся въ немъ коллекціяхъ, чтобы онъ помогалъ ориентироваться въ нихъ и на разстояніи, чтобы всякій могъ, просмотрѣвъ его, имѣть ясное понятіе о томъ, что его можетъ особенно интересовать въ данномъ музеѣ, найдеть ли онъ въ немъ интересующій его спеціально научный матеріалъ.

Желательно поэтому болѣе подробное описаніе предметовъ и ихъ характерныхъ признаковъ, указаніе на эпоху и стиль, точное воспроизведеніе подписей (это послѣднее важно и для посѣтителей, для которыхъ прочесть подпись на круглыхъ, напр., предметахъ въ витринѣ зачастую совершенно невозможно), указаніе на происхожденіе предмета и пр.

Въ значительной мѣрѣ этому послѣднему желанію удовлетворяетъ каталогъ Екаторинославскаго музея. Въ немъ этнографъ съ особеннымъ удовольствіемъ просмотритъ этнографическій отдѣлъ, который дастъ ему много интересныхъ свѣдѣній, благодаря толковому объясненію предметовъ, а также многочисленнымъ иллюстраціямъ, представляющимъ типы построекъ, отдѣльныя части жилья, костюмы, занятія жителей и проч. Иллюстрировать каталогъ музея снимками съ хранящихся въ немъ коллекцій чрезвычайно желательно въ вышеуказанныхъ цѣляхъ. Никакое описаніе не дастъ такого яснаго представленія о выставленномъ предметѣ, какъ приложенный снимокъ. Конечно, подобное составленіе каталоговъ является значительнымъ трудомъ для хранителей, но это—бла-

городная задача, передъ которой, надо надѣяться, не отступать лица, владущія уже такъ много работы на любимое дѣло.

*В. Х—на.*

**Памятная книжка Воронежской губерніи на 1906 г.** Составлена подъ редакціей Д. Г. Тюменева. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Воронежъ, 1906. 120 + 112 + 120 + 176 стр. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Къ числу оригинальнѣйшихъ явленій русской жизни принадлежитъ своеобразная сословная группа «однодворцевъ», выродившаяся въ особый этнографическій типъ. Въ параллель съ «однодворцами» можно поставить развѣ только казачество, но, при многихъ общихъ чертахъ, между тѣми и другими еще больше разницы. Сословныя и, вообще, юридическія рамки, отдѣлявшія однодворцевъ отъ крестьянства, давнымъ-давно исчезли, но этнографическій типъ однодворца прекрасно сохранился до нашихъ дней: его вы встрѣтите повсюду въ южно-великорусскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, типъ этотъ изученъ еще очень недостаточно, хотя онъ одинаково интересенъ и для этнографа, и для историка, и для экономиста, и, пожалуй, для социолога. Въ немъ мы имѣемъ, своего рода, живой экспериментъ, наглядно показывающій, какое вліяніе оказываютъ на весь складъ жизни человѣка политическія и юридическія факторы.

Этнографы занимались однодворцами еще меньше, нежели историки и экономисты. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать каждой попытки увеличить сумму нашихъ свѣдѣній о теперешнемъ житьѣ-бытьѣ однодворцевъ. Напечатанная въ «Памятной Книжкѣ» Воронежской губерніи 1906 г. статья *Од. Поликарпова* «Бытовые черты изъ жизни крестьянъ села Истопаго, Нижнедѣвицкаго уѣзда, Ворон. губ.» (стр. 1—30) принадлежитъ именно къ числу такихъ попытокъ. Авторъ коротко касается почти всѣхъ чертъ быта мѣстныхъ жителей. «Духовный обликъ» «стебенца» (подъ этимъ именемъ извѣстны жители с. Истопаго) получается весьма мрачный. Что стебенцы «любятъ выпить», что у нихъ сохранилось много суевѣрій, а нехлыше слухи находятъ для себя благопріятную почву,—всему этому никто не удивится. Но стебенцы, кромѣ того, «отличные воры», они «не религіозны», «супружеская вѣрность у нихъ—явленіе весьма рѣдкое»,—относительно этихъ чертъ никакъ нельзя сказать, чтобы онѣ были обычными среди нашихъ крестьянъ. А, вѣдь, все это встрѣчаемъ мы у людей, которые никогда не испытали на себѣ прелестей крѣпостного права, которые, мало того, сами ведутъ свой родъ по прямой линіи отъ «дворянской кости»,—отъ «служилыхъ людей» старой Руси.

Имѣя въ виду все то, что извѣстно намъ и изъ другихъ источниковъ объ однодворцахъ какъ Воронежской, такъ и другихъ губерній, мы можемъ высказать общее сужденіе, очень неутѣшительное: однодворцы вырождаются. И въ этомъ ихъ судьба опять-таки сходна съ судьбою нашихъ казаковъ. Таковъ ужъ, видно, русскій крестьянинъ

(или даже вообще русскій человѣкъ?), что, выбитый изъ одной колѣн и не приставшій къ другой, онъ теряетъ всякую почву подъ ногами и быстро падаетъ внизъ. Недаромъ же всѣ народныя выраженія и разговорки по адресу такого рода отъ одного берега отставшихъ, а къ другому не приставшихъ людей (напр.: «межеумокъ», «ни то, ни сѣ», «ни въ городъ Богданъ, ни въ селъ Селиванъ», и др.) звучатъ горькою ироніею.

Отъ автора разсматриваемой статьи, мы будемъ ждать дополненія къ ней, въ которомъ мы совѣтуемъ г. Поликарпову остановиться на томъ, какъ и что думаютъ стебенцы сами о себѣ: сохранили ли они какую-либо память о своемъ славномъ прошломъ? гордятся ли имъ? какъ относятся къ своимъ сосѣдямъ-«мужикамъ», равно какъ и тѣ къ нимъ? Вообще, желательно было бы сравнить бытъ стебенцевъ съ жизнью овражанинскихъ сосѣдей, а мѣстные костюмы сравнить съ описаніями воронежскихъ костюмовъ Н. И. Второва. Исторію села, въ смыслѣ появленія въ немъ въ разное время нѣсколькихъ группъ, нѣкогда отличныхъ и только потомъ слившихся въ одно цѣлое, необходимо выяснитъ обстоятельнѣе. Нѣкоторую помощь въ этомъ отношеніи могутъ оказать фамиліи жителей, а также названія старыхъ «сотенъ» (если только они сохранились). Наконецъ, предостерегаемъ автора отъ публицистической манеры стучать краски съ цѣлью единства впечатлѣнія: манера эта иногда портитъ его хорошую, въ общемъ, статью.

Изъ другихъ статей «научно-литературнаго отдѣла» разсматриваемой «Книжки» необходимо отмѣтить статью *В. В. Литвинова* «Первая Памятная Книжка Воронежской губ.», вышедшая въ 1856 г. Будущему историку русской этнографіи статья эта окажетъ большую услугу. Тутъ же указатель статей, помѣщенныхъ въ 23-хъ вышедшихъ за полѣтка «Книжкахъ».

Интересная для историка литературы статья *А. Путинцева* объ А. П. Серебрянскомъ, отношенія къ этнографіи не имѣетъ. Замѣтка *С. Н. Введенскаго* «Изъ воронежскаго прошлаго» — то же.

Изъ другихъ отдѣловъ «Книжки» много интересныхъ для этнографа свѣдѣній въ статистическомъ отдѣлѣ. Но на немъ мы не останавливаемся за недостаткомъ мѣста.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать симпатичному изданію Воронежской «Памятной Книжки» дальнѣйшаго процвѣтанія въ новомъ полу-столѣтіи ея существованія.

*Д. м. Зеленинъ.*

**Издація Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи. 1904 и 1905 гг. Москва.**

Комиссія по изученію старинныхъ церковныхъ памятниковъ Москвы и ея окрестностей дѣятельно работаетъ и печатаетъ результаты своихъ

изученій и осмотровъ. Эти изданія представляютъ собою прекрасное подспорье для желающихъ ознакомиться со всѣми старинными иконами и предметами церковной утвари, разсыпными во множествѣ по московскимъ храмамъ. Подробныя описанія древнихъ памятниковъ снабжены снимками, которые даютъ ясное представленіе о сохранившихся предметахъ.

Между изданіями Комиссіи останавливаетъ вниманіе статья Д. У. «Небесные цѣлители отъ трясавичнаго недуга», въ которой описывается икона церкви села Косна М. у. съ изображеніями св. св. Сисинія и Марона. Подобнаго сюжета, по замѣчанію автора, еще не встрѣчалось въ иконографической литературѣ. Онъ таковъ: рядомъ, справа на иконѣ, наряжены св. Сисиній и Маронъ, противъ нихъ, слѣва на иконѣ, помѣщенъ арх. Сиханъ съ длиннымъ копьемъ; внизу, какъ бы въ ямѣ, очертанія десяти женскихъ фигуръ, наверху иконы—благословляющей Господь въ облакахъ. Икона эта должна быть отнесена къ ряду изображеній свм. Сисинія, почитающагося цѣлителемъ лихорадки, который на иконахъ (очень распространенныхъ до конца XVII в.) обыкновенно изображается одинъ, въ молитвенномъ положеніи, а лихорадокъ поражаетъ ангель-хранитель. Описанная икона представляетъ собою вариантъ на типическое изображеніе цѣлителя отъ лихорадки, вариантъ, очевидно, явившійся подъ влияніемъ различныхъ народныхъ повѣрій.

Интересными являются для занимающихся изученіемъ русской древней иконографіи, брошюры «Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собораній» А. И. Успенскаго и «Церковь св. Сергія въ Рогожской», въ которыхъ помѣщены снимки со старинныхъ иконъ и приложены подробныя описанія.

Изданія Комиссіи печатаются на прекрасной бумагѣ, а снимки въ нихъ сдѣланы весьма тщательно.

*Е. Е.*

**Николай Харузинъ.** Этнографія. Лекціи, читанныя въ императорскомъ московскомъ университетѣ. Подъ ред. В. Харузиной. IV. Вѣрованія. Вѣра Харузина. Матеріалы для библиографіи этнографической литературы. Спб. 1905. 8°. 530 + 295 стр. (въ одной книгѣ). Ц. 2 р. 50 коп.

Не будемъ повторять взглядовъ, уже высказанныхъ раньше на страницахъ «Эти. Обзорнія» по поводу предыдущихъ выпусковъ «Этнографіи» Н. Н. Харузина. Укажемъ только, что было высказано мнѣніе о необходимости разработки даже общихъ вопросовъ этнографіи, подготовленныхъ для этого русскими научными силами, русскими, какъ ближе стоящими къ огромному славянскому и инородческому населенію Европейской и Азиатской Россіи. Несомнѣнно, русская наука внесетъ въ эту область знаній много своего, но, прежде, ей надо все же хорошо освоиться съ результатами, добытыми западно-европейской наукой. Лекціи Н. Н. Харузина въ значительной мѣрѣ удовлетворяютъ этой потребности, да, кромѣ

того, хорошо проредактированные В. Н. Харузиной, онѣ отмѣчают наиболѣе опредѣлившіяся теченія въ русской литературѣ.

4-й выпускъ «Этнографіи» охватываетъ самый богатый по научной литературѣ и самый интересный для неспеціалиста-читателя отдѣлъ—*этропанія*. Въ немъ, кромѣ введенія, 14 главъ, при чемъ по главамъ посвящено тотемизму, фетишизму и шаманству, очень наглядно изложены также главы IX—XII: вѣра въ загробное существованіе человѣческой души, представленія о загробномъ мірѣ, культъ мертвыхъ и культъ предковъ. Болѣе отвлеченно разработаны такіе спорные въ наукѣ вопросы, какъ возникновеніе религіознаго чувства, представленія о душѣ, развитіе идеи о верховномъ существѣ и т. п. Кромѣ того, нѣкоторыя выдающіяся научныя теоріи (Лёббока, Спенсера, Тэйлора) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ не отвоевали еще себѣ положительнаго признанія, объясняются или иллюстрируются (сопоставленіями) въ «лекціяхъ» Н. Н. Харузина лишь постольку, поскольку необходимо, чтобы вывести читателя изъ ряда спорныхъ вопросовъ къ наиболѣе вѣроятному рѣшенію. Впрочемъ, если автору и не удалось стать на болѣе или менѣе твердый самостоятельный путь, то это еще не уменьшаетъ его заслугъ передъ наукой, такъ какъ онѣ могъ имѣть въ виду лишь наиболѣе безпристрастную популяризацию. Его же лекціи (какъ и всякія лекціи) несомнѣнно, прежде всего, этою цѣлью и опредѣляются.

Популяризація же этнографическихъ данныхъ, въ лекціяхъ покойнаго автора, именно въ разбираемомъ 4-мъ выпускѣ «Этнографіи» даетъ очень много для неподготовленнаго читателя, хотя отъ послѣдняго и требуется нѣкоторый навыкъ къ удержанію опредѣленной группы идей среди массы самыхъ разнообразныхъ конкретныхъ наблюденій и фактовъ, взятыхъ при самой разнообразной бытовой обстановкѣ. Здѣсь, пожалуй, и опредѣлится главная задача дальнѣйшихъ послѣдователей нашего автора: они должны будутъ, не удаляясь отъ «послѣдняго слова науки», наиболѣе приблизиться къ невооруженному опыту и знаніемъ читателя.

Популяризація—это одна сторона дѣла. Въ лекціяхъ Н. Н-ча есть и другая. Онѣ работали и для науки. Его обширные и многочисленныя этнографическіе труды дали ему возможность приняться и за сводку своихъ этнографическихъ знаній, а частично—и за попутную разработку деталей въ свѣтѣ общихъ положеній.

Въ связи съ этимъ для спеціально занимающихся этнографіей, авторъ далъ цѣнныя приложенія: 1) указатель источниковъ (гл. обр. иностранныхъ, но не мало и русскихъ, стр. 451—455), 2) алфавитный указатель именъ и предметовъ (стр. 457—529).

Прямымъ продолженіемъ этихъ приложеній является трудъ самого редактора В. Н. Харузиной «Матеріалы для библиографіи этнографической литературы». Здѣсь указаны не только иностранные оригиналы, но даже и русскіе переводы ихъ; если въ какомъ-либо сочиненіи указана библиографія, то это отмѣчено въ «Матеріалахъ». Приложенъ списокъ журналовъ, посвященныхъ этнографіи и смежнымъ съ нею наукамъ; указаны

статьи, помещенныя въ этихъ журналахъ, и отдѣльные оттиски изъ нихъ. Самый указатель расположенъ по отдѣламъ: 1) общій, 2) путешествія и сочиненія, относящіяся къ *нѣсколькимъ* материкамъ, 3) Азія, 4) Африка, 5) Америка, 6) Австралія и острова Тихаго Океана, 7) Европа, 8) Россія, 9) Программы, 10) Периодическія изданія.

О добросовѣстности и тщательности труда В. Н. Харузиной нечего и говорить. Только большая любовь къ дѣлу, привычное терпѣніе и долгодѣтняя начитанность могутъ дать столь цѣбныя результаты.

Вл. Б.

---

## ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

«Вѣстникъ Европы». 1905. I. и II. *Герье, В. И.* Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма. Часть первая, I—VI. Часть вторая (оконч.). Въ статьѣ много интересныхъ сопоставленій по исторіи религіи и религіозныхъ сектъ.—I. *Эриксонъ, Э. В.* Китайцы, какъ самостоятельная раса. По личнымъ наблюденіямъ. Авторъ касается художества, кустарнаго дѣла, пищи, питья, лѣченія, невинности народа, вѣры въ божества, взглядовъ на жизнь и смерть, самоубійства, обхожденія въ обществѣ, отсутствія пьянства (см. его же статью: «Душевныя и нервныя болѣзни на Дальнемъ Востокѣ», «В. Е.», 1901), суда, преступленій, душевнаго настроенія, зрѣлищъ, работоспособности, рѣчи, занятій, семейнаго и государственнаго строя, науки, поэзіи, религіи.—*А. П.,* Гариць: Китайскія сказки.—Это послѣдняя работа А. Н. Пыпина, написанная 25 ноября, наканунѣ смерти, и оставшаяся незаконченной. Въ своемъ отзывѣ на книгу Гарина А. Н. Пыпинъ заключаетъ, что въ корейцахъ «есть элементъ, который не есть ни японскій, ни китайскій; они родня тѣмъ старымъ сибирскимъ племенамъ, которыя еще отзываются первобытными временами».—Некрологъ: А. Н. Пыпинъ.—II—III. *Зѣлинскій, О. Ф.* Гермесъ трижды великій «соперникъ христіанства». Не соглашаясь съ главными выводами въ работѣ Рейценштейна («Poimandres», Лейпцигъ, 1904) и видя въ ней «египтоманію», авторъ пересматриваетъ вопросъ о происхожденіи и значеніи «герметическихъ ученій». Онъ приходитъ къ заключенію, что «подъ знаменемъ Гермеса—Тота греческая религія соединилась съ египетскою; послѣдствіемъ этого соединенія было распаденіе герметизма на высшій и низшій». Высшій герметизмъ (онъ и есть соперникъ христіанства), «какъ система религіознаго ученія остался греческимъ въ душѣ и лишь внѣшнимъ образомъ примкнулъ къ египетскому пантеону; наоборотъ, низшій герметизмъ, какъ система магическихъ практикъ, остался по своему существу египетскимъ, хотя и принялъ въ себя и греческія и другія иноземныя начала, и особенно—греческій языкъ».—III. *Крюковъ, Н. А.* Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. По личнымъ наблюденіямъ. Этотъ интересный очеркъ подтверждаетъ фактъ умѣнія евреевъ приняться за земледѣльческій трудъ и вести сельское хозяйство.—IV



Отзывъ на книгу А. Ефименко: Южная Русь. Т. I.—V—VI. *Надинъ, Н.* 50-лѣтіе Амурскаго края. 1854—1904. Завоеваніе края. Первые колонисты—казаки. Заселеніе Амура крестьянами. Естественныя богатства и промыслы. Обрабатывающая промышленность и торговля. Пути сообщения. Школы и врачебно-санитарная помощь. Рабочіе. Иностранцы.—VII. *В. В.* Еврей-земледѣльцы. (Статья написана по поводу изданія колонизаціоннаго общества: «Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. (Т. I и II. Спб. 1904).—*Чарушинъ, Л.*, переселенческое дѣло въ Россіи (оконч. въ VIII книгѣ).—*Яроцкій,* Природа человѣка по Мечникову.—Отзывъ *Е. Л.* на книгу П. А. Берлинъ: Пасынки цивилизаціи (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ) и на «Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Об-ва, т. I».—VIII и IX. *Оболенскій Л. Е.* Габріель Тардъ и его социологическая и философская система.—X. *Тепляковъ.* Записки о Сиріи и Палестинѣ. (См. хронику).—X—XI. *Оболенскій, Л. Е.* Изъ поѣздки въ Саровъ. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. (Интересны: Разговоры объ юродивыхъ прорицательницахъ Дивѣвскаго монастыря, игра крестьянскихъ ребятъ въ японскую войну, Паша юродивая, отношенія къ ней толпы и наоборотъ, куклы-прорицательницы, брошюры о дивѣвскихъ юродивыхъ, своеобразное соединеніе въ нихъ бытовыхъ фактовъ и бессознательнаго вымысла, вдохновляемаго потребностью въ извѣстнаго рода идеалѣ «сверхчеловѣка», предшественница идеи «опрошенія» въ XVIII столѣтіи, А. Мельгунова, реликвіи и др.).—XII. *Васюковъ, С.*, Русская община на кавказско-черноморскомъ побережьи.—Замѣтки: *Клеменць, Д.* По поводу книги: «Das Alter der wirtschaftlichen Kultur, von Ed. Hahn. Ein Rückblick und ein Ausblick». Heidelberg, 1905. Авторъ уже давно въ литературѣ выступаетъ съ своими взглядами на смѣну и развитіе различныхъ типовъ хозяйства въ разные эпохи и у различныхъ народовъ, а потому его оцѣнка книги Гана очень интересна. Г. Клеменць, какъ и Ганъ, противникъ теоріи трехъ стадій развитія и особенно ярко выступаетъ таковымъ въ вопросѣ о хозяйствѣ у кочевыхъ народовъ. Но разработку вопроса у Гана онъ не признаетъ удовлетворительной. Въ своихъ «Hausthiere, говоритъ рецензентъ, Ганъ безъ обиняковъ утверждаетъ, что кочевой бытъ не могъ развиваться самостоятельно потому, что кочевникъ не можетъ обходиться безъ растительной пищи. Въ разбираемой нами книгѣ онъ оговаривается уже, что изъ чистыхъ охотниковъ, жившихъ одной охотой, не могли развиваться кочевники. Эта поправка, однако же, ничего не исправляетъ. Дѣленіе людей на звѣролововъ, кочевниковъ и земледѣльцевъ, какъ и всякая схема, искусственна». Говоря далѣе о кочевникахъ, г. Клеменць пишетъ: «Исторія намъ достаточно доказала, насколько стойка эта форма быта. Вычеркните изъ нея кочевья племена, и въ ней многое остается совершенно непонятнымъ. Въ концѣ концовъ переходъ къ осѣлости и земледѣлію отъ первобытнаго звѣроловаго быта черезъ кочевой не составляетъ общаго правила. Покойный Ядринцевъ, въ своемъ интересномъ этюдѣ: «Лѣса, какъ начало осѣлости», съ

большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла доказалъ, что лѣсные племена охотнѣе и скорѣе переходятъ къ земледѣлію, чѣмъ кочевники; но, несмотря на это, нужно все-таки помнить, что въ Европѣ во многихъ мѣстахъ путь развитія былъ таковъ, — и послѣ классическихъ работъ Мейтцена въ этомъ и сомнѣваться невозможно».

**Живая Старина**, изданіе Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О., подъ ред. *В. И. Ламанскаго, Ѡ. И. Щербатскаго и Н. Н. Виноградова. 1906* (годъ XV), *вып. 1. Большаковъ, М. А.* Община у зырянъ (не оконч.).—*Адлеръ, Б.* Адольфъ Бастианъ.—*Его же, Фридрихъ Ратцель*, какъ этнографъ.—*Косичъ, М. Н.* О постройкахъ бѣлорусскаго крестьянина Черниговской губ. Мглинскаго у.: села Росухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора. (Въ текстѣ 24 рисунка).—*Путинцевъ, Алексій*, О говорѣ въ мѣстности «Хворостанъ» Воронежской губерніи. Авторъ считаетъ населеніе Хворостани «исключительно в. русскимъ» и дѣлитъ его на двѣ группы: 1) цуканы и 2) талагаи. Давъ нѣсколько общихъ бытовыхъ чертъ той и другой группы, авторъ останавливается на фонетическихъ морфологическихъ особенностяхъ, а также даетъ въ алфавитномъ порядкѣ лексическій матеріалъ.—*Антиповъ, В.*, Рѣшеніе спора о межахъ. Эта небольшая замѣтка относится къ размежеванію крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель Череповецкаго уѣзда.—*Жуковский, В.* Нѣсколько былинъ и духовныхъ стиховъ въ старыхъ записяхъ (к. 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг.). Одна — это «Пѣсня про князя Владимира Кіевскаго», запис. въ Горбатовскомъ у. Нижегородской губ.; другая — «Былина о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ», Запис. въ Землянскомъ у. Воровскаго уѣзда. Остальныя пока еще не напечатаны; редакция напечатаетъ ихъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего журнала.—*Отто, Н.* Старые русскіе стихи. Пѣсни стихарей. Авторъ собралъ цѣлую коллекцію пѣсень въ разныхъ мѣстностяхъ Новгородской губ. и помѣщаетъ здѣсь слѣдующія: «Голубиная книга», «Стихъ про Егорьевы мученья», «Стихъ объ Олексаѣи, царской дочери», «Стихъ о милостивой женѣ», «Стихъ о грѣшной душѣ» и «Стихъ про удачу добраго молодца».—*Ильинскій, Яковъ.* Народныя апокрифическія сказанія, записанныя въ Ярославской губерніи.—*Едемскій, М. Е.* Загадки въ Кокшенинѣ, Тотем. уѣзда.—*Антиповъ, В.* Пословицы и поговорки (Черепов. у.).—*Работновъ, Н.* Новая частушка.—Далѣе слѣдуетъ библіографія, смѣсь и хроника.

**Землевѣдѣніе.** Периодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. *Д. Н. Анучина. 1905 г. кн. III—IV. Анучинъ, Д.* Элизе Реклю (Некрологъ).—*Колмогоровъ, А.* Поѣздка по Чухаріи. Предварительное сообщеніе. Есть свѣдѣнія о бытѣ населенія Тихв. у. Новгородской губ., Лодейнопольскаго у. Олон. губ., между прочимъ о семейномъ бытѣ, о свадьбѣ; даны рисунки).—*Колмогоровъ, А.* Зырянская деревня въ Сибири (Михайлово-Архангельская въ Енисейск. уѣздѣ). Тяжелыя жизненныя условія совершенно почти сгладили всѣ особенности зырянскаго быта.

Въ концѣ книги приложенъ «Указатель статей, замѣтокъ и рецензій

помѣщенныхъ въ журналѣ «Землевѣдѣніе» за 12 лѣтъ (съ 1894 по 1905 г.).

**Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Спб. 1905 г.**  
*Прибавл.* къ вып. 16-му. Археологическая хроника (за 1 ю половину 1905 года).—Вып. 17-й съ 131 рис. (Спб. 1905). *Шкорпилъ, В. В.* Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи и его окрестностяхъ въ 1903 г. (съ 39 рис.).—*Бобринскій, А. А.*, гр. Отчетъ о раскопкахъ близъ с. Журавки и Капитоновки (Кіевской губ.) въ 1904 г. (съ 39 рис.).—*Спицынъ А. А.*, Вещи съ инкрустаціей изъ Керченскихъ катакомбъ, 1904 г. (съ 48 рис.).—*Иностранцевъ, А. А.* Отчетъ о поѣздкахъ въ мѣстности «Коломны» близъ Новгорода (съ 1 рис.).—*Прибав.* къ 18-му вып. (Спб. 1906 г.). Археологическая хроника за 2-ю половину 1905 г.

**Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ XLII 1906. Вып. 1.** *Шкапскій, О. А.* Двѣ поѣздки въ горы Ташкентскаго уѣзда. (Есть свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ киргизско-кочевниковъ).—*Липскій, В. И.* По горнымъ областямъ Русскаго Туркестана (Тянь-Шана) (съ рисунками). Статья спец.-географическая; есть, впрочемъ, небольшія самыя общія замѣчанія о бытѣ кочевыхъ киргизъ и, между прочимъ, сравненіе мѣстныхъ киргизскихъ мелодій съ мало-россійскими.—*Краноткинъ, кн. П. А.* Элизе Реклю (Некрологъ. Перев. съ англ. Л. Б.). Въ концѣ помѣщена обширная библиографія.

**Извѣстія Общества археологій, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ. Т. XXI, 1905, вып. 3.** *Зеленинъ, Д. К.* Черты быта усень-ивановскихъ старовѣровъ. (См. отзывъ въ «Этн. Обзор.» 1905 г., № 4).—*Кротовъ, П. И.* О новыхъ поселеніяхъ каменнаго вѣка въ Казанской губерніи. (У с. Кокшайскаго и у д. Ст. Кокузы на р. Свигѣ).—*Катановъ, Н. Ѳ.*, Эпиграфическій памятникъ Волжской Булгаріи (со снимкомъ).—*Магницкій, В. К.*, Чувашскія изысканія имена. Оконч. въ слѣд. №№. (Отзывъ см. «Этн. Обзор.» 1905, № 4).—**Вып. 4** *Катановъ, Н. Ѳ.* и *Покровский, И. М.* Отзывъ изъ одной татарской лѣтописи о Казани и казанскомъ ханствѣ (между прочимъ, есть свѣдѣнія о столкновеніяхъ русскихъ съ татарами, башкирами, русскими казаками и др. въ XVII вѣкѣ).—*Варнеке, Б. В.*, Изъ исторіи русскаго театра въ началѣ XVIII вѣка. (Анализируется «шутовская комедія» и въ ней—осмѣяніе врачей).—*Саркинъ, Н. Я.*, Киргизское стихотвореніе объ Александрѣ Македонскомъ. (А. М. (Искендиръ) имѣлъ рога счастья, но этого не должны были знать его подданные, чтобы Искендиръ не умеръ. Удовлетворенный всѣмъ, Искендиръ послалъ за бессмертной водой (впослѣдствіи—въ вѣрованіяхъ—дождь). Цирульникъ, который брилъ голову царя, былъ причиною смерти Искендира, и ему уже не помогла принесенная вода, бессмертная (не шла въ ротъ)).—*Катановъ, Н. Ѳ.* Киргизская и казанско-татарская версія христіанскаго сказанія о семи спящихъ отрокахъ. (Это христіанское сказаніе циркулируетъ у коптовъ, сирійцевъ, арабовъ, эоіоповъ, армянь, турокъ, персовъ, сартовъ и татаръ, также въ Китайскомъ Туркестанѣ. «Собраніе молитвъ», имена семи отроковъ и ихъ собаки гравированы у казанск.

татаръ на перстняхъ, поясныхъ пряжкахъ, печатяхъ).— *Бекимовъ, М. Н.* Свадебные обряды киргизовъ Уральской области. (Калымъ, сватовство, пирь, подарки, прѣздъ жениха въ аулъ невесты, подарки етъ него аулу, скачки, стрѣльба, пѣвецъ «который считаетъ свой родъ старше другихъ родовъ», «тартысъ» (т.-е. оттягиваніе—не даютъ невесту), игра въ другомъ аулѣ, кадѣ (подарки жениха невестѣ), постель; это—первый прѣздъ жениха въ аулъ невесты «орун-бару», т.-е. отѣздъ постели. Прѣздъ жениха къ невестѣ ночью. Спустя извѣстное время происходитъ «вторая свадьба»—самая главная. Невѣста переходитъ къ жениху и идетъ къ нему со своею матерью)—5—6. *Абуль Гази, хивинскій ханъ*, Родословное древо тюрковъ. Переводъ и предисловіе Г. С. Саблукова, съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Н. Ф. Катанова.—1906 т. XXII, вып. 1. *Введенскій, С. Н.* Кудеярова поклажа. (Статья интересна и для этнографовъ, такъ какъ преданія о Кудеярахъ еще не собраны и не подвергнуты научной обработкѣ; по статьѣ можно ориентироваться).—Этнографическій очеркъ *Милковича*, писателя конца XVIII в., о чувашахъ. Съ предисловіемъ *Н. В. Никольскаго* (Лѣтосчисленіе, наружный видъ, пища, напитки, одежда, родинные и свадебные обряды, болѣзни, смерть, поминки большія и малыя), религія: богъ, вѣтеръ, керемети, о сотвореніи міра, жертвоприношенія (между прочимъ, Солнцевой матери), праздниства, клятвы. «Извлеченія изъ историческаго описанія о Базанской губерніи».

**Русскій Антропологическій Журналь.** Изданіе Антроп. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. *А. А. Ивановскаго*. Кн. XXI—XXII. 1905 г. №№ 1 и 2. *Завойскій, К. И.* Медицина и врачи въ Манчжуріи (съ 65 рис.). Несмотря на значительную культурность въ манчжурской медицинѣ, она сопровождается еще многими пережитками отдаленной старины. Вывѣски врачей, напр., представляютъ изъ себя картинки, сюжетъ которыхъ взятъ изъ мифологіи или древнихъ сказаній о медицинѣ. Въ статьѣ приведено нѣсколько рисунковъ этого типа, особенно же интересенъ рис. 25, изображающій женщину съ распоротымъ животомъ, съ изображеніемъ такого же, какъ у нея лица внутри ея и съ отдѣльными человѣческими фигурами вокругъ нея, символически-изображающими вынутыя изъ нея внутренніе органы. Далѣе, изъ лѣкарствъ употребляются, напр., «кости и зубы дракона». Въ китайской медицинской книгѣ говорится, что драконъ, состарѣвшись, прилетаетъ на гору Таймань и мѣняетъ свои старые кости на новыя; эти-то кости, найденныя на горѣ, имѣютъ цѣлебное свойство. Въ этой же книгѣ говорится, что «драконъ имѣетъ голову верблюда, рога оленя, глаза зайца, уши быка, бороду козла; шея у него—какъ у змѣи, животъ—какъ у слизняка, чешуя—какъ у рыбы, ноги—какъ у орла, когти—какъ у тигра; по хребту его идетъ 81 чешуя, по бокамъ ея много, хвостомъ онъ издаетъ шумъ на подобіе ударовъ по мѣдному листу, его дыханіе—туча, его гнѣвъ—молнія; живеть онъ на небѣ и на морѣ». Статья, вообще имѣетъ много деталей и болѣе интересна для спеціалиста-медика и антрополога.—*Арутиновъ, А.* Удины. (Съ 7 рис.). Удины (уды) населяютъ двѣ де-

ревни, Наджь и Варташенъ (Нухинск. у. Елисаветп. губ.). Число ихъ всего до 7.800 душъ обоего пола. Историческія свѣдѣнія о нихъ скудны. Занимаются, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ, садоводствомъ. Жилища сохранились еще и стараго типа съ костромъ по срединѣ земляного поля. Одежда и пища—обыкновенныя кавказскія. Въ семейномъ быту удины патриархальны; бракъ тоже имѣетъ много древнихъ чертъ. Народная медицина зиждется на вѣрѣ въ злого духа, посылающаго болѣзни.

Между прочимъ, при лѣченіи психическихъ заболѣваній, въ особенности, когда молитвы и жертвоприношенія не произвели должнаго эффекта, удины часто прибѣгаютъ къ продолжительной пляскѣ, которой подвергаются больные въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ подъ звуки музыки (зурны). Громадное большинство удинъ являются рѣзкими брюнетами; цвѣтъ кожи слабо-смуглый, слегка желтый; волосы на головѣ прямые, густые, мягкіе, (нѣкоторые старики стригутъ коротко или даже бреютъ всю голову, оставляя на темени пучокъ волосъ длиною до 250 мм.), бороду удины бреютъ или стригутъ коротко; ростъ у нихъ средній, съ наклономъ къ низкорослости; по измѣренію головы, они имѣютъ всѣ типическія черты рѣзкой брахицефалии.

Скудныя свѣдѣнія по исторіи древней Агваніи или Албаніи, которую авторъ склоненъ признать колыбелью удинъ, указываютъ, что съ древнѣйшихъ временъ удины смѣшивались съ многими народностями. Это обстоятельство, въ связи съ сходствомъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ удинъ, мордвы и вотяковъ, дало основаніе профессору Эйхвальду высказать свое предположеніе о родствѣ удинъ съ нѣкоторыми финскими племенами. Эйхвальдъ допускаетъ такіа сближенія: Страбоновы уты или ути; вотяки (по Вяткѣ) нынѣ зовутъ себя почти такъ же, т.-е. удами; у позднѣйшихъ племенъ упоминаются утидорсы, это уты и арсы (эрсы), что еще больше указываетъ на принадлежность утовъ къ финскому племени. Финскія племена зыряне (Страбоновы сесроки) и мордва (называемыя эрсами или эрсьями) т.-е. аорсы, а также и уты вели, какъ думаютъ, большую караванную торговлю съ Арменіей, Индіей и даже до Вавилона. Часть ихъ и поселилась въ Арменіи.

Съ другой стороны, ак. Шюнеръ пришелъ къ заключенію, что языкъ удинъ находится въ родствѣ съ разными языками нагорнаго Дагестана, но подпалъ подъ вліяніе тюркскихъ элементовъ, такъ что о родствѣ удиновъ съ финнами, по даннымъ языка, и рѣчи быть не можетъ. Наконецъ Теръ-Мекертчянъ, сравнивая языки удинъ и урартійскихъ (вацскихъ) клинообразныхъ надписей, находитъ у нихъ общее и ставитъ вопросъ о родствѣ удинъ съ урартійцами. Сравнительныя антропологическія данныя самого г. Арутинова тоже мало освѣщаютъ этотъ темный вопросъ. Отдѣльныя антропологическія схемы для сравненія удинъ съ другими народностями даютъ самый неудовимый подборъ родства и уклоненіе отъ него (встрѣчаются и вотяки, и мордва, и армяне), но никакихъ положительныхъ выводовъ не даютъ. — *Курдовъ, К. М.* Въ антропологии лезгинъ: табасаранцы. Раньше (Антроп. Ж. 1901, № 3 и 4)

г. Бурдовъ помѣстилъ статью: «Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы». Настоящій очеркъ дополняетъ эту статью. Въ конечномъ выводѣ авторъ осторожно высказываетъ мысль, что табасаранцы менѣе родственны лезгинамъ, чѣмъ это принято думать, и что многое ихъ ставить особнякомъ среди населенія Кавказа, а многое даже сближаетъ ихъ съ представителями монгольской расы.

*Прохоровъ, К.* Исслѣдованія великоруссовъ по отношенію къ показателю Пинье.—*Ивановскій, А.* Къ антропологіи закавказскихъ великоруссовъ. Исслѣдованіе относится къ великоруссамъ с. Надеждина на вост. берегу оз. Гокчи (Эрив. губ).—*Галай, Я.* Великоруссы Старицкаго уѣзда, Тверской губ. Съ 10 рис. и диаграммами.—*Адлеръ, Б.* Къ вопросу о происхожденіи челоуѣка (по Kollmann'у, съ однимъ рис).

*Русскій Филологическій Вѣстникъ 1906 №№ 1 и 2.* *Орловъ, А. С.* Исторія объ Азовскомъ взятіи и осадномъ сидѣніи отъ турецкаго царя Брагима. — *Соболевскій, А. И.* Запѣтки о вятскомъ говорѣ. — *Полыка, Ю.* На всѣхъ не угодишь. Притча А. Сумарокова и ея параллели.—*Ветуховъ, А. В.* Заговоры, заклинанья, обереги и т. п. (продолженіе).

*Университетскія Извѣстія (Кіевскія). Кіевъ. 1905. 9.* *Перстицъ, В. Н., проф.* Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и по палеографіи.—10. *Яновскій, Л. В.* Политическая дѣятельность Петра Скарги.—11. *Флоринскій Т. Д., проф.* Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по славяновѣдѣнію.—12. *Довнаръ-Запольскій, М. В.* Матеріалы для исторіи вотчиннаго управленія въ Россіи.—1906. 1 и 2 *Козловскій, И. П. О. М.* Ртищевъ. Историко-библіографическое изслѣдованіе—2. *Голубовскій, П. В.* Новыя изданія и изслѣдованія по древнѣйшему періоду русской исторіи.

*Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ LXXIII. 1906. I—IX.* *Петровскій, Н.,* первые годы дѣятельности Копитара. (не оконч.).—VII—VIII *Александровъ, А.* О трудахъ А. И. Яцимирскаго по славянской филологіи.

*Ученыя Записки Юрьевскаго Университета. 1906. 1.* *Лапто, И. И., проф.* Современное состояніе науки русской исторіи и задача ея университетскаго преподаванія. (Авторъ считается съ требованіями социологіи, статистики, археологіи и этнографіи).

## Новости этнографической литературы.

**Адриановъ, А. В.** Предварительныя свѣдѣнія о собираніи писаницъ въ Минусинскомъ краѣ. («Извѣстія Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историч. археологич., лингвистич. и этнографич. отношеніяхъ». 1904. № 4) Спб.

**Алтунянъ, Г.** Армянская древняя исторія по Моммзену. Вагаршапаты. 1904. (На армянскомъ языкѣ).

**Аракчіевъ, Д. И.** Музыкально-этнографическіе очерки о грузинской народной музыкѣ. Съ нотами и фототипіями. Оттискъ изъ I т. «Трудовъ Музыкально-этнографической комиссіи И. О. Л. Е., А. и Э.» М. 1906. больш. 8° 123 стр. Ц. 2 руб.

**Бабенко, В. А.** Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. Екатеринославъ. 1905. 8°.

**Баженовъ, Н. Габріэль Тардъ.** Личность, идеи, творчество. М. 1905. 31 стр.

**Будде, Е. О.** Къ какому изъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ говоръ современныхъ жителей, Брянскаго уѣзда Орловской губерніи? (О слѣдахъ сѣверной колонизаціи въ Орлов. губ.). («Изв. Отд. р. я. и сл. И. Ак. Н., 1905, X, кн. 4).

**Бузескулъ, В. проф.** Женскій вопросъ въ древней Греціи. Харьк. 1905. 42 стр. Ц. 40 к.

**Бѣлавенецъ, М.** Развитіе кустарнаго глинянаго производства и распространеніе огнестойкихъ построекъ въ деревняхъ. («Зап. Имп. Рус. Техн. Общ., XXXIX, 1905, № 10—11, стр. 617—671).

**Васневичъ, П.** Очеркъ быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ. Верхнеудинскъ. 1905. 25 стр. + IX табл.

**Вершино-Сумскій.** Введенскій черемисскій женскій монастырь, Козьмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ. Каз. 1904.

**Ветуховъ, А. В.** Изъ этнографическихъ матеріаловъ по Харьковской губерніи. Хрк. 1905. 8°.

**Виноградовъ, Н.** Взгляды народа на пчеловодство. Мѣстное описаніе пчеловодства. (Суевѣрія, заговоры, народныя средства). Кострома. 1905.

**Виноградовъ, Н.** Царь Максѣянъ и его непокорный сынъ Одолюфъ. Старый текстъ и нѣсколько словъ по поводу текста. Спб. 1905.

**Вифляевъ, Н. Е.** О церковнонѣвческихъ нотныхъ книгахъ, находящихся въ Рязанскомъ историческомъ архивѣ. («Труды Ряз. Уч. Архив. Комиссіи». Т. XVIII, вып. 2).

**Гнатюк, Володимир** (31 брав.). Коломийки Т. I и II. («Этнографічний збірник Видає. Етн. Комісія Наук. Тов. ім. Шевченка (Т. XVIII). Льв. 1905 и 1906. 8°. 259 и 315 стр.

**Годишникъ**, на Софійскія университетъ. I. 1904—1905. Софія. 1905. 8°. 288 стр. (Статья д-ра Цонева: «Классификація болгарскихъ литературныхъ памятниковъ съ древнѣйшихъ временъ до конца XVI вѣка»).

**Голицынъ, Ѳ. С.**, кн., сост., Кустарное дѣло въ Россіи. Историческій ходъ развитія куст. дѣла въ Россіи. Дѣятельность правительства, земствъ и частныхъ лицъ. Спб. 1904.

**Головачевъ, П. М.** Желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII въ («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905. 10).

**Грановскій, А.** Перечень предметовъ казацкой старины и быта, находящихся въ церквахъ Полтавской губерніи. Ек-славъ. 1905. 8°.

**Грюнведель, А. проф.** Обзоръ собранія предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. Часть I. Текстъ. Спб. 1905. Ч. II. Рисунки. Спб. 1905.

**Дмаваховъ, И.** Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи. Т. I. Спб. 1905. 8°.

**Диваевъ, А. А.** 1) Этнографическіе матеріалы. Вып. X (а. Киргизская сказка б. Каракиргизскія колыбельныя пѣсни). Ташк. 1906. 8° 32 стр. 2) Игры киргизскихъ дѣтей (брош.). 3) Изъ области киргизскаго скотоводческаго хозяйства (верблюды, лошадь, корова, баранъ, козель) брош. 4) idem. (Пастухи) 5) Четыре вѣка (времена тигра, волка, лисицы и собаки. Такъ дѣлать киргизы эпохи человѣчества) брош.

**Драгомановъ, Мих.** Розвідки про українську народню словесность і письменство. Зладив. М. Павлик. Т. III. Льв. 1906. 8° 362 стр. («Збірник фільологічної секції Наук. Т-ва ім Шевченка», т. VIII).

**Древности Украины.** Изд. Имп. Моск. Археол. Об-ва Вып. I. Кіевъ 1905. 4°.

**Ежегодникъ.** Тобольскаго губ. музея. 1905. Годъ 12. Вып 15. Тоб. 1906. 8°.

**Ершовъ, М. А.** Матеріалы для исторіи культуры Олонецкаго края. Перепеч. изъ «Олоонец. губ. Вѣд.» 1867 г. («Памяти. книжка Олоонец. губ. на 1905 годъ»). Петрозаводскъ. 1905.

**Жузе, П.** Грузія въ XVII столѣтіи по изображенію патріарха Макарія. Каз. 1905.

**З., Н.** Къ этнографіи обитателей Кавказскихъ Альпъ (Перев. VIII-ой главы I-го тома сочиненія Мерцбахера «Aus den Hochregionen des



Кавкасу») («Изв. Кавк. Отдѣла Имп. Русс. Арх. О-ва» 1905. Т. XVIII, № 1).

**Завитневичъ, В.** Къ вопросу о культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода. («Труды XII Археол. Съѣзда» I. М. 1905. Стр. со 105 по 109).

**Иностранцевъ, К.** Древнѣйшія арабскія извѣстія о празднованіи Науруза въ Сасанидской Персіи. («Запис. Вост. Отд. И. Р. Арх. О-ва», т. XVI, вып. I). Спб. 1904.

**Каравеловъ, Любень (собраль).** Болгарскія народныя пѣсни. Изданы подъ наблюденіемъ *П. А. Лаврова*. М. 1905. 8° 165 стр.

**Кастанье, I.** Погребальные обряды у калмыковъ и ламантовъ, вообще. («Труды Оренбург. Уч. Архив. Комисіи». Вып. XV). 1905.

**Кауфманъ, А. А.** Переселеніе и колонизація. Спб. 1905. 349 + 81 стр.  
**Ковалевскій, М. М.** 1) Къ ранней исторіи Азова. 2) Венеціанская и генуэзская колонія въ Танѣ, въ XIV в. (Труды XII Арх. Съѣзда. М. 1905. II. Стр. 109—174).

**Кодзаевъ.** Древніе осетины и Осетія. Владикавказъ. 1903.

**Кондановъ, Н. П.** Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Спб. 1906. 8°. 123 стр. + 6 табл. снимковъ.

**Корочевскій, Д. А.** Значеніе «географическихъ» провинцій въ этногенетическомъ процессѣ. («Ежегодникъ Русск. Антроп. Общ. I (1904) 1905, стр. 1—255).

**Краулей, Эрн.** Мистическая роза. Исслѣдованіе о первобытномъ бракѣ. Съ англ. М. Ченинская. Спб. 1905. Ц. 3 р.

**Крымскій, А.** Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи. Ч. II. Отъ разложенія сельджукскаго царства до монголовъ. 2-е значительно измѣненное и дополненное изданіе, съ приложеніемъ многочисленныхъ литер. образцовъ въ русскомъ переводѣ. М. 1906. 8°. 6 + 259 стр. (Изд. предварительное). Ч. III. Отъ эпохи монголовъ до настоящаго времени. М. 1906. 8°. 4 + 368 стр. (Изд. предвар.).

**Крымскій, А. Е.** Арабская поэзія въ очеркахъ и образцахъ, съ приложеніемъ арабскаго текста части переведенныхъ образцовъ. Лекція М. 1906. 8°. III + V + 346 + 24 стр.

**Крымскій, А. Е.** Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. Отдѣлъ III. Арабскій текстъ избранныхъ главъ изъ ибнъ-Хишмама. М. 1906. 8°. 24 стр.

**Кудрявцевъ, В. Ф.** Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Анасьевскій могильникъ. Очеркъ. Вып. 4-й. Вятка. 1905.

**Лаппо, И. И.** Великое княжество Литовское.

**Лаппо, Д. Е.** Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ иородцевъ (Минусинскіе татары). Красноярскъ. 1905. 57 стр.

**Ларіоновъ, М.** Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ (Тобольск. губ.). («Ежегодн. Русск. Антроп. Общ.» I. (1904) 1905. Стр. 327—354).

**Латышевъ, В. В.** Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скивіи и Кавказѣ. Собр. и изд. съ русскимъ переводомъ. Т. II.

**Латинскіе писатели.** Вып. I-II. («Записки Класс. Отд. Имп. Русск. Арх. О-ва». Спб. 1904. Т. II, вып. I).

**Лейтеманъ, Г.** Этнографическій атласъ. Съ пояснительнымъ текстомъ проф. д-ра Альфреда Бирхгофа. Переводъ съ нѣм., подъ ред., съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Коропчевскаго. *Внѣвропейскіе народы.* 12 хромолитографированныхъ таблицъ и 64 рисунка въ текстѣ. Цѣна въ изящн. переплетѣ 2 р. 50 коп.

**Лоренцъ, Ф.** О померельскомъ (древне-кашубскомъ) языкѣ до половины XV столѣтія. I—II. («Изв. Отд. р. я. и сл.». 1905, X).

**Лунневичъ, В.** Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. Съ 24 рис. въ текстѣ. Вып. 2-й. Спб. 1905.

**Майковъ, П. М.** Финляндія, ея прошедшее и настоящее. Съ приложеніемъ карты. Спб. 1905. 552 стр. Ц. 3 руб.

**Максутовъ, В. П.,** км. Исторія древняго Востока, культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассири-Халдея и Персія. Т. II, кн. V—VIII. Спб. 1905. Ц. 5 руб.

**Марковъ, А. В., Масловъ, А. Л. и Богословскій, Б. А.** Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года. Часть первая. Зимній берегъ Бѣлаго моря. Волость Зимняя Золотица. (I. Духовные стихи. II. Былины и историческія пѣсни. III. Причитанія.) 10 фототипій и 64 №№ нотъ. М. 1905. Больш. 8°. Ц. 2 р. (Отт. изъ I т. «Трудовъ Муз.-этн. комиссіи И. О. Л. Е., А. и Э.»).

**Масановъ, И. Ф.** Библиографія Владимирской губерніи. Т. I. Изд. Влад. Уч. Архив. Комиссіи. Подъ ред. А. В. Смирнова. В. 1905. 8°.

**Масловъ, А.** Музыкально-этнографическіе очерки. I. Калики переходящіе на Руси и ихъ напѣвы. Спб. 1905. Ц. 50 к.

**Матеріяли до українсько-руської етнології.** Видане етнографічні комисіи, за ред. *Хв. Вовка.* Т. VII. Льв. 1905. 8°. 204 + 10 стр.

**Мельгуновъ, П. П.** Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в. Съ картою. Посмертное изданіе. М. 1905.

**Миллеръ, Всев.** Татскіе этюды. Часть I. Тексты и татско-русскій словарь. М. 1905. 8°. III + 80 стр. Ц. 1 р. («Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лаз. Ин.», вып. XXIV).

**Модестовъ, В. И.** Разселеніе италійскаго племени по Италіи. («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г.).

**Мухинъ, Н.** Магія и колдовство у ассири-вавилонянъ. Кіевъ. 1905.

**Нидерле, Люб. проф.** Славянскія древности. Пер. съ чешск. Антонины Скриленко. *Т. I.* Происхожденіе и начало славянскаго народа. Часть I-я. Вып. I-й. Переводъ пересмотрѣнъ и дополненъ авторомъ. Кіевъ. 1905. 8°.

**Ончуковъ, Н. Е.** Старина и старообрядцы. Спб. 1905.

**Орловскій, И. И.** Смоленскій походъ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. (Изд. Смол. губ. статист. комитета). Смол. 1905. 8°. 75 стр. («Пам. книжка Смол. губ. на 1906 г.»).

**Памятники древне-армянской архитектуры.** Изд. Л. Егиазаровъ и Л. Мартиросянцъ. Спб. 1905. 2°.

**Панаретъ, Михаилъ.** Трапезундская хроника. Греческій текстъ съ переводомъ, предисловіемъ и комментаріями. Издавъ А. Хажиновъ. М. 1905. 8°. XXXV + 51 + XI стр. Ц. 1 р. («Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лаз. Пн.», вып. XXIII).

**Перетцъ, В.** Къ исторіи украинскаго искусства («Археол. лѣтопись Южной Россіи», № 1—2). 1905.

**Пичета, Вл.** 1) Изъ Еватеринославской старины. 2) Политико-экономическіе взгляды Юрія Крижанича въ связи съ состояніемъ Московскаго государства во 2-й половинѣ XVII вѣка. («Лѣтопись Ев-славской Уч. Архив. Комиссіи. Годъ II, ч. I»). Ев-въ. 1905.

**Повѣсть о приходе литовскаго короля Стефана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на Великій и на Славный, Богомъ Спасаемый Градъ Псковъ.** Текстъ памятника, съ предисловіемъ Ф. А. Ушакова. («Труды Псков. Археол. О-ва за 1903—1904 (2-й) годъ»).

**Погодинъ, А. Л.** Изъ исторіи сношеній финновъ съ индоевропейцами-1) Когда русскіе столкнулись съ финнами. 2) Русская коврига. 3) Финно-угорское названіе раба. («Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н. 1905, X, кн. 3»).

**Погодинъ, А. Л.** Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варш. 1905.

**Поликарповъ, Фед.** Бытовые черты изъ жизни крестьянъ села Истобнаго, Нижнедѣвnickаго у., Воронеж. губ. (Изъ «Пам. книжки, Вор. губ., на 1906 г.»). Вор. 1906. 8°. 30 стр.

**Потанина, А.** Разказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Изданіе «Посредника». М. 1905. 60 стр. Ц. 12 к.

**Правила XIV Археологическаго съезда въ Черниговѣ въ 1908 году.** Протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета 7—9 февраля 1906 г. М. 1906. 4° 43 стр.

**Результати отъ прѣбраване на населението въ княжество България на 31 декември 1900 год.,** София. 1902—1905.

**Рейтенфельсъ, Яковъ.** Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Космью Третьему о Московіи. Падуя. 1680 г. Съ лат. перев. А. И. Станкевичъ. («Чтенія въ Имп. О-вѣ Ист. и Др. Росс.—1905, кн. 3»).

**Ремесла и промыслы Херсонской губерціи.** Херс. 1905. Изд. Земства.

**Санулинъ, П. А. И. Пыпинъ.** М. 1905.

**Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ XIV.** Изд. подъ ред. проф. Е. К. Рѣдина. X, 1905.

**Сергіевъ, М. Г. свящ.** Указатель къ «Сказаніямъ русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ». В. 1905.

**Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» за 1821—1903 годы.** Съ прил. алфав. указателя собств. именъ. Спб. 1905.

**Смирновъ, Д.** Четки. Историческій очеркъ. Спб. 1905. 16°.

**Соболевскій, А. И.** Нѣсколько рѣдкихъ молитвъ изъ русскаго сборника XIII вѣка. I—VIII. («Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н., X, кн. 4»). Спб. 1905.

**Спицынъ, А.** Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи. («Зап. Отд. Рус. и Слав. Археологій И. Р. А. О-ва, т. VII в., 1-й») Спб. 1905.

**Спрогисъ, И. Я.** Подробный алфавитный указатель къ I—XIII томамъ Археологическаго сборника, издаваемаго при Виленскомъ Учебномъ округѣ. В. 1905. 4°.

**Стуковъ.** Народныя лѣкарственные травы Забайкалья. («Читни. Отдѣл. И. Р. Г. О. Вып. VI»). 1905.

**Сумцовъ, Н. Ѳ.** Изъ украинской старины. Харьк. 1905. Ц. 2. р

**Уварова, П. С. граф.** Матеріалы для археологій Кавказа. Вып. X. Пѣздка въ Шшавію, Хевсуретію и Сванетію. М. 1905 4°.

**Успенскій, М. И.** Старообрядческое сочиненіе XVIII столѣтія объ одеждѣ. Спб. 1905. 13 стр.

**Чурсинъ, Г. Ф.** Народные обычаи и вѣрованія Бахетіи. Тифл. 1905.

**Шишовъ, А.** Сарты. Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе Ч. II. Антропология. («Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыр-Дарьинской обл.» т. XII). Ташк. 1905 8°. 353 стр.

**Штернбергъ, Л. Я.** Культъ инау у племени айно. («Ежегодн. Р. Антроп. О-ва. I (1904) 1905, 288—308 стр., + 2 таб. рис.»).

**Шурцъ, Генрихъ.** Исторія первобытной культуры. Переводъ съ нѣм. съ оригинальными дополненіями *И. Н. Смирнова*, подъ ред. *Д. А. Клемента*. Вып. I Спб. 1905. 8°.

**Янчунъ, Н. А.** Записка объ изученіи народной пѣсни и музыки и о дѣятельности московской музыкально-этнографической комиссіи. (Отг. изъ I т. «Трудовъ музыкально-этнографической комиссіи И. О. Л. Е., А. и Э»). М. 1905 больш. 8°. 10 стр.

**Янчунъ, Н. А.** Князь В. Ѳ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи русской церковной и народной музыки. (Оттискъ отсюда же). М. 1906. б. 8° 19 стр. 3 рис. въ текстѣ.

**Яцимирскій, А. И.** Румыно-славянскіе очерки. Славянскія заимствованія въ румынскомъ языкѣ, какъ данныя для вопроса о родинѣ румынскаго племени. Вып. I, ч. 2-я. «Румынская исторія и культура». Спб. 1905.

**Bethe** Die Troianischen Ausgrabungen und die Homer Kritikr. 1904. (Въ „N. Jahrbücher für d. Klass. Altertum).—*Ею же*; Homer u. die Heldensage (тамъ же: 1901 г.) См. отзывъ въ «Уч. Зап. Каз. Унив.». 1906, I.

**Brancoff, D. M.** La Macédoine et sa population chrétienne. Avec 2 cartes ethnographiques. Paris. 1905.

**Cauer, P.** Erfundenes u. Überliefertes b i Homer (N. Jahrb. XV u. XVI B.). 1905. См. отзывъ въ «Уч. Зап. Каз. Унив.». 1906, I.

**Ciszewsky, St.** Dusza matki i dusza niemowlecia. Przyczynek do dziejow animizmu. («Статьи по славяновѣдѣнiю». Вып. I, подъ ред. В. П. Ламанскаго, стр. 333—336). 1904 г.

**Claussen, Th.** Griechische Elemente in den Romanischen Sprachen. 1905.

**Casopis** Musea Království Českého. Redaktor *ceněk Zíbrt*. V. Praze R. LXXIX 1905. R. LXXX. 1906.

**Ceský Lid**. V Praze. R. XV, 1906.

**Goessler, Leukas-Ithaka**, die Heimat des Odysseus. Stuttgart. 1904 г.

**Immisch**. Die innere Entwicklung d. grich. Epos. Lpg. 1904.

**Kwartalnik** Historiczny. R. XX, 1906. Lwow.

**Meister**. Dorer und Achäer. (Abhandl. d. phil. hist. Kl. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. XXIV. 1904). См. отзывъ въ «Уч. Зап. Баз. Унив.», 1900, I.

**Mitteilungen** aus der livländischen Geschichte. XIX Band, 2—les Heft. Riga. 1904.

**Národopisný Sbornik** ceskoslovansky. Vydává společnost Nar. Mus. Ces.-sl.-ého. Sv. XV. V Praze, 1905.

**Národopisný Věstník** českoslovanský. Vydává společnost národopisného musea českoslovanského. V Praze 1906. (Ročník I).

**Portugalia**. Materiaes para o estudo do povo portuguez. Tomo II. fasc. 2.

**Thump, Alb**, Griechische Dialektforschung und Stammesgeschichte. 1905. (См. отзывъ «Уч. Зап. Баз. Унив.», 1906, I).

**Ubiory** Ludu Polskiego. Zeszyt I. (Z. 8 tablicami i 12 rysunami w tekście). W Krakowie (Изд. Акад. Наукъ). 1904, (5 таблицъ въ краскахъ).

**Zprava** o Museu Království českého za rok 1905 V Praze. 1906.

## ХРОНИКА.

† Платонъ Михайловичъ Меморанскій, профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ турецкой-татарской словесности, скончался скоропостижно 16-го мая 1906 года.

Покойный родился въ 1868 г. Еще будучи студентомъ, онъ былъ командированъ въ Тургайскую Область. Результатомъ его поѣздки явился трудъ: «Киргизскія пословицы и поговорки съ толкованіями ихъ». Въ 1899 г. онъ защитилъ свою магистерскую диссертацию: «Памятникъ въ честь Кюль-Тагина», въ 1901 г.—докторскую: «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ». Ему принадлежать и другіе труды: «Отрывки изъ сочиненій абуль-гази», и «Сказаніе о пророкѣ Салихѣ», «О кудатку Биликѣ Чингизъ ханѣ», «Грамматика казакъ-киргизскаго языка» и цѣнное изслѣдованіе турецкихъ элементовъ въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» и заимствованныхъ восточныхъ словъ въ русской письменности до монгольскаго времени. Умеръ онъ 38 лѣтъ въ полный разгаръ своей полезной научной дѣятельности. *„Новое Время“.*

---

† Маринъ Степановичъ Дрипизъ, проф. харьковскаго университета, д-ръ славян. филологін, умеръ 1-го марта 1906 года. Болгаринъ по происхожденію (род. 1838 г. въ Панагюриштѣ), онъ занимался въ московскомъ университетѣ (съ 1858 г.) изученіемъ славяновѣдѣнія, пользуясь руководствомъ Бодянскаго и Буслаева. Послѣ 1865 г. онъ былъ заграницей. Съ 1875 г. состоялъ профессоромъ харьковскаго университета, съ 1890 по 1897—предсѣдателемъ харьк. истор. филол. о-ва. Въ 1903 г. былъ изданъ его учениками и почитателями юбилейный сборникъ статей, посвященный ему по случаю 35-лѣтія его ученой дѣятельности. Главнѣйшіе его труды: 1) Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. («Чт. въ О. И. и Др. 1872, кн. 4). 2) Южные славяне и Византия въ X вѣкѣ. М. 1876. 3) Beiträge zur Kunde der neubulgarischen Sprache. («Archiv f. sl Ph., V»).

Покойный пользовался большою симпатіей въ кругу знакомыхъ.

---

† Антоній Калина, львовскій профессоръ-славистъ, скончался 20 апр. 1906 г., 60-ти лѣтъ. Ему принадлежатъ труды: 1) *Historija języka polskiego*. (1883), 2) *Studycja nad historyją języka bulgarskiego* (1891) и др.

Одинъ изъ забытыхъ русскихъ изслѣдователей Востока Бяет. Григ. Тепляковъ (1804—1842) оставилъ послѣ своей смерти нѣсколько не изданныхъ его трудовъ. Теперь одинъ изъ нихъ «Записки о Сиріи и Палестинѣ» появился въ печати («Вѣстникъ Европы», 1905, X). Это оригинальный ученый и поэтъ, много пережившій, сидѣвшій въ Петропавловской крѣпости, извѣздившій, въ свое время, Малую Азію и Грецію (1834—35), Египеть, Сирію, Палестину (1836—38), Кавказъ (1858), югъ Россіи (археологическія разысканія), Болгарію (1834, съ тою же цѣлью), просился на западъ для научныхъ занятій, (1840), но, не получивъ разрѣшенія, уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и скончался. Его перу принадлежатъ: «Письма изъ Болгаріи», «Записки о Сералѣ», «Подробности реставраціи античныхъ памятниковъ въ Аоніахъ, въ концѣ 1836 г. и началѣ 1837 г.» не напечатана). Изъ ненапечатанныхъ, кромѣ «Записокъ о Сиріи», важно указать еще: «О торговлѣ Турціи», «Записки объ учрежденіи при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ должности для научнаго изслѣдованія Турціи». Авторъ владѣлъ, кромѣ европейскіихъ, еще турецкимъ языкомъ.

Въ «Запискахъ о Сиріи», объ эмирѣ Беширѣ, чистокровномъ арабѣ, читаемъ: «Предки Бешира, болѣе ста лѣтъ тому назадъ были призваны управлять Ливаномъ. Они приняли христіанство потому, что желали крѣпче связать себя съ маронитами, народностью, имѣющею наибольшее значеніе въ этомъ государствѣ. Религія нынѣшнихъ эмировъ—странная смѣсь трехъ вѣроисповѣданій, исповѣдуемыхъ племенами, находящимися подъ ихъ владычествомъ. Однако, интересно то, что странная религія, исповѣдуемая настоящими эмирами, сумѣла укротить религіозную нетерпимость подвластныхъ имъ племенъ и нашла способъ слить въ одну общую гармонію догмы столь различныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь сложилась поговорка: «Эмиры должны родиться христіанами, жить мусульманами и умереть друзьями». Дѣйствительно, христіане при крещеніи, эмиры живутъ съ мусульманскимъ именемъ и по мусульманскимъ обычаямъ, и все это для того, чтобы впоследствии быть похороненными въ землѣ друзовъ: таковъ обычай страны».

«Друзы, смѣшанные съ маронитами, населяютъ ту часть горнаго сирійскаго хребта, который извѣстенъ подъ названіемъ Эль-Шуфъ. Религія друзовъ—какая-то странная смѣсь древняго гностицизма съ догматами разнообразнѣйшихъ христіанскихъ, мусульманскихъ и еврейскихъ сектъ. Кромѣ того, этому вѣроисповѣданію присущи признаки язычества».

«Относительно маронитовъ можно сказать здѣсь одно, что все то хорошее, что когда-либо говорилось о нихъ, становится непреложнымъ

убѣжденіемъ послѣ изученія на мѣстѣ ихъ моральныхъ качествъ и вообще всего политическаго строя этого племени». Ихъ до 250.000 жителей. «Названіе этой народности происходитъ отъ имени отшельника Маррона, обратившаго въ пятомъ вѣкѣ эту сирійскую общину въ христіанство. Марониты—ревностные католики. Они почти теократически управляются своими патриархомъ, папскими легатами, епископами, настоятелями своихъ монастырей и священниками». Марониты—племя воинственное, и когда-то все поголовно имѣло вооруженіе, но египетское правительство разоружило ихъ.

Чествованіе проф. В. Б. Антоновича, по случаю исполнившагося 35-лѣтія по профессорской дѣятельности, назначено на 7-ое мая 1906 г. въ 11 часовъ утра. Кружкомъ его учениковъ и почитателей юбиляру будетъ поднесено: «Начало Сборника статей», издаваемого въ честь его.

Пережитки кровавыхъ жертвоприношеній въ народной медицинѣ. Въ рецензии на статью Н. Magnus—а, *Die Volksmedizin, ihre geschichtliche Entwicklung u. ihre Beziehungen zur Kultur.* (Abh. z. Geschichte d. Medizin, N. XV. 1905 Breslau, Kern, помѣщенной въ *Zentralblatt f. Anthropologie* N. 3.), Höfler высказываетъ свой личный, интересный взглядъ на нѣкоторыя народно-лекарственные средства. Въ случаяхъ, когда народная медицина употребляетъ кровь или сердце жавотнаго, Höfler видитъ переживаніе кровавыхъ жертвоприношеній. Онъ защищаетъ значительную роль кровавыхъ жертвоприношеній, включая человѣческія, для отвращеній эпидемій и леченія болѣзней вообще. Многія средства народной медицины можно поставить въ генетическую связь съ культомъ, имѣвшимъ свое выраженіе въ жертвоприношеніяхъ (Opferkult). Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе нѣкоторыхъ средствъ ограничено строго опредѣленнымъ временемъ и мѣстомъ употребленія (Höfler выражаетъ свое понятіе словомъ Kultzeit и Kultort), что указываетъ извѣстный ритуаль. Въ настоящее время нѣкоторыя средства народной медицины, какъ-будто не являютъ вовсе внѣшняго сходства съ кровавыми жертвоприношеніями, но нельзя забывать, какъ вырождаются жертвоприношенія вообще, какъ часть становится на мѣсто цѣлаго, дѣлаясь постепенно безконечно малой и часто лишь отдаленно намекающей на первоначальную жертву. Цѣль всякаго кроваваго жертвоприношенія, по мнѣнію Höfler'a, удаленіе демоновъ; ту же цѣль преслѣдуютъ замѣняющія его средства народной медицины.

„Обѣтъ человѣчества“, или присяга, которую приносили въ средніе вѣка въ Чехіи зависимые люди землевладѣльцамъ, внимательно изученъ въ послѣднее время (по источникамъ) проф. А. Н. Ясинскимъ, который



помѣстилъ объ этомъ изслѣдованіе въ «статьяхъ по славяно-вѣдѣнію», Вып. 1, подъ ред. В. И. Ламанскаго.

О южно-русскомъ иконописномъ творествѣ дѣлаетъ интересныя соображенія проф. Н. Θ. Сумцовъ въ статьѣ «Къ исторіи украинской иконописи» (въ сборникѣ «Изъ украинской старины»). «Въ то время, говоритъ авторъ, когда сѣверно-русскіе иконописные приемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается въ тѣни, мало обслѣдована». — А между тѣмъ остатки южно-русской иконописи заслуживаютъ вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія, — этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Царя-града, южно-русскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ «маткѣ своей Малой Россіи», онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII стол. стали проникать зап.-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италянскіе мотивы, въ изображенія священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южно-русскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религиозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы». Н. Θ. Сумцовъ, давая рядъ интересныхъ примѣровъ иконописанія, иллюстрируютъ ихъ хорошо сдѣланными снимками. Интересна иллюстрація акаѳиста Богородицы, представляющая попытку осмыслить пестрое и недостаточно вразумительное содержаніе акаѳиста.

По старорусской этнографіи выдѣляются оригинальныя статьи проф. М. Грушевскаго, помѣщенныя въ 1-мъ выпускѣ «Статей по славяно-вѣдѣнію», подъ ред. В. И. Ламанскаго, на украинско-русскомъ языкѣ. Это: 1) Обычная схема русской исторіи, 2) Спорные вопросы старорусской этнографіи и 3) Этнографическія категоріи и культурно-археологическіе типы въ современныхъ изслѣдованіяхъ Восточной Европы. Проф. Т. Д. Флоринскій видитъ политическую тенденцію и въ языкѣ, и въ содержаніи этихъ статей. Едва ли, впрочемъ, эта тенденція, если бы она и была, имѣетъ какую-либо опасность для науки. Всякій ученый

имѣть право высказываться, какъ онъ хочетъ и на какомъ ему угодно языкѣ, лишь бы онъ давалъ цѣнные научныя свѣдѣнія.

Б.

Къ изученію родства гуцуловъ съ русинами. Въ *Bulletins et Mémoires de la Soc. d'Anthropologie de Paris*, t. VI, fasc. 4, 1905, находится отчетъ Волкова объ его поѣздкѣ въ восточную часть Галиціи и въ Буковину. Поѣздка была предпринята съ цѣлью антропологическихъ измѣреній въ 1903 и 1904 г. Всѣмъ извѣстны противорѣчивыя мнѣнія о родственной связи между гуцулами и русинами. Весьма интересные выводы Волкова, изучавшаго обѣ группы населенія: горцевъ-гуцуловъ и жителей долины боекъ не только въ антропологическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Волковъ подтверждаетъ взглядъ тѣхъ ученыхъ, которые въ бойкахъ (скажемъ, со своей стороны, болѣе общерусинахъ) и гуцулахъ видятъ одну народность. Этнографически они разнятся другъ отъ друга иногда даже довольно значительно—но эти различія обуславливаются разностью быта въ зависимости отъ природы мѣстностей, ими населяемыхъ.

Южно-славянскій былевой эпосъ, разработанный въ обширномъ трудѣ М. Г. Халанскаго «Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ» представленъ тѣмъ же авторомъ въ содержательномъ этюдѣ, дополняющемъ его прежній трудъ и помѣщенномъ въ «Статьяхъ по славяновѣдѣнію», вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго.

Населеніе сербскихъ странъ (въ томъ числѣ и Македоніи) было описано въ вышедшихъ двухъ томахъ Этнографическаго сборника Сербской Королевской Академіи подъ заглавіемъ: «Населѣя српскихъ земаль». Сборникъ вышелъ подъ редакціей проф. Цвинча, которому принадлежитъ въ немъ интересное изслѣдованіе «Антропогеографски проблеми Балканскога Полуострова». Теперь содержаніе этого сборника подробно изложено въ статьѣ Йована Ердельяновича «Проучаванье населѣя у српскимъ землямъ», помѣщеннаго въ «Статьяхъ по славяновѣдѣнію», вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго.

(„Кіев. Унив. Изв.“)

По сербо-лужицкой этнографіи и филологіи самымъ крупнымъ дѣятелемъ въ настоящее время является Мука. О немъ помѣщены интересные свѣдѣнія въ статьѣ г. Буковскаго «Литература сербовъ-лужичанъ въ началѣ XX столѣтія» въ сборникѣ «Статьи по славяновѣдѣнію», вып. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго.

(„Кіев. Унив. Изв.“)

Болгарская археографическая комиссія, образованная при болгарскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія при участіи профессоровъ: Милетича, Цонева и Златарскаго, задается цѣлью составить и издать серію отдѣльныхъ трудовъ подъ заглавіемъ «Български старини», въ которыхъ отпечатаны будутъ текстъ памятниковъ древне-болгарской письменности.

Движеніе нѣмцевъ на славянскій востокъ получило интересное, хотя и тенденціозное освѣщеніе въ брошюрѣ редактора-издателя вѣнскаго журнала «Славянскій Вѣкъ» Д. Н. Вергуна: «Нѣмецкій «Drang nach Osten» въ цифрахъ и фактахъ. Съ картою нѣмецкихъ захватовъ на славянской землѣ» (Вѣна 1905. 8<sup>1</sup>. 64 стр.). Авторъ пользовался, гл. обр., трудами нѣмецкихъ ученыхъ и особенно П. Лангханса. Оказывается, что славяне теряютъ приблизительно по 8 кв. миль въ годъ, а потому 600 кв. миль, занимаемыхъ еще славянствомъ въ Германіи, будетъ отнято отъ него черезъ 70 лѣтъ. Германія усиливается на счетъ другихъ народностей.

Оставляя въ сторонѣ научность и вѣрность выводовъ д-ра Вергуна, нельзя не указать, что ассимиляція племенъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ культурнаго состоянія тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Искусственно обособлять племена можно, но противъ этой искусственности всегда будетъ сама жизнь.

Никакая «славянская самооборона», проповѣдуемая г. Вергуномъ, не поможетъ славянству. Каждый этническій организмъ (племя) будетъ жить и процвѣтать до тѣхъ поръ, пока онъ здоровъ, силенъ, удовлетворенъ своимъ оригинальнымъ складомъ жизни. Но лишь только у него явится желаніе быть другимъ, новымъ, болѣе могучимъ, культурнымъ—онъ измѣнится, переродится, и никто его отъ этого не удержитъ. Г. Вергунъ указываетъ на нѣмецкія колонизаціонныя завоеванія Россіи, но онъ не говоритъ, что это уже не тѣ нѣмцы, которые живутъ въ Германіи, что, наконецъ, среди русскихъ нѣмцевъ существуетъ и замѣтный процессъ обрусѣнія.

Пусть вспомнитъ г. Вергунъ также, что такое «русскій типъ», или, по крайней мѣрѣ, вдумается не въ цифры Лангханса и всенѣмецкихъ обществъ, а въ цифры русскаго антрополога А. А. Ивановскаго въ его работѣ, «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи». Не посоветуетъ ли онъ тогда и русскимъ для возстановленія исторической истины разложиться на свои составныя части и частями же вернуться къ финскимъ, монгольскимъ и другимъ очагамъ своего патріархальнаго быта, а финнамъ, монголамъ и другимъ племенамъ, сцементировавшимъ русскій типъ, не дать ли совѣта начать «самооборону»?

Все это уже давно ненаучно. Можетъ быть «политично». Но вопросъ—политика или наука будетъ права—предоставимъ разрѣшить самой жизни.

Б.

**Камчатская экспедиція**, предпринимаемая **Ө. П. Рябушинскимъ**, является одной изъ немногихъ русскихъ ученыхъ экспедицій, на которую въ Россіи частное лицо жертвуетъ очень крупную сумму. Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи 2 февраля 1906 года, выслушано было предложеніе Федора Павловича Рябушинскаго, приводимое здѣсь въ копіи:

Въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

«Желая организовать научную экспедицію на Камчатку съ цѣлью возможно подробнаго изслѣдованія ея въ археологическомъ, антропологическомъ, этнографическомъ, геологическомъ, географическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ, честь имѣю просить Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи взять означенную экспедицію подъ свое покровительство совместно съ Императорской Академіей Наукъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Экспедицію, рассчитываемую на два года, предполагается осуществить въ началѣ 1907 года. На экспедицію ассигнуется мною 100,000 (сто тысячъ) рублей ежегодно, всего на два года 200,000 р. Коллекція, которая будетъ собрана экспедиціей, предполагаю предоставить музеямъ Москвы и Петербурга. Надѣюсь, что Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи совместно съ Императорской Академіей Наукъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ окажетъ экспедиціи свое просвѣщенное содѣйствіе, какъ разсмотрѣніемъ подробныхъ программъ, которыя будутъ представлены специалистами-членами экспедиціи (подыскиваніемъ которыхъ я запялъ въ настоящее время), такъ и необходимыми сношеніями съ администраціей. Федоръ Павловичъ Рябушинскій».

Сейчасъ уже идетъ дѣятельная подготовка къ экспедиціи, и есть свѣдѣнія, что этнографическія, антропологическія и археологическія изслѣдованія будутъ поручены солиднымъ специалистамъ.

**Изученіе Сибири** симпатично направлено въ вышедшемъ въ прошломъ году сборникѣ: «На сибирскія темы». Подъ ред. М. Н. Соболева. Спб. 1905. Нѣсколько статей сборника посвящены памяти Н. М. Ядринцева (первоначально предназначавшіяся для неосуществившагося «Сборника памяти Ядринцева»); интересны также статьи П. Голубова («Осудьніе Западной Сибири»), Оглоблина (о старцѣ Аврааміи Венгерскомъ, одномъ изъ дѣятелей сибирскаго раскола), Баумана, Щербины, Лаппо, Соболева, историческія воспоминанія Г. Н. Потанина, И. П. Бѣлоконскаго и др.

**Вопросъ о вятчакъ, лѣтописныхъ, и о современныхъ вятчанахъ**, снова поднятъ А. И. Соболевскимъ въ «Замѣткѣ о вятскомъ говорѣ» («Русск. Филол. Вѣст.». 1906, 1—2, стр. 80—86). Считался съ мнѣ-

ніями проф. Будде и А. С. Верещагина, А. Н. Соболевскій рѣшительно отказывается признать мифіе казанскаго профессора о родствѣ вятчанъ съ «вятичами Несторовой и нѣвской лѣтописей». Акад. Соболевскій примыкаетъ къ мнѣнію А. С. Верещагина о началѣ русскихъ поселеній на Вяткѣ, въ общемъ, но не соглашается съ его историческими доводами, обращаясь къ другимъ, діалектологическимъ (по работамъ Д. К. Зеленина). Предкомъ вятскаго говора онъ считаетъ древній (XIII—XIV вв.) говоръ бѣлозерскаго края, а потому въ Вятку русскіе перешли не съ Сѣвера, не изъ Заволжья, а съ Запада изъ суздальскихъ владѣній.

Кстати, разъ рѣчь зашла (въ началѣ) о вятичахъ, слѣдуетъ указать, что по этому вопросу печатается большая работа проф. Якобіа, подъ заглавіемъ «Вятичи».

Къ этнографіи Вятскаго края. Вятскій Губернскій Статистическій Комитетъ предпринялъ изданіе полного этнографическаго описанія Вятскаго края и разослалъ мѣстнымъ интеллигентамъ особую для того программу (она напечатана въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ «Вятскій Вѣстникъ» 1906 г., № 60). Главныя задачи предполагаемаго описанія: 1) установка среди великорусскаго населенія Вятскаго края этнографически различныхъ группъ и *сравнительное* изученіе бытовыхъ особенностей этихъ группъ; 2) сравненіе *современнаго* народнаго быта съ прежнимъ.

Выполненіе первой задачи должно, между прочимъ, пролить свѣтъ на этнографическія отличія древней Новгородской Руси отъ Суздальской, такъ какъ Вятскій край населенъ представителями той и другой.

Д. З.

«Изъ исторіи сношеній финновъ съ индо-европейцами» — въ статьѣ подъ такимъ заглавіемъ (см. «Нов. этн. литературы») проф. Погодинъ приходитъ къ такимъ выводамъ: 1) Какъ показываютъ названія рѣкъ, озеръ и селеній, русская колонизація финскаго сѣверо-востока началась еще въ ту эпоху, когда законы русскаго языка были близки къ общеславянскимъ, 2) интенсивная колонизація финскихъ земель началась позже, когда русскій языкъ потерялъ уже глухіе звуки (что наступило позже потери носовыхъ, какъ это подтверждаютъ и русскіе говоры), когда онъ уже выработалъ полногласіе, и сочетаніе двухъ согласныхъ, ог, ол + cons. и т. д. не оскорбляли слуха русскаго человѣка. 3) Внимательное изученіе сѣверно-русской географической номенклатуры должно обнаружить какъ пути, которыми шла колонизація, такъ и относительную древность ихъ. Съ помощью писцовыхъ книгъ древняго Новгорода, мы въ состояніи исполнить эту работу удовлетворительно. 4) Ничто не указываетъ, что сношенія русскаго племени съ финскимъ начались еще въ общеславянскую эпоху: напротивъ, и изъ русскихъ племенъ только сѣверныя пришли въ соприкосновеніе съ ними.

**Вопросъ о началахъ эллинизма** съ новой аргументаціей, самостоятельно и оригинально разработанъ въ статьѣ Fritsche: «Der Anfang des Hellenentums» (въ «N. Jahrbücher für d. Klass. Altertum, Geschichte u. deutsche Literatur», XIII (XIV) в., 1904, S.S. 545—565, 609—634), при чемъ имъ выставлена теорія смѣны греческихъ племень, постепенно иммигрирующихъ въ предѣлы Еллады съ сѣвера.

Предварительно авторъ желаетъ опредѣлить, въ чемъ можно искать общности и родства между индогерманскими племенами въ области религіи и мѣологіи. Данные Шрадера (Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas, 1901) существенно восполняются здѣсь свѣдѣтельствами доисторическихъ находокъ изъ эпохъ древняго и новаго каменнаго вѣка, жѣднаго, бронзоваго и жѣззнаго періодовъ. Микенскія раскопки (о которыхъ много давалось свѣдѣній и въ «Этн. Обзоръ») заставляютъ автора выдѣлить отдѣльныя культуры въ Гомеровскомъ эпосѣ и культѣ. Даты культурныхъ періодовъ, почерпаемая изъ сближенія микенскихъ находокъ съ содержимымъ египетскихъ могилъ 18-й династіи (1700—1400 до Р. Х.), новонайденныхъ критскихъ древностей, культурныхъ наслоеній Трои, сопоставляются съ хронологическими выкладками древности. Начало дворцовыхъ сооружений Кносса на Критѣ отнесено (Милхѣферомъ) къ 2000 г. до Р. Х.

Въ третьей тысячѣ лѣтъ до Р. Х. толпы южно-ахейцевъ, перваго греческаго племени, двинувагося съ сѣвера на территорію Еллады, распространились по Пелопоннесу и проникли на Критъ, гдѣ они нашли фригійское (тоже индоевропейское, но стоящее ближе къ иранцамъ) населеніе, а также ханаанитовъ (сидонцевъ). Ихъ островъ былъ мостомъ между Египтомъ и Елладой. Ихъ дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ показываютъ силу египетскаго вліянія. Имъ также принадлежитъ островная и микенская культура. Это древнее греческое, но еще до-эллинское племя; ихъ божества чтутся частью подъ видомъ животныхъ, частью смѣшанныхъ полувѣрныхъ существъ. Ионійцы были вторымъ прагреческимъ племенемъ, вторгшимся изъ Фессаліи сначала въ Беотію, съ повозкой, запряженной быками, и съ каменными орудіями; въ то же время это было племя, изощренное въ мореплаваніи и пиратствѣ. Ихъ главное божество Посидонъ, или Ерехой, почитается ими, какъ у южно-ахейцевъ, въ томъ или другомъ звѣриномъ образѣ (коня, быка). Буфонія, съ ихъ первобытнымъ обрядомъ,—остатокъ ихъ культа. У Алакомень на Копайдскомъ озерѣ чтили они Аенну Тригогеню, на Евбѣ—богиню земли Ю, подъ видомъ коровы (отсюда—названіе острова). Культъ фригійскаго божества получили они съ Крита. Покинутую ионическую гавань Юлгу въ южной Фессаліи заняли эолическіе минійцы, тоже занимавшіеся мореплаваніемъ и колонизовавшіе нѣкоторые острова, а также западную Беотію; восточная была во власти кадмейскихъ Фивъ, ханаанскаго поселенія, съ культомъ кабировъ. Три, до сихъ поръ, названныя племена, вступали въ сферу микенской культуры, по существу восточной, до-эллинской. Ихъ

боги нечеловѣкоподобны, какъ гомеровскіе, но звѣроподобны, демоничны, какъ уродливые боги островныхъ камней. Не только культъ не имѣлъ статуй боговъ, но и религія не смѣла мыслить боговъ въ образѣ людей.

Крупный переворотъ произвело дальнѣйшее племя, выступившее на эту мировую арену—сѣверные или гомеровскіе ахейцы. Ихъ можно прослѣдить отъ Фессаліи назадъ, въ Епирѣ, гдѣ они почитали, въ суровой по климату Додонѣ, бога дуба, Зевса Фегонея, у священнаго источника, въ чрезвычайно древнемъ культѣ, повидному, теллуристическаго характера. Несомнѣнно, богиня земли, какъ Іо и Гера,—додонейская «супруга Зевса» (Діона). Риджвей (въ *The early age of Greece*, I, 1901) подвергъ проницательному изысканію вопросъ о томъ, какииъ путемъ эти ахейцы, а слѣдовательно и другія греческія племена, ранѣе ихъ, проникли въ Епиръ. Это—одинъ изъ двухъ торговыхъ путей въ направленіи отъ мѣсторожденія янтара (сотни янтарныхъ бусъ въ находкахъ Шлимана), Балтійскаго моря на югъ. Они сходились въ области Венетовъ, въ устьи По. Венеты были посредниками торговли юга съ сѣверомъ. Доране больше всего оставались въ соприкосновеніи съ италійцами; отсюда—сходство характера и политическаго строя (Tbering). Они послѣдніе, передъ вторженіемъ иллирійцевъ, вступили въ сѣверную Фессалію и Пиндъ, откуда они, какъ варвары, завоевали Пелопоннесъ и испровергли тамъ древнюю культуру. Раньше ихъ произошла иммиграція сѣверо-ахейцевъ, которые, судя по додонскому сказанію о потопѣ и новомъ поколѣніи людей, не сохранили никакихъ воспоминаній о своемъ переселеніи. Въ Фессаліи они вступили въ микенскую культурную сферу; вавилонское сказаніе о потопѣ уже въ Додонѣ проникаетъ къ нимъ, какъ достигла микенская культура и итакійскихъ острововъ. Ихъ князья стали богаты въ прекрасной странѣ. Ихъ герой Ахиллъ, преисполненный чочи горы Пелія и морскихъ волнъ, былъ темою пѣсенъ ихъ, образомъ, въ коемъ они рисовали и созерцали себя самихъ. Его противники—эракійцы Сарпедонъ и Ресъ, съ ихъ богомъ войны Ареемъ, также, какъ беотійскій Гекторъ. Въ царскихъ приемныхъ сѣверо-ахейскіе пѣвцы создали новую аристократическую мифологію олимпійцевъ, основу эллинизма, названіе коего исходить отъ сѣверо-ахейцевъ. Богъ сѣверо-ахейской знати, олимпіецъ, вступивъ побѣдоносно въ Елиду, воздвигъ тамъ свой *μέγαρον* и низвелъ на степенъ мѣстныхъ культовъ древніе культы южно-ахейскихъ Зевсовъ, Зевса, чтившагося въ видѣ волка (на горѣ Ликеѣ въ Аркадіи), мессепскаго Зевса Иоомы, которому приносили человѣческія жертвы, трехглазаго аргивскаго Зевса въ Ларисѣ. Теперь жрецъ должевъ былъ уступить мѣсто пѣвцу; переворотъ огромной важности совершился; божественная тайна неисчерпаемой глубины уступаетъ мѣсто коротко знакомому человѣческому.

Далѣе авторъ разъясняетъ всю глубину контраста эллинизма съ ориентализмомъ, эстетическаго и интеллектуальнаго характера греческой культуры съ сокровеннымъ, таинственнымъ характеромъ восточной, логическаго съ паралогическимъ. Жречество грековъ постепенно падало въ

своемъ авторитетѣ. Но эстетическая культура дѣлала боговъ красивыми и уменьшала ихъ святость. Они вызывали больше удовольствія, чѣмъ благочестія. Это оскуднѣніе религіи было условіемъ, создавшимъ прогрессъ тою цѣною, за которую послѣдній былъ купленъ. Начало этого эстетизма проникаетъ въ греческую науку, искусство. Греческая наука была направлена на воспріятіе міра, какъ космоса. Мистеріи явились въ Греціи естественнымъ послѣдствіемъ эстетическо-интеллектуальной культуры. Греки сами ощущали религіозный пробѣлъ въ своей духовной жизни и заполнили его путемъ заимствованія съ Востока, символами и ученіями, которыя они всегда чувствовали, какъ нѣчто собственно не-греческое, къ которому относились, какъ къ тайному. Уже гомеровская Некія орофическаго происхожденія. Орфики, подобно египтянамъ, имѣли книгу мертвыхъ, путеводитель для души на тотъ свѣтъ. Умершій является къ источнику Леты и пьетъ забвеніе, затѣмъ—къ источнику Мнемосины и пьетъ воспоминаніе о своемъ божественномъ происхожденіи. Это—зародышъ Платонова ученія объ ἀνάμνησις, его слѣдствіе—вѣра въ безсмертіе. Все, чему учить Платонъ въ «Федонѣ» и въ «Государствѣ» (кн. X) о подземномъ мірѣ и судѣ мертвыхъ, коренится въ орофической вѣрѣ мистерій. Миносъ и Радаманъ, въ качествѣ судей мертвыхъ, показываютъ намъ, что Критъ, родина Епиминида, былъ промежуточной станціей, черезъ которую эти египетскія представленія пришли въ Грецію. Какимъ путемъ получилъ изъ Индіи ученіе о переселеніи душъ и понятіе искупленія Пнагоръ—мы не знаемъ. Но не браминская кастовая гордость заставляла грековъ сохранять эти ученія въ тайнѣ (извѣстно, что и рабы допускались къ посвященію въ мистеріи),—къ тому понуждало ихъ глубокое, цѣломудренное чувство, говорившее имъ, что эти чудесные цвѣты Востока являются экзотическими въ греческомъ мірѣ. Такъ, въ теченіе вѣковъ продолжали греки испытывать волненія отъ драматическихъ зрѣлищъ мистерій, пока, наконецъ, не стали искать спасенія у боговъ-спасителей Востока, Озириса и Сараписа, и нашли его у Христа-Спасителя.

(Изъ „Учен. Зап. Каз. Унив.“. 1906, 1).

Изъ исторіи развитія мима даетъ интересныя свѣдѣнія и соображенія *Hermann Reich* въ своей статьѣ *Der König mit der Dornenkrone* („N. Jahrbücher für d. Klass. Altertum, Geschichte u. deutsche Literatur“). В. XIII (XIV). 1904, SS. 705—733). Авторъ разъясняетъ евангельскую сцену издѣвательства надъ Иисусомъ Христомъ воиновъ отношеніемъ ея къ миму, гдѣ, между прочимъ, фигурировалъ царь. Въ частности, іудейскій царь Агриппа, потомокъ Ирода Великаго, сталъ героемъ драматическаго фарса во время пребыванія своего въ Александріи. Дурачокъ Карабасъ былъ наряженъ александрійской чернью царемъ, въ бумажную корону, рваную мацію, со стеблемъ папируса въ качествѣ скипетра. Эта сцена уже давно была привлекаема къ тол-



кованію евангельской (срв. *Wendland: Jesus als Saturnalienkönig*, *Hermes* 1898, XXXIII, 175). Но до сихъ поръ недостаточно обращали вниманія на то, что самъ Филонъ неоднократно говоритъ именно о мимѣ, какъ прототипъ подобной сцены. Подобный потѣшный (индійскій) царь является въ мимѣ, отрывки котораго даетъ папирусъ *The Oxyrhynchus* (*Papiri Part III. 47*). Если серьезные писатели, какъ Сенека, Филонъ, даже отцы церкви охотно черпали свою насмѣшку изъ арсенала потѣшнаго мима, то для солдатъ тѣмъ болѣе понятно было прибѣгнуть къ имитациіи излюбленнаго ими мима, когда къ нимъ ввели Того, Кого возглашали царемъ іудеевъ (іудей еще со временъ Лаберія служилъ однимъ изъ смѣшныхъ типовъ мима).

Попутно въ своемъ очеркѣ развитія мима авторъ заходитъ и въ эпоху средневѣковья, отиѣчая вліяніе мима въ христіанскихъ мистеріяхъ, и касается извѣстнаго *graffito* Палатинскаго дворца въ Римѣ съ изображеніемъ распятаго съ ослиной головой и поклоняющагося ему человѣка, съ надписью 'Αλεξαμενδς οββεται θεόν. Онъ сопоставляетъ его съ фигурой съ ослиной головой на черепкѣ I-го вѣка по Р. Х. (опубликованъ въ 1897 г. въ *Atti della R. Accademia dei Lincei* г-омъ *Pasci*), представляющемъ сцену изъ ателланы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ первые вѣка христіанства, эпоху восточнаго гностицизма и религіознаго синкретизма, когда Христосъ сливался съ Анубисомъ съ песьей головой и другими богами, онъ былъ отождествляемъ также съ Сеомъ, богомъ египтянъ съ ослиной головой. (Св. Христофоръ въ монастырскихъ церквахъ Алона рисуетъ съ головой волка или собаки).

Такъ какъ *graffito* относится къ III-му вѣку, эпохѣ гоненій, то оно могло имѣть значеніе доноса. Авторъ рисунка, конечно, былъ знакомъ съ вѣрою сеіанцевъ и издѣвается надъ поклоненіемъ богу съ ослиной головой. Но рисунокъ его имѣетъ отношеніе также къ представленіямъ въ мимахъ самыхъ преслѣдованій и даже мукъ христіанъ, съ полнымъ реализмомъ. И помимо христіанства, сцены казни разбойниковъ во всемъ ужасѣ дѣйствительности были любимы публикою мимовъ, (на сценѣ распинаютъ дѣйствительнаго разбойника). («Уч. Зап. Баз. Унив.», 1906, 1).

По татскому фольклору заслуживаютъ вниманія тексты, приведенные въ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ, въ трудѣ В. Θ. Миллера: «Татскіе этюды, часть I». Здѣсь помѣщены рассказы: 1) о Бахлюлѣ, 2) исторія Бахлюля съ Яхья Бермекидомъ (срв. сказку «Тысяча и одна ночь»), 3) и 4) тоже о Бахлюлѣ, 5) исторія бѣдняка съ воромъ, 6) и 7) о муллѣ Насрединѣ, 8) объ амялахъ (т.-е. о грубыхъ и глупыхъ людяхъ, будто-бы жившихъ встарину), 9) исторія о плутѣ, 10) глупость волка, 11) двѣ женщины съ кадіемъ.

Языкъ татовъ, на которомъ записаны эти рассказы, принадлежитъ мусульманскому татскому населенію нѣкоторыхъ уѣздовъ Бакинскоіи гу-

бернш. Раньше В. Ө. Миллеромъ было изучено татское нарѣчіе горскихъ евреевъ («Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка» 1892).

**Данныя по исторіи Осетіи**, извѣстныя до сихъ поръ въ наукѣ, изложены полно въ недавно вышедшей книгѣ г. *Кодзасва* «Древніе осетины и Осетія». Въ I главѣ изложены мнѣнія ученыхъ отъ Гильденштедта до В. Ө. Миллера включительно. Самую же исторію Осетіи авторъ дѣлитъ на четыре періода: до X вѣка (подготовительный), отъ X вѣка до 1453 (паденіе Митрополіи), до 1746 (періодъ мусульманской пропаганды) и до нашихъ дней. Въ 1-й господствуетъ феодализмъ, во 2-й страна объединяется подъ властью царя Осетіи, въ 3-й паденіе царскаго могущества, 4-й—новая гражданская жизнь.

„Кіев. Унив. Изв.“

**Эминскій этнографическій сборникъ**, издаваемый при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, выйдетъ на дняхъ выпускомъ VI-мъ, въ которомъ будутъ помѣщены народныя армянскія пѣсни, пословицы, поговорки, заклинанія и проч., собранныя *С. Айкуни*.

Изданіемъ въ свѣтъ настоящаго выпуска завершается серія этнографическихъ трудовъ *С. Айкуни*. Редакція «Эминскаго этнографическаго сборника», въ распоряженіе которой были представлены эти обширныя матеріалы въ рукописи еще въ 1900 году, по разсмотрѣніи и разборкѣ ихъ, рѣшила напечатать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ въ четырехъ выпускахъ. Въ *первый* изъ нихъ (вып. II «Эмин. этнограф. сборн.») вошли Народный армянскій эпосъ (6) и народныя сказки (ч. I-я, 42 сказки), во *второй* (вып. IV. «Эмин. этнограф. сборн.») — Народныя армянскія сказки (ч. 2-я, 48 сказокъ), въ *третій* (вып. V. «Эмин. этнограф. сборн.») — Армено-Курдскій эпосъ (28) и, наконецъ, въ настоящій, *четвертый* (вып. VI. «Эмин. этнограф. сборн.») — Народныя армянскія пѣсни, пословицы, поговорки, загадки, заклинанія и т. п.

Всѣ перечисленные матеріалы по армянскому фольклору были собраны *С. Айкуни* въ различныхъ областяхъ турецкой и русской Арменіи въ продолженіе многихъ лѣтъ и записаны непосредственно изъ устъ народа на многочисленныхъ армянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, нерѣдко довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Ни эпосъ, ни сказки армянскія не были до сихъ поръ представлены въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ сборникахъ Айкуни. Но настоящій выпускъ, по богатству и разнообразію матеріала, превосходитъ всѣ подобныя сборники, которые до сего времени появлялись, въ армянской литературѣ: однихъ нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, на которыхъ приведены въ немъ тѣ или другіе виды народной поэзіи,—до пятидесяти.

Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ въ этой книгѣ записанными на многочисленныхъ армянскихъ нарѣчіяхъ, поднарѣчій и говорахъ: народныя армянскія *пѣсни* почти всѣхъ родовъ—духовныя, колядскія, свадебныя,

любовныя, колыбельныя, хороводныя, подблюдныя, шуточные—всего болѣе 200 пѣсень (стр. 3—165), до 3200 *пословиць* (стр. 166—276), 500 *поговорокъ* (стр. 277—296), 550 *заговоровъ и заклинаний* (стр. 297—323), болѣе 300 *пожеланий* (стр. 324—336) и 160 *заклятій* (стр. 337—343), около 300 *загадокъ* (стр. 344—357),—все это, кромѣ пѣсень, расположено въ алфавитномъ порядкѣ, а также *условныя слова* (142) и выраженія, болѣе 70-ти *скороговорокъ* и 170-ти *приказокъ* (стр. 358—384). Въ Приложеніи же къ настоящему выпуску помѣщено любопытное описаніе «Хлатской свадьбы», на хлатскомъ же нарѣчій,—съ пѣснями, величаніями жениха и невесты и прочими подробностями свадебнаго ритуала \*) (стр. 384—415).

Заслуживаетъ вниманія и то, что рядомъ съ различными видами народной армянской поэзіи, вошедшими въ этотъ сборникъ, приведены въ соответствующихъ мѣстахъ и нѣкоторые виды поэзіи *курдской*. Такъ у Айкуни записаны курдскія *пословицы* (240 штукъ), *заклинанія* (62), *пожеланія* (21), *заклятія* (53), *скороговорки* (4), при чемъ весь этотъ матеріалъ, а равно и шесть *заклятій іезидскихъ*, представлены въ курдскихъ *ориналазъ* (на нарѣчійяхъ Алашкертскомъ, Гайдараглы и др.), въ армянской транскрипціи и въ армянскомъ переводѣ.

(,Изъ предисловія“).

2-й французскій доисторическій конгрессъ соберется съ 21—26-го августа новаго стilia въ г. Ванъ, департ. Морбиганъ. (Congrès pré-historique de France). Мѣсто собранія будущаго конгресса (первый состоялся въ Перигѣ въ прошломъ году) выбрано очень удачно. Всѣмъ извѣстно, что Морбиганъ изобилуетъ археологическими памятниками, преимущественно мегалитическими. Президентомъ конгресса состоитъ извѣстный французскій археологъ, Адриэнъ де-Мортилье, вице-президентами—А. Chervin и Léticune, секретаремъ—М. Baudouin. Конгрессъ ставитъ себѣ слѣдующія задачи: изученіе палеолитической эпохи въ Бретани, менгировъ и каменныхъ аллей, кургановъ, керамики дольменовъ, скульптуръ на мегалитическихъ памятникахъ. Для членовъ конгресса будетъ устроено нѣсколько экскурсій съ цѣлью посѣщенія мѣстныхъ памятниковъ древности.

14-й Археологическій съѣздъ имѣетъ состояться 1—15 августа 1908 года въ Черниговѣ, т.-е. опять на югѣ, въ предѣлахъ все того же района, который входилъ въ программу двухъ предыдущихъ съѣздовъ 13-го (въ Екатеринославѣ) и 12-го (въ Харьковѣ). По этому поводу

\*) Собственно „Хлатская свадьба“ была записана еще въ 1880 г. Мушекомъ Халатовымъ и Александромъ Априковымъ († 1892) со словъ извѣстнаго въ г. Александрополѣ сказителя, переселенца изъ Турецкой Арменіи, Хххата Бишаряна († 1895), и вошла въ настоящій сборникъ вмѣстѣ съ матеріалами С. Айкуни.

въ Предварительный Комитетъ XIV сѣзда поступилъ даже запросъ отъ А. И. Соболевскаго и Н. П. Кондакова, предлагавшихъ считать вопросъ о мѣстѣ сѣзда открытымъ и перерѣшить его въ пользу Самарканда или Севастополя. Нѣкоторые члены комитета выставляли г. Архангельскъ. Постановлено вопросъ о Черниговѣ считать окончательно рѣшеннымъ, но на будущее время вопросъ о мѣстѣ слѣдующаго сѣзда будетъ рѣшаться не на сѣздѣ, а въ Предварительномъ Комитетѣ, такъ какъ послѣдній даетъ наибольшія гарантіи равнобѣрнаго представительства ученыхъ учреждений и обслѣдуемыхъ сѣздами районбвъ. Изъ пожеланій, высказанныхъ въ Комитетѣ, слѣдуетъ отмѣтить предложеніе *Θ. Θ. Горюстаева* (обратить особое вниманіе на изученіе орнамента въ Малоросіи), *Л. С. Смирнова* (подвергнуть изученію старообрядческую старину, такъ какъ старообрядчество имѣло важное значеніе въ исторіи Черниговскаго края), *В. Г. Ляскоранскаго* (пунктъ 6-й его desiderata: «Этнографическая экскурсія въ мѣстности, занимаемая нѣкогда черно-клубуцкими поселеніями на лѣвой сторонѣ Днѣпра, особенно на южной пограничной линіи Черниговской земли для выясненія о томъ, какія особенности уцѣлѣли въ означенныхъ мѣстахъ въ этнографическомъ типѣ, образѣ жизни, языкѣ, занятіяхъ, привычкахъ, преданіяхъ, костюмѣ и проч. отъ нѣкогда жившихъ здѣсь иностранцевъ»). *Черниговская Губернская Учебная Архивная Комиссія* выработала свою «программу работъ» и въ пунктѣ 7-мъ ея предлагаетъ «заняться изученіемъ и описаніемъ мѣстнаго фольклора и народнаго быта вообще, при чемъ необходимо представить въ фотографіяхъ типичныя сельскія постройки, народныя группы и отдѣльныхъ лицъ въ типичныхъ костюмахъ, сдѣлать по нимъ манекены, одѣтые въ народные костюмы такъ, чтобы въ нихъ можно было выразить типичнѣйшихъ представителей уѣзда различныхъ половъ и возрастовъ, а также и различныхъ занятій». *Проф. Д. И. Багалъ* въ своемъ «планѣ работъ XIV Арх. Сѣзда», между прочимъ, говоритъ, что «археологическія изслѣдованія должны быть произведены въ области поселенія древнихъ а) сѣверянъ (отчасти), б) радимичей и в) вятичей, т.-е. въ нынѣшнихъ губерніяхъ: а) черниговской, полтавской, отчасти курской и харьковской, б) въ могилевской, в) въ курской, орловской, калужской». При этомъ желательно опредѣленіе погребальныхъ типовъ сѣверянъ, радимичей и вятичей по соловупности донныѣ извѣстныхъ раскопокъ, а также составить археологическую карту черниговской и полтавской губерній. Онъ же находитъ желательнымъ «изученіе этнографіи черниговщины и полтавщины, въ особенности старинной малороссійской». *Проф. В. С. Завитневичъ*, также въ «планѣ работъ» цѣлью предстоящихъ раскопокъ ставитъ «возможно-точное опредѣленіе границъ сѣверянскаго племени и между прочимъ, соприкосновенія ихъ съ вятичами».

Изъ вопросовъ <sup>1)</sup>, предлагаемыхъ на обсужденіе XIV сѣзда, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе: *И. А. Линниченко*: Типическія черты

<sup>1)</sup> Но на нихъ сами авторы дадутъ рефератъ.

скиеских древностей сѣверной полосы и отличіе ихъ отъ скиеских древностей южныхъ; *Э. Р. фонъ-Штернъ*: Готы на югѣ Россіи по новымъ археологическимъ даннымъ; *Н. Ѡ. Сумцовъ*: 1) Черты древняго быта въ отраженіи въ народныхъ сказкахъ, 2) О древнихъ путевыхъ знакахъ и отраженіи ихъ въ народной словесности, 3) О старинномъ культурномъ общеніи украинцевъ съ нѣмцами по даннымъ украинскаго языка; *Н. И. Троицкій*: Этнографическіе типы и иконописныя «подобія», такъ наз. лицевыхъ подлинниковъ; *Д. И. Баялбей*: Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи; *А. В. Верзиловъ*: Колонизація въ Черниговскомъ полку. Изъ запросовъ, на которые желательно получить разъясненія, слѣдуетъ отмѣтить также нѣкоторые, а именно: *В. Н. Сторожевъ* является авторомъ слѣдующаго запроса: Составить систематическій сводъ и дать научную обработку всего матеріала по части первобытныхъ древностей, добытыхъ до настоящаго времени путемъ раскопокъ на территоріи современной Европейской Россіи; *онъ же*: Составить научнопопулярный очеркъ, добытыхъ путемъ раскопокъ на территоріи современной Е. Россіи первобытныхъ древностей (съ обращеніемъ особеннаго вниманія на опытъ ихъ этнографическаго приуроченія); *В. Е. Данилевичъ*: Желательно собрать въ спискахъ или подлинникахъ предметы народнаго культа, особенно амулеты, ладонки и т. п., *А. И. Миловидовъ*: Выяснить окончательно вопросъ о древнихъ ятвягахъ и о территоріи ихъ; *Н. А. Янчукъ*: Степень достовѣрности славянскаго происхожденія вятичей; *П. М. Добровольскій*: Рукописныя памятники Черниговской губерніи; *А. А. Мухановъ* и *А. Н. Филиповъ*: О древнихъ формахъ землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ; *М. Г. Халанскій*: Народный элементъ въ церковной живописи черниговской губерніи; *И. Е. Евсеевъ*: Характеристика сѣверскаго нарѣчія.

По изученію Екатеринославскаго края. Къ XIII-му Археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ былъ изданъ «Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго о-ва по изученію края». Въ сборникъ, между прочимъ, помѣстили статьи: *Н. Ѡ. Сумцовъ*: Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губ., *Я. П. Новицкій*: «Съ береговъ Днѣпра», *Онъ же*: «Старожитные уѣзды Ек-ской губ., Новомосковскій и Павлоградскій», *П. Буцинскій*: «Запорожское казачество», *В. Е. Данилевичъ*: «Монетные клады Ек-ской губ.» и др.

Карта народностей Россіи по губерніямъ и областямъ, составленная Н. П. Пештичемъ и недавно вышедшая въ свѣтъ, представляетъ большой интересъ для этнографіи. Каждая губернія представлена квадратомъ, разбитымъ на сто равномѣрныхъ маленькихъ квадратиковъ. Каждая населяющая губернію народность имѣетъ свой цвѣтъ, которымъ закрашено такое число квадратиковъ, которое соотвѣтствуетъ процент-

ному отношенію данной, опредѣляемой по родному языку, народности къ общему числу жителей губерніи. Оказывается, что великорусская народность преобладаетъ (отъ 55—99%) въ 35 губер. Европейской и Азіатской Россіи; малорусская—въ 8, бѣлорусская—въ 4 губерніяхъ. Поляки преобладаютъ въ 9 губер. Царства Польскаго, финскія народности (считая и Финляндію) въ 9; турецко-татарскія—въ 14; литовцы—въ 2; на долю латышей, кавказскихъ горцевъ, грузинъ и армянъ приходится всего по одной губерніи. Насчитывается еще одиннадцать губерній со смѣшаннымъ населеніемъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ ни одна изъ населяющихъ ее народностей не достигаетъ 55% общаго числа жителей. Такихъ губерній въ Европейской Россіи—5; на Кавказѣ—5 и въ Сибири—1. Составленная г. Пештичемъ карта представляетъ дополненіе и иллюстрацію къ его работѣ, напечатанной въ «Петербургскомъ Земскомъ Вѣстникѣ» и озаглавленной: «Къ самоопредѣленію народностей въ Россіи». Эта работа сопровождается, въ свою очередь, множествомъ детальныя картъ по каждой народности. „Новое Время“.

Изданіе новѣйшихъ «частушекъ» стоитъ на очереди въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Географ. Общества. Отдѣленіе рѣшило въ непродолжительномъ будущемъ (какъ только найдутся средства) издать цѣлый сборникъ ихъ, при чемъ эту работу выполнить кружокъ молодыхъ этнографовъ. У послѣднихъ имѣется уже свыше десяти тысячъ частушекъ, записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Великороссіи. Д. З.

Журналъ «Живая Старина», издаваемый подъ редакціей В. И. Ламанскаго, не выходилъ въ теченіе всего 1905 года. Теперь вышла 1-ая книга за 1906 годъ, при чемъ редація поясняетъ, что «во избѣжаніе дальнѣйшихъ несправностей при изданіи журнала, редація рѣшила пропустить 1905 годъ и считать пятнадцатымъ годомъ его изданія не 1905, а 1906». Въ теченіе нынѣшняго года выйдетъ «словацкій и предметный указатель къ «Живой Старинѣ» за 15 лѣтъ ея изданія (60 выпусковъ)».

«Этнографическій Вѣстникъ» (Národopisny Věstník) выходитъ съ января этого года въ Прагѣ ежемѣсячно (вмѣсто прежняго «Этнографическаго сборника» — «Národopisny Sborník»). Издателемъ попрежнему является общество пражскаго чехо-славянскаго этнографическаго музея.

7-й этнографическій концертъ, устроенный музыкально-этнографической комиссіей, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э., въ залѣ Историческаго Музея въ Москвѣ, 3-го марта этого года, былъ посвященъ в.-русской, малорусской и инородческой народной музыкѣ. Кромѣ пѣнія хоромъ и solo, исполнялись мелодіи на гусли и ларѣ. Концертъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ.